8РФ
К43

ПѢСНИ

СОБРАННЫЕ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ

Москва
1860

2го К. К.
БИБЛІОТЕКА. 198
ОТД. III № 385

2го К. К.
БИБЛІОТЕКА.
ОТД. III № 241

Старшаго возраста
2й Петер. Воен. Гимназіи.
230.

БИБЛІОТЕКА
2й Петербургской Военной
ГИМНАЗІИ
Отдѣлъ III № 394 385

Старшаго возраста.
2й Петер. Воен. Гимназіи.

ЗРФ
К-43

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

В. 2-й П. ВОЕННОЙ ГИМНАЗІИ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

119548 кр

МОСКВА.
Въ Типографіи А. Семена.
1860.

Национальная библиотека Республики Карелия

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 1юля 16-го дня 1860 года.

Цензоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1860 года, января 16-го дня, XXII засѣданіе; пунктъ 9-й. «Д. Членъ К. С. Аксаковъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Николай Алексѣевичъ Елагинъ изъявилъ свое согласіе на предоставленіе оному права издать собраніе пѣсень брата его, покойнаго Члена Общества П. В. Кирѣевскаго. Положено: немедленно приступить къ приготовленію сего изданія, для чего и просить г. Предсѣдателя о полученіи рукописей отъ Н. А. Елагина.»

— Февраля 23-го дня, XXVI засѣданіе; пунктъ 5. «Д. Членъ К. С. Аксаковъ сообщилъ Обществу, что дѣло о передачѣ Обществу права на изданіе собранія народныхъ пѣсень покойнаго П. В. Кирѣевскаго братьями покойнаго В. А. и Н. А. Елагиными приведено къ окончанію, при чемъ В. А. Елагинъ выразилъ желаніе принять участіе въ трудахъ по сему изданію и могущіе получиться, за покрытіемъ издержекъ по изданію, барыши отъ онаго считаетъ необходимымъ обратить въ пользу малолѣтнихъ наслѣдниковъ покойнаго.— Положено: изъявивъ полное согласіе на означенныя желанія В. А. Елагина, приступить къ изданію.»

— Февраля 29-го дня, XXVII засѣданіе; пунктъ 2. «Д. Членъ К. С. Аксаковъ представилъ Обществу полученныя имъ отъ В. А. Елагина рукописи собранія пѣсень покойнаго П. В. Кирѣевскаго передаваемыя Обществу для изданія оныхъ.—Положено: а) выразить В. А. Елагину искреннюю признательность за предоставленіе Обществу права изданія оныхъ и б) изданіе поручить Д. Членамъ К. С. Аксакову, П. А. Безсонову и В. И. Далю, при участіи согласно пункту 5-му протокола 23-го февраля, В. А. Елагина.»

— Марта 11-го дня, XXIX засѣданіе; пунктъ 7. «Въ составъ Коммиссіи для изданія собранія народныхъ пѣсень покойнаго П. В

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1860-й годъ.

Кирѣевскаго и состоящей изъ Д. Членовъ К. С. Аксакова, П. А. Безсонова и В. И. Даля, при содѣйствіи В. А. Елагина, избраны Д. Члены Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и С. А. Соболевскій.»

— Марта 15-го дня, XXX засѣданіе; пунктъ 4. «Читанъ докладъ Коммиссіи для изданія Сборника народныхъ пѣсень П. В. Кирѣевскаго, съ изложеніемъ плана, которому Коммиссія полагаетъ слѣдовать при семъ изданіи.— Положено: планъ Коммиссіи одобрить и за тѣмъ приступить къ изданію въ возможно-скоромъ времени.»

— Мая 7-го дня, XXXV засѣданіе; пунктъ 5. «По случаю печатанія перваго выпуска Собранія пѣсень П. В. Кирѣевскаго, положено: а) издать его въ числѣ 1,200 экземпляровъ; б) цѣну экземпляру назначить по 50 к. сер.; в) 100 экземпляровъ онаго оставить въ Обществѣ для раздачи Членамъ безплатно, согласно § 6 Устава; г) продажу книги начать въ сентябрѣ сего года и д) всѣ распоряженія по напечатанію и продажѣ сего изданія возложить на Д. Члена П. А. Безсонова.»

*

I.

Пѣсни былевыя.

Время Владимірово.

Выпускъ 1.

Илья Муромецъ,

БОГАТЫРЬ-КРЕСТЬЯНИНЪ.

Б. СПБ. ВОЕННОЙ ГИМНАЗІИ

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

По мысли, руководившей постоянно П. В. Кирѣевскимъ, Коммиссія, издающая нынѣ Сборникъ его пѣсень, не ограничивается тѣмъ, что̀ нашла въ бумагахъ покойнаго, но присоединяетъ сюда въ пополненіе и другія пѣсни изъ печатныхъ изданій, а гдѣ нужно, въ *Приложеніяхъ* къ выпуску, помѣщаетъ Сказки, Историческія показанія, Преданія, и т. п.

Изданіе должно бы собственно начинаться народными *Стихами*, или духовными пѣснопѣніями народа: но они помѣщены уже были самимъ Собирателемъ, 1848 года, въ № 9-мъ Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, а дополнительная тетрадь къ нимъ, заключавшая разнорѣчія (варіанты), къ сожалѣнію, доселѣ числится потерянною. Потому, въ настоящемъ случаѣ является—

Отдѣлъ 1-й, Пѣсни Былевыя (называемыя у насъ также Былинами, Побывальщинами, Старинами, и т. д.): то есть сперва Богатырскія, и за тѣмъ Историческія въ тѣсномъ смыслѣ, заканчивающіяся особыми пѣснями — *Безимянными*,

1*

о безимянныхъ витязяхъ и мо́лодцахъ, удальцахъ и разбойникахъ.

1-й Выпускъ этого отдѣла, изъ времени Владимірова, — Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ.

Всѣ пѣсни, сюда вошедшія, при которыхъ нѣтъ замѣтки о заимствованіи изъ какого либо прежняго, печатнаго изданія, принадлежатъ Сборнику П. В. Кирѣевскаго. Когда онѣ вошли въ него, какое занимали мѣсто въ его составѣ, въ какомъ найдены видѣ, и тому подобные вопросы рѣшены будутъ въ послѣдствіи, по окончаніи настоящаго изданія и при обозрѣніи всего Сборника, тѣмъ болѣе, что самъ уже Собиратель предложилъ общія свѣдѣнія по этому дѣлу въ Предисловіи къ отпечатаннымъ Стихамъ (въ Чтеніяхъ) и во Вступленіи къ Былевымъ пѣснямъ, которое мы помѣстили вслѣдъ за симъ.

Все, что записано или переписано собственною рукою П. В. Кирѣевскаго, или же носитъ явные слѣды его пересмотра, все то отпечатано съ буквальною точностію, въ самомъ даже правописаніи и въ знакахъ препинанія. Не простирая никакого притязательнаго права на то, что́ вышло уже *готовымъ* изъ рукъ самого Собирателя, настоящее изданіе удовольствовалось только тѣмъ, что дозволило себѣ, въ текстѣ такихъ пѣ[illegible], *отдѣлить иногда красную строку*, или же *поставить въ скобкахъ* тѣ стихи, которые явно внесены въ пѣсню позднѣе или нейдутъ къ ея собственному составу.

Всѣ *замѣчанія П. В. Кирѣевскаго*, прибавленныя къ пѣснямъ, оставлены также неприкосновенными, съ отмѣткой: *Зам. П. В. Кир.*

Въ замѣнъ того, при остальныхъ пѣсняхъ изъ Сборника и

другихъ печатныхъ изданій, языкъ, разумѣется, удержанъ въ точности, но *правописаніе*, *раздѣленіе стиховъ*, и т. п., въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнено по усмотрѣнію.

Примѣчанія печатныхъ изданій, какія, въ полномъ или сокращенномъ видѣ, сочтены необходимыми или важными, удержаны всѣ съ отмѣткой: *Прим. 1-го изд.*

Всѣ остальныя соображенія касательно текста, состава пѣсень, языка, и т. п., принадлежащія *настоящему изданію*, отмѣчены буквою *О* (Общество Л. Р. Сл.).

При всѣхъ вообще пѣсняхъ принято: *въ началѣ* ихъ, въ скобкахъ, отмѣчать *мѣстность*, гдѣ онѣ записаны (за исключеніемъ сборника Кирши Данилова или Др. Росс. Стихотвореній, извѣстныхъ всякому по ихъ печатному изданію), а *въ концѣ — кѣмъ* записано, доставлено, или *гдѣ* передъ тѣмъ напечатано.—Гдѣ же, изъ Сборника П. В. Кирѣевскаго, нѣтъ этихъ отмѣтокъ, о тѣхъ пѣсняхъ высказаны будутъ объясненія въ послѣдствіи, при обзорѣ состава цѣлаго Сборника.

Если *разнорѣчія* не нарушаютъ *цѣлости* пѣсни , а напротивъ дѣлаютъ ее отдѣльнымъ и особымъ *цѣлымъ* , въ такомъ случаѣ пѣсни оставлены въ ихъ видѣ и помѣщены въ послѣдовательномъ порядкѣ одна за другою, по мѣрѣ ихъ сродства, хотя бы самаго близкаго. Сводить же разнорѣчія изъ нѣсколькихъ пѣсень къ тексту одной главной, принято тамъ лишь, гдѣ вся разница ихъ *въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ* словахъ и оборотахъ. Въ настоящемъ выпускѣ напечатана въ семъ послѣднемъ видѣ одна лишь пѣсня, 7-я въ разрядѣ II-мъ, тѣмъ болѣе, что она сведена уже изъ разнорѣчій въ бумагахъ Собирателя *).

*) Въ сводъ не внесены только ничтожныя разнорѣчія, вѣрно или нѣтъ прибавленныя къ пѣсни въ Моск. Телеграфѣ 1827 г. № 23, стр. 108, 109.

Правила, здѣсь изложенныя, приняты не только для предлежащаго выпуска, но и для всего послѣдующаго изданія.

Порядокъ, въ которомъ размѣщены одна за другою пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, и самыя *основанія* этого порядка, объяснены на концѣ выпуска, послѣ Приложеній, въ особой *Замѣткѣ*.

Коммиссія отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

*

ВСТУПЛЕНІЕ

къ Былевымъ пѣснямъ,

П. В. Кирѣевскаго *).

Историческихъ народныхъ пѣсенъ дошло до насъ немного, если сравнить ихъ количество съ огромною массою пѣсенъ другихъ разрядовъ; и это едва ли могло быть иначе,— не смотря на живое участіе, которое Русской народъ всегда принималъ въ событіяхъ отечества.—Именно тотъ слой народа, который шелъ во главѣ *историческаго* движенія Россіи и потому естественно былъ ближайшимъ хранителемъ изустнаго историческаго преданія,— съ начала прошедшаго вѣка принялъ надолго направленіе, неблагопріятное для сохраненія родныхъ воспоминаній; а остальной народъ, и до сихъ поръ еще не отвыкшій пѣть народныя пѣсни, могъ сохранить въ памяти только немногіе отпечатки главныхъ

*) Напечатано имъ въ Московскомъ Сборникѣ, 1852 г., т. I, по случаю изданія двухъ Былевыхъ пѣсенъ (между прочимъ объ Ильѣ Муромцѣ), которыя покойный Собиратель называлъ обыкновенно *Историческими*. — *О.*

эпохъ исторіи.—Подобное же явленіе, но еще раньше, чѣ
у насъ и еще гораздо сильнѣе, совершилось въ Польш
гдѣ не уцѣлѣло ни одной исторической народной пѣсни

Историческія пѣсни, находящіяся въ моемъ Собраніи, о
носятся ко временамъ св. Владиміра, съ именемъ котор
въ народной памяти сливаются и пѣсни, относящіяся
такъ называемому удѣльному періоду; есть пѣсни объ Іоан
Грозномъ, объ царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Алексѣѣ М
хайловичѣ и о Петрѣ; но царствованіе Петрово можно
звать и границею настоящихъ народныхъ историческихъ
сенъ, которыя, послѣ Петра, продолжали возникать тол
среди Волжскаго и Донскаго казачества. Правда, что
ются въ народѣ пѣсни о семилѣтней войнѣ, о Турецких
Шведскихъ войнахъ Екатерины, о войнѣ 1812 года, и м
гія другія; но эти пѣсни разительно отличаются ото всѣ
настоящихъ народныхъ пѣсенъ: онѣ лишены всякого
этическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія тол
какъ любопытные памятники времени.

Замѣчательно, что первыя, полумиѳическія времена Р
ской исторіи уцѣлѣли въ народныхъ пѣсняхъ свѣжѣе,
жели послѣдующія; между тѣмъ какъ пѣсенъ объ тѣхъ
бытіяхъ, которыя такъ глубоко потрясали Россію во в
мена Татаръ и Самозванцевъ—осталось мало. Можетъ б
это потому, что, переходя изъ устъ въ уста, древнее и
даніе, по мѣрѣ своей отдаленности, богаче украшается
дужными цвѣтами поэзіи; а можетъ быть потому, чт
народъ, какъ отдѣльный человѣкъ, въ счастливыя эп
внутренней тишины—но тишины, разумѣется основанной
на усыпленіи, а на зиждительной сосредоточенности его
ховныхъ стремленій — бываетъ доступнѣе для впечатл
глубокихъ и прочныхъ, нежели въ эпохи бурныхъ т
жествъ, или ожесточенной борьбы.

Въ пѣсняхъ о Іоаннѣ Грозномъ народъ сохранилъ воспо
наніе только о свѣтлой сторонѣ его характера. Онъ пѣ
о славномъ завоеваніи Казани и Астрахани; о правос

номъ царѣ, которому преклоняются всѣ орды Татарскія; объ его любви къ Русскому народу и его радости, когда Русской удалецъ, на его свадебномъ пиру, поборолъ его гордаго шурина, Черкасскаго князя; но не помнитъ ни объ его опричникахъ, ни объ другихъ его темныхъ дѣлахъ. Такая память народа, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полное вниманіе историковъ.

Особенно замѣчательно совершенное почти отсутствіе пѣсенъ объ эпохѣ такъ называемаго Татарскаго ига. По крайней мѣрѣ въ моемъ Собраніи Пѣсенъ (а оно, безъ преувеличенія, должно быть названо очень многочисленнымъ), нѣтъ ни одной, которую бы можно было несомнѣнно отнести къ этому времени. Такое отсутствіе воспоминаній объ этой эпохѣ можетъ служить сильнымъ свидѣтельствомъ противъ лицъ, называющихъ это несчастное время эпохою Татарскаго владычества, или ига, а не эпохою Татарскихъ опустошеній, какъ было бы справедливѣе. Иноземное владычество, особенно долговременное, необходимо проникаетъ во всѣ отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народной духъ и не можетъ не оставить воспоминаній неизгладимыхъ. Могло бы оно вовсе истребить пѣсни въ Русскомъ народѣ; но, при существованіи такого огромнаго богатства народныхъ пѣсенъ и преданій, не могло бы стереть подобныя воспоминанія.

—

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ

*

I.

1.

(Симбирской губерніи и уѣзда, село Языково).

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

Илья Муромецъ, сынъ Иваповичь,
Онъ въ сидня́хъ сидѣлъ тридсять три года;
Пришли къ нему нища братія,
Самъ Ісусъ Христосъ, два Апостола:
« Ты пойди Илья, принеси напить ! »
— Нища братія, я безъ рукъ безъ ногъ!—
« Ты вставай Илья, насъ не обманывай ! »
Илья сталъ вставать—ровно встрёпаный;
Онъ пошёлъ принёсъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
« Много ли Илья чуешь въ себѣ силушки ? »
— Отъ земли столбъ былъ да до нёбушки,
Ко столбу было золото́ кольцё,
За кольцё бы взялъ, Святорусску поворотилъ!—
« Ты поди Илья, принеси другу чашу ! »
Илья сталъ имъ поднашивать,

Они Ильѣ отворачиваютъ;
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
« Много ли Илья чуешь въ себѣ силушки? »
— Во мнѣ силушки половинушка.—
« Проводи Илья насъ въ чисто́ поле,
« Во чисто́ поле, къ высоку́ бугру,
« Къ высоку́ бугру, ко разкатисту.»
На бугрѣ Илья отдохнуть прилёгъ.
Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ.

Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
Богатырёмъ сильнымъ могучімъ *).
Онъ и сталъ Татаръ попытывать.
Выѣзжалъ къ нему младъ Тата́рченокъ,
Младъ Тата́рченокъ, бусурма́нченокъ,
На своемъ конѣ богатырскіемъ;
Онъ тугой лучёкъ натягивалъ,
Кленову́ стрѣлу накладывалъ,
Онъ стрѣлялъ въ Илью во бѣлу́ю грудь;
Не попалъ онъ во бѣлу́ю грудь,
А попалъ онъ во добра́ коня,
Во добра коня въ богатырскаго:
« Младъ Тата́рченокъ бусурманченокъ!
« Кабы мать твоя не кума была,
« Я бы взялъ тебя за праву́ руку,
« Я закинулъ бы во синё море! »
Онъ садился же на добра́ коня,
На добра коня богатырскаго,
Онъ поѣхалъ же во чисто́ поле
Ко тому Соловью ко разбойничку.
То пришли ко Ильѣ три дороженьки,
А межъ трехъ дорогъ бѣлъ горю́чь камень,

*) Эти четыре стиха, явно ебитые пѣвцомъ, записаны такъ:
На бугрѣ Илья отдохнуть прилёгъ.
Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
Богатырёмъ сильнымъ могучімъ;
Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ.

55. А на камешкѣ подписано:
На Восходъ ѣхать, быть богатому;
Ежли на́ Полдни, быть женатому;
На Западъ ѣхать, быть убитому.
(Тутъ мое житье все и скончилось.)

*

2.

(Тамъ же).

Охъ вы люди люди добрые,
Шабры *) мои приближённые!
Вы прійдите посидѣть ко мнѣ,
Вы скажите мнѣ про старое,
5. Про старое про бывалое,
Про того ли Илью Муромца,
Илью Муромца сынъ Ивановича.

Онъ въ сидня́хъ сидѣлъ ровно тридсять лѣтъ,
Тридсять лѣтъ и три года;
10. Онъ пошёлъ гулять по Салфѣ рѣкѣ,
По Салфецкому круту бе́режку;
Выѣзжалъ Илья на высокъ бугоръ,
На высокъ бугоръ на разкатистый,
Разставлялъ шатёръ—полы бѣлыя;
15. Разставя шатёръ сталъ огонь сѣчи́;
Высѣча́ огонь, сталъ раскладывать;
Разложа огонь, сталъ кашу варить;
Сваря кашу, сталъ расхлёбывать;
Расхлебавъ кашу, сталъ почивъ держать.
20. Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ,
На двѣнадсять дёнъ на двое суточки.
Гдѣ не взялся . . . . . Тата́рченокъ,
Тата́рченокъ бусурма́нченокъ;
Онъ взошёлъ въ шатёръ, самъ дивуется:

*) Шабры—сосѣди.—*О.*

« Еще быть это Илья Муромецъ *),
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
« Соннаго мнѣ убить—не честь не хвала,
« А разбудить его—не сладити.»
Цапъ царапъ его во бѣлу́ю грудь!
Онъ не попалъ злодѣй во бѣлу́ю грудь,
Онъ попалъ злодѣй въ чудень зо́лоть крестъ;
Отъ креста копье загибалося.
Ото сна Илья пробуждается,
Злу Татарченку издивляется:
—Еще что это . . . . . за Тата́рченокъ!
—Въ вышину онъ злодѣй пять аршинъ,
—А въ ширину злодѣй коса сажёнь,
—Голова на нёмъ какъ пивной котёлъ,
—Во лбу глаза по большо́й чашѣ.—
Онъ и снёсъ съ него злодѣя буйну голову
Но его могучи плеча.

*

3.

(Сиб. губ., г. Сызрань, с. Языково).

Охъ вы люди мои, люди добрые,
Люди добрые, шабры ближніе!
Вы скажите мнѣ про старое,
Про старое про бывалое,
Про стараго козака Илья Муромца!
Какъ старый козакъ въ походъ ходилъ
Подъ тоё ли же подъ матушку
Подъ Софу рѣку́;
Какъ коня сѣдлалъ, какъ съ двора съѣзжалъ;
Онъ бралъ свою збрую ратную,
Копьё Морзомецкое **),
Выѣзжалъ онъ во далече во чисто поле

*) Надо быть—это Илья Муромецъ.—*О.*

**) Мурзаменкое: Мурзинское, отъ Мурза.—*О.*

Наѣзжалъ онъ въ чистомъ полѣ диковинку:
Разъѣздну́ю походну́ю красну дѣвицу.
Не доѣхавши онъ остановится:
«Охъ ты гой еси душа ли красна дѣвица!
«Охъ ты что́ одна въ чистомъ полѣ казакуешь?
«Какого ты роду, царскаго или барскаго,
«Или сильнаго роду княженецкаго?»
Возго́воритъ красна дѣвица:
— Охъ ты гой еси старый казакъ Илья Муромецъ!
—Я не царскаго роду, и не барскаго,
—И не сильнаго роду княженецкаго:
—Я жила была у батюшки дочь гостиная,
—Я бѣжала красна дѣвица со новыхъ сѣнéй,
—Отъ того Олёши Поповича,
—Отъ насмѣшника пересмѣшника.—
Возго́воритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Охъ ты гой еси душа ли красна дѣвица!
«Охъ ты что́ мнѣ давно не сказалася?
«Я бы съ Олёшей переѣдался,
«Я бы снялъ съ Олёши буйну голову.»
Подъѣзжаетъ старый козакъ къ Софѣ рѣкѣ,
Къ тому ли мосточку калинову:
Онъ разставливаетъ свой полотняный шатёръ,
Разставивши шатёръ, сталъ кашичку варить,
Сварёмши кашичку, онъ позавтракалъ,
Онъ позавтракамши, сталъ почивъ держать.
Богатырскій сонъ на двѣнадсять дён.
Изъ далеча далече изъ чиста́ поля
Не ясенъ соколъ тутъ вылётывалъ,
Не черной воронъ тутъ выпорхивалъ,
Выѣзжаетъ тутъ злой Тата́рченокъ,
Злой Татарченокъ басурманченокъ,
Подъѣзжаетъ онъ ко бѣлу шатру,
Раскрываетъ у шатра полу правую,
Онъ и бьетъ добраго молодца, не жалуетъ;
Далъ онъ ему девять ранъ,
Десятую хотѣлъ смертную:
Ударилъ онъ его въ ретиво́ сердце.

Не угодилъ-то онъ ему въ ретиво́ сердце,
Угодилъ-то онъ ему въ зла́тый чу́дный крестъ.
Отъ креста копье загибалося,
Отъ сна добрый молодецъ пробуждается.
Онъ и всталъ старый казакъ на рѣзвы́ ноги:
«Охъ ты гой еси злой Татарченокъ,
«Что́ ты меня бьешь соннаго, аки мертваго,
«А спдящаго, аки дряхлаго?
«Мы бы съ тобой такъ могли побаталиться,
«А между собой похвастаться!»
Онъ и взялъ его за рѣзвы́ ноги,
Онъ и кинулъ его во чисто́ поле,
Повыше дерева стоячаго,
Пониже облака ходячаго.

*

4.

(Оренбург. губ., Уфимскаго уѣзда, село Новосёлки).

Далече, далеченько въ чистомъ полѣ,
Еще подалѣ во раздольѣ,
Выѣзжалъ тутo удалъ молодецъ,
Удалъ молодецъ Илья Муромецъ,
Онъ раскпнулъ уже полотняпъ шатеръ,
Онъ раскинувши сталъ почивъ держать.
Издалече, изъ чиста поля,
Выѣзжалъ тутo удалъ молодецъ,
Удалъ молодецъ, бѣлъ Борисъ Козловъ.
Онъ натягивалъ свой ту́гій лукъ,
Онъ накладывалъ кленову стрѣлу,
Цѣлится бить Илью Муромца.
Онъ и бьетъ Илью по бѣлу лицу,
По бѣлу лицу, по румяному.
Какъ возговоритъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Илья Муромецъ:
«Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
«Добрый молодецъ, бѣлъ Борисъ Козловъ!

«Ты не бей меня по бѣлу лицу,
«По бѣлу лицу, по румяному:
«Я стончу тебя на добрыхъ конѣ,
«На добрымъ конѣ, богатырскіемъ.»

*

5.

(Сузунскій заводъ, въ Алтайскомъ горномъ округѣ *).

Что по край было синя́ моря́,
На богатырской на за́ставѣ,
Стояли тутъ пять бога́тырей:
Перво́й — Илья Муромецъ,
Второй — Колыванъ сынъ Ивановичъ,
Третій — Самсонъ Васильевичъ,
Четвертый — Добрыня Никитичъ младъ,
А пятый — Алёша Поповичъ.
Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго и ни пѣшаго,
Ни царскаго, ни боярскаго;
Ни звѣря рыскучаго,
Ни птицы летучей.
Младъ ясенъ соколъ летитъ —
— Перо выропитъ;
Добрый мо́лодецъ бѣжитъ —
— Головой вершитъ **).
На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца краснаго,

---

*) Округъ сей занимаетъ самую большую часть Томской губерніи; первоначальное Русское его населеніе образовалось изъ жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерній, въ началѣ прошлаго столѣтія.—*Прим. 1-го изд.*

**) *Головой вершить* — жизнь покончить; сложить голову. *Вершить* — кончить начатое дѣло, сводить шатромъ или конусомъ стогъ, зародъ сѣна. *Пора уже стогъ вершить; дѣло завершено.*—*Тоже.*

Отъ сна Илья пробужается.
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошолъ Илья на Днѣпръ-рѣку,
На Днѣпръ-рѣку умыватися,
А самъ смотритъ во чисто́ полѐ.
Завидѣлъ онъ до́бра мо́лодца,
Подъ молодцомъ конь какъ бы лютой звѣрь,
На конѣ молодецъ какъ ясенъ соколъ;
Хороша управа *) молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе.
По праву руку летитъ ясе́нъ соколъ;
Въ рукахъ держитъ мо́лодецъ третра-перо **),
Сквозь пера не видно лица бѣлаго.
Не могъ признать Илья добра молодца.
Приходилъ Илья ко бѣлымъ шатрамъ,
Выходилъ Илья середи круга́,
Говорилъ онъ таковы слова:
«Братцы вы мои, товарищи!
«Кто изъ васъ удалѣе всѣхъ?
«У кого конь порыскучѣе,
«Бѣжать за удалымъ добрымъ мо́лодцомъ,
«Распросить его о дѣдинѣ, отчинѣ,
«И чей такой добрый мо́лодецъ?—
«Царь или царевичъ,
«Король или королевичъ,
«Или Русской могучій богатырь?
«Если Русской богатырь—то побрататься,
«А невѣрный—поразвѣдаться.»
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ:
—Я, братцы, поудалѣе всѣхъ,
—У меня конь порыскучѣе.—
Побѣжалъ Алеша за добрымъ мо́лодцомъ;
Бѣжалъ онъ день до вечера,

---

*) Хороша *управа* молодецкая — посадка. — *Прим. 1-го изд.*

**) *Третра—перо.* Разумѣть, кажется, должно опахало. Собственное же значеніе *третра* мнѣ неизвѣстно.—*Прим. 1-го изд.* — Вабило, чѣмъ манятъ сокол — *О.*

Темную ночь до бѣла̀ свѣта̀.
Догоняетъ онъ добраго мо́лодца
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго;
Кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
«Ты постой, постой, добрый молодецъ!
«Ты или Русской богатырь,
«Или засельщина-деревеньщина;
«Ты или коня укралъ, или мужика убилъ,
«А сюда заѣхалъ — хвастаешь,
«Чужимъ именемъ называешься?»
Тутъ-то Бориску за бѣду стало̀,
За великую досаду показалося;
Поворачивалъ коня какъ люта̀ звѣря̀,
На встрѣчу къ Алешѣ Поповичу;
Беретъ Алешу за бѣлы̀ руки̇,
Снимаетъ его съ добра коня,
Вынимаетъ шелепугу *) подорожную,
Стегалъ онъ Алешу Поповича
И садилъ его на добра̀ коня.
Ѣдетъ Алеша пьянъ, шатается,
Ко сѣдельной лукѣ приклоняется.
Завидѣлъ А́лешу Илья Муромецъ:
«Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ,
«Не пей ты зелена вина,
«Не ѣшь сладки кушанья.»
Отвѣчаетъ Алеша Ильѣ Муромцу:
—Радъ бы я не пить зелена вина
—И не ѣсть сладки кушанья:
—Напоилъ-то меня добрый молодецъ до́ пьяна,
—Накормилъ онъ меня до́ сыта
—Той шелепугой подорожною.—
Хваталъ тутъ Илья своего коня,
Побѣжалъ онъ за добрымъ мо́лодцомъ:

---

*) *Шелепуга* или *шелень*—широкій толстый ремень, употребляемый вмѣс плети. — *Примѣч. 1-го изд.* — Отъ *шлепать*. Плеть; плеть съ обвязанн пулей; кистень; палица. — *О.*

Бѣжалъ онъ день до вечера;
Нагналъ его на разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго.
Ударились они палицами боевыми;
Палицы ихъ разгоралися,
Въ рукахъ изломалися.
Скакали они съ добрыхъ коней,
Схватывались они за бѣлы руки.
Тутъ-то Бориско на носокъ востёръ *),
Сшибалъ Илью на сыру землю
И садился ему на бѣлы груди,
Говорилъ Ильѣ таковы слова:
«Ты базыга, базыга **) старая!
«За чѣмъ ты на малаго отрока напущаешься?»
Береть его Илья на бѣлы руки,
Стаетъ на рѣзвы ноги,
Металъ его выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго,
Подхватывалъ его на руки.
Тутъ-то Бориско пріужахнулся,
Говорилъ онъ таковы слова:
«Ты охота, охота молодецкая!
«Полетай-ко охота къ моей матушкѣ,
«Спроси-ко у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться?»
—Говорила я тебѣ, дитя, наказывала:
—Гдѣ ты съ Ильей съѣдешься,—
—Только ты ему низко кланяйся:
—По роду тебѣ онъ отецъ родной.—

(Записано Д. П. Соколовымъ. Изъ прибавленій къ Извѣстіямъ II-го отд. Акад. Наукъ, т. II).

*

*) *На носокъ востёръ*: ловкій, въ борьбѣ на носокъ.—*Прим. 1-го изд.*

**) *Базыга*—хрычъ, глуздырь.—*Тоже.*

6.

(Кирша Данилов. Древн. Росс. Стихотворенія).

Какъ изъ славнаго города, изъ Кіева
Поѣзжали два могучіе богатыри:
Поѣзжалъ Илья Муромецъ
Со своимъ братомъ названымъ,
Съ молодымъ Добрынею Никитичемъ.
А и будутъ они во чистомъ полѣ,
Какъ бы сверхъ тоя рѣки Череги,
Какъ бы будутъ они у матушки у Сафатъ рѣки;
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
« Гой еси ты, мой названой братъ,
« Молодой Добрынюшка Никитичь младъ!
« Поѣзжай ты за горы высокія,
« А и я, дескать, поѣду подлѣ Сафатъ рѣки. »
И поѣхалъ Добрыня на горы высокія,
И наѣхалъ онъ Добрынюшка Никитичь младъ бѣ шатеръ,
И начался *) Добрынѣ какой сильной могучій богатыр
Изъ того шатра полотняпаго
Выходила тутъ баба Горынинка.
Заздорилася баба Горынинка.
Молодой Добрыня Никитичь
Скочилъ Добрыня со добра копя,
Напущался онъ на бабу Горынинку;
Учинилася бой-драка великая:
Они тяжкими палицами ударились,
У нихъ тяжкія палицы разгорялися;
И бросили они палицы тяжкія,
Они стали уже драться рукопашнымъ боемъ.—
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
А ѣздилъ онъ подлѣ Сафатъ-рѣки,
И наѣхалъ онъ туто бродучій слѣдъ —
И поѣхалъ и по тому слѣду бродучему,
А наѣзжаетъ онъ богатыря въ чистомъ полѣ,

*) *Начался* — начался.— *О.*

Онъ Збута Бориса Королевича.
А на втапоры Збутъ Королевичь младъ
И отвязывалъ стремя вожья выжлока *),
Со руки опускаетъ ясна сокола, —
А самъ ли то выжлоку наказываетъ:
« А тепере мнѣ не до тебя пришло;
« А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,
« И корми ты свою буйну голову. »
И ясну соколу онъ наказываетъ:
« Полети ты, соколъ, на сине море,
« И корми свою буйну голову;
« А мнѣ молодцу не до тебя пришло. »
Наѣзжаетъ Илья Муромецъ Ивановичь.
Какъ два ясна сокола слеталися —
И наѣхалъ Збутъ Королевичь младъ,
Напущается онъ на стараго,
На стара козака Илью Муромца,
И стрѣляетъ Илью во бѣлы груди,
Во бѣлы груди изъ туга лука;
Угодилъ Ильѣ онъ во бѣлу грудь.
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
Не бьетъ его палицей тяжкою,
Не вымаетъ изъ налушна **) тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Не стрѣляетъ онъ Збута Бориса Королевича —
Его только схватилъ во бѣлы руки
И бросаетъ выше дерева стоячаго.
Не видалъ онъ Збутъ Борисъ Королевичь
Что того ли свѣту бѣлаго;
И тоя-то матушки сырой земли —
И назадъ онъ летитъ ко сырой землѣ;
Подхватилъ Илья Муромецъ Ивановичь
На свои онъ руки богатырскія,
Положилъ его да на сыру землю;

---

*) *Вожья выжлока: вожій выжлокъ* — охотничій песь, которымъ водятъ собою; *стремя*—съ стрема, съ стремени.—*О.*

**) *Налушно*, налучно. *Налушна* и *сайдакъ*—чехолъ на лукъ.—*О.*

И сталъ Илья Муромецъ спрашивать:
« Ты скажись мнѣ, молодецъ, свою дядину, отчину.
Говоритъ Збутъ Борисъ Королевичь младъ:
—Кабы у тебя на грудяхъ сидѣлъ,
—Я споролъ бы тебѣ старому груди бѣлыя.—
И до того его Илья билъ, покуда правду сказалъ.
А и всговоритъ Збутъ Борисъ Королевичь младъ:
« Я того Короля—Задонскаго.» —
А втапоры Илья Муромецъ Ивановичь,
Глядючи на свое чадо милое,
И заплакалъ Илья Муромецъ Ивановичь:
« Поѣзжай ты, Збутъ Борисъ Королевичь младъ,
« Поѣзжай ты ко своей, ты ко своей сударынѣ матушк
« Кабы ты попалъ на нашихъ Рускихъ богатырей,
« Не отпустили бы тебя они живаго отъ Кіева. »
И поѣхалъ тутъ Збутъ Королевичь младъ
И пріѣхалъ тутъ Збутъ Королевичь младъ
Ко тому царю Задонскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матушкѣ, а сталъ свою удачу разсказывать:
« А и гой еси, сударыня матушка!
« Ѣздилъ я Збутъ Королевичь младъ
« Къ Великому Князю Владиміру,
« На его потѣшныхъ лугахъ,
« И наѣхалъ я въ полѣ стараго
« И стрѣлялъ его во бѣлы груди —
« И схваталъ меня старой въ чистомъ полѣ,
« Меня чуть онъ не забросилъ за облако —
« И опять подхватилъ меня на бѣлы груди. »
Еще втапоры его матушка,
Того Короля Задонскаго,
Разлилася о сыру землю,
И не можетъ во слезахъ слово молвити:
—Гой еси ты, Збутъ Борисъ Королевичь младъ!
—Почто ты напущался на стараго?
—Не надо бы тебѣ съ нимъ дратися,
—Надо бы съѣхаться въ чистомъ полѣ,
—И надо бы тебѣ ему поклонитися

—О праву руку до сырой земли;
—Онъ по роду тебѣ батюшка, старой козакъ
—Илья Муромецъ сынъ Ивановичь. —
И поѣхалъ онъ на горы высокія,
А искати онъ брата названаго
Молода Добрынюшку Никитича.
И дерется онъ съ бабой Горынинкой —
Едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ *).
Говоритъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
« Гой еси, мой названой братъ,
« Молодой Добрынюшка Никитичь младъ!
« Не умѣешь ты, Добрыня, съ бабой дратися:
« А бей ты бабу . . . . . по щекѣ,
« Пинай . . . . . .
. . . . . .»
А и втапоры покорилася баба Горынинка;
Говоритъ она баба таковы слова:
« Не ты меня побилъ, Добрыня Никитичь младъ,
« Побилъ меня старой козакъ
« Илья Муромецъ единымъ словомъ. »
И скочилъ ей Добрыня на бѣлы груди,
И выдергивалъ чингалище **) булатное,
Хочетъ спороть ей груди бѣлыя —
И молится баба Горынинка:
« Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичь!
« Не прикажи ты мнѣ рѣзать груди бѣлыя,
« Много у меня въ землѣ останется злата и серебра. »
И схватилъ Илья Добрыню за бѣлы руки;
И повела ихъ баба Горынинка
Ко своему погребцу глубокому,
Гдѣ лежитъ золота казна. —
И довела Илью съ Добрынею,
И стали они у погребца глубокаго,
Они сами тутo богатыри дивуются,
Что много злата и серебра,

---

*) *Полуднуетъ* — полуживетъ.—*О.*
**) *Чингалище* — кинжалъ.—*О.*

А цвѣтнаго платья все Рускаго.
Оглянулся Илья Муромецъ Ивановичь
Во тѣ во раздолья широкія,
Молодой Добрынюшка Никитичь младъ
Втапоры бабѣ голову срубилъ.
То старина, то и дѣянье.

II.

1.

(Рязанской губ.)

Не бѣлы́е-то снѣжки забѣлѣлися,
Забѣлѣлася у ста́раго сѣдая борода.
Ужь какъ старый на конѣ оправляется,
Своей храбростью выхваляется:
« Не лучи́тъ ли мнѣ Богъ въ Царѣ-Градѣ быть?
« Вотъ я Турочекъ всѣхъ повы́рублю,
« А Турчаночекъ во поло́нъ возьму!»
Выѣзжаетъ ли старый во чисто́е поле.
Что на встрѣчу старому злые встрѣ́чнички:
Да что сорокъ ихъ четыре разбойничка;
Что хотятъ они стараго ограбити.
« Охъ вы гой еси злые мои встрѣчнички,
« Да что сорокъ васъ четыре разбойничка!
« Вамъ снять и взять съ меня не́чего:
« Что одна на мнѣ серьмя́жка, и то сѣрая;
« Но и той-ли серьмя́жкѣ цѣна вѣданая:
« Что и сто́итъ ли серьмяжка шестьдесятъ рублей.
« Во колчанѣ у меня стрѣлъ до пяти сотъ есть:
« Что и ка́жныя стрѣла сто́итъ пять рублей.
« А чистыхъ со мной денегъ сорокъ тысячь есть.
« А копю-то, животу́,—ему смѣты нѣтъ.»
Вотъ и тутъ ли разбойнички разсмѣхну́лися:
« Что сколько мы по бѣлу свѣту ни ха́живали,
« Мы такого дурака не паха́живали!

« Будто что мы у ста́раго про что спрашивали,
« Что и самъ ли старый дуракъ правду сказываетъ! —
« Принимайтесь-ко, ребятушки, за ста́раго! —
Что снимаетъ ли старый свой ту́гій крѣпкій лукъ,
Онъ пускаетъ ли калену стрѣлу во сы́рый толстый дубъ:
Раскололъ онъ этотъ дубъ на четы́ре гра́ни.
Вотъ и тутъ ли разбойнички испугалися,
По чисто́му они полю разбѣжалися.

*

2.

(Воронѣж. 1833, Сент. 3, Моск. губ. и уѣзда).

На Илю́шенькѣ смуръ кафтанъ,
Здунинай най *)!
Крутожёлтъ тафта **).
Что напали на Илюшеньку
Воры разбойнички,
Что хотятъ-то Илюшеньку
Разбить-разгромить,
Во полонъ полонить.
« Вы отстаньте, воры разбойнички!
« Вамъ меня не разбить, не разгромить,
« Ни въ полонъ не заполонить!
« Что́ же вамъ съ меня хочется?
« Со мной нѣтъ ни злата, ни се́ребра,
« Вотъ на мнѣ-то есть одна шубёночка,
« Есть шубёночка крутожёлтенька,
« Крутожёлтенька, тафта то́ненька. »
Они всё-таки отъ него не отстаютъ,
Они всё хотятъ разбить-разгромить,
Разбить-разгромить, во поло́нъ полонить.
Онъ натягиваетъ струну тоненькую,

---

*) Повторяется послѣ каждаго стиха. — *О.*
**) *Рукожелтъ?* — *О.*

Запущаетъ калену́ стрѣлу́;
Ему жалко ихъ до сме́рти у́бить;
Запускаетъ стрѣлу въ мать сыру́ землю́:
Гдѣ калена́ стрѣла шла, на косую сажень драла́

*

3.

(Симбирск. губ., Сызран. уѣзда, с. Языково).

Собирался старый козакъ Илья Муромецъ
Гулять во чисто поле,
Во чисто поле показаковать.
Наѣзжаетъ онъ три дороженьки,
Три дороженьки перекрёсточки;
На камешкѣ подпись подписана:
Первая дороженька на право,
Друга дороженька на лѣво,
Третья дороженька прямо на́ прямо.
«Мнѣ на право итти—богату быть;
«Мнѣ на лѣво итти—женату быть;
«Прямо на́ прямо итти—убиту быть:
«Мнѣ богатство старому не надобно,
«Жениться старому не хочется;
«Я пойду старый прямо на́ прямо:
«Убить-то меня стараго не́ про что,
«А спять-то съ меня стараго нечего,
«Одна-то на мнѣ старыемъ сермяженька сѣрая,
«Въ три строчки она простро́чена:
«Первая строка во сто рублей,
«Другая строка во тысячу,
«А третьей то строкѣ и цѣны нѣть.»
Наѣзжаютъ-то на стараго Комышинчки *),
По Русскому воры разбойнички;
Хотятъ-то стараго убить-обрать,

*) Если это не Камышинцы города Камышина, то это разбойники, которые въ степныхъ мѣстахъ прячутся по камышамъ.—*О.*

Национальная библиотека Республики Карелия

1195487 гр

Убить-обрать и ограбить.
Вынимаетъ старый свой тугій лукъ,
Натягаетъ тетивку шелковую,
Накладываетъ онъ кленову стрѣлу,
Онъ пускаетъ стрѣлу во сырый дубъ,
Разбиваетъ дубъ во черенья ножёвые.
Тутъ-то Комышнички испугалися,
На ножи было сами пометалися:
—Ой ты гой еси старъ матёръ человѣкъ!
—Ты бери съ насъ золоту казну, что тебѣ надобно,
—Ты бери съ насъ цвѣтно платье, что тебѣ надобно,
—Ты бери нашихъ добрыхъ коней! —
Возговоритъ старъ матёръ человѣкъ:
«Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
«За мной бы рыли ямы глубокія;
«Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
«За мной бы были горы высокія;
«Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
«За мной бы гонялы табуны великіе.»

*

4.

Далéченка далече во чистомъ полѣ,
Еще того подальше во раздольицѣ,
Зашатался, загулялся добрый молодецъ,
Старшинушка Донской козакъ.
Напали же на молодца охотнички,
А по Русскому назвать—воры разбойнички,
А хотятъ они старшинушку обидѣти, исхитити.
«А на мнѣ, старшинушки, имъ взять нéчево:
«Одинъ на мнѣ, на молодцѣ, сѣрой кафтанъ,
«Сѣрой кафтанъ на молодцѣ сермяжинка,
«Правая пóлынка въ пять сотъ серебряныхъ рублей,
«А правая *) полынка—та полынка во тысячу,
«А всему тому, сермяжинкѣ, цѣны нѣту.»

*) Лѣвая? — *О.*

(Развернулся, распахнулся доброй молодецъ:
На правой на полынкѣ знамя царское,
А на лѣвой полынкѣ персонушка.)

*

5.

(Симбирской губ., въ селѣ Усть-Уренъ).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое,
Про стараго казачка, Илью Муромца.

Илья Муромецъ сынъ Ивановичь
По чистому полю по'халъ*) погуливать.
Не пыль то въ полѣ запылилася,
Не туманъ то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистынмъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ ёмъ доброй конь,
А запылилась за ёмъ сила добрая.
И подъѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ,
Къ тремъ дороженькамъ, къ тремъ широкимъ.
На дороженькѣ лежитъ бѣлъ горючь камень,
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
«По которой мнѣ дороженькѣ итти-ѣхати:
«Во право мнѣ ѣхать — женатому быть,
«А во лѣво ѣхать — богатому быть,
«А прямо ѣхать — убитому быть.
«Мнѣ женатство-то — не ко младости,
«А богатство — не къ разуму.
«Дай поѣду, поѣду по этой по дороженькѣ,

*) Поѣхалъ.

«По которой мнѣ убитому быть.»
И повстрѣчалися ему станишнички:
«Ужъ и ой еси вы, станишнички,
«А по Русскому васъ назвать, разбойнички!»
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
«Вамъ убить-то мне не за что,
«А взять-то вамъ съ меня нечего:
«Камзолецъ на мнѣ во пять сотъ рублей,
«А колпачокъ на мнѣ во всю тысячу,
«А коня-то на базаръ я не вываживалъ,
«Цѣнъ-то ему не прикладывалъ.»
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Сталъ постряхивать
И свой тугой лукъ сталъ натягивать,
И пущаетъ свою кленову стрѣлу,
И пущаетъ во сыръ во матерый дубъ,
И ращипъ дубъ во ножевы чѣренья.
Станишнички испужалися,
И всѣ врозь разбѣжалися,
Въ третьи суточки на то мѣсто собиралися:
—Ужъ и ой еси, старой казакъ,
—Старой казакъ, Илья Муромецъ,
—Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
—Возьми къ себѣ насъ во товарищи,
—Во Донскіе во казаченки!»

(Записалъ П. В. Шейнъ; пѣвецъ Егоръ Плотниковъ, лѣтъ за 50, человѣкъ бывалый. См. Чтенія въ О. И. и Др. Рос., 1859 г., кн. 3).

*

6.

(Корсун. уѣзда, выселокъ Александровъ).

Не дорого намъ пива пьянаго,
А дорога намъ бесѣда смиренная.

Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ рѣчи хорошія.

Во селѣ было, въ Муромѣ,
Во деревнѣ было, Корочаровѣ,
Жилъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Сынъ Ивановичь, богатырскій сынъ.
Онъ просилъ у своего батюшки
Великаго благословенья:
«По дикой степѣ мнѣ погулять,
«Добра коня попаѣздити.»
Онъ и ѣхалъ путемъ-дороженькой.
Онъ подъѣхалъ къ тремъ дороженькамъ,
И началъ себѣ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
«По которой мнѣ будетъ ѣхать дороженькѣ:
«Ежели по праву ѣхать — богатому быть,
«А по лѣву ѣхать — женату быть,
«А по середней ѣхать — убитому быть.
«Мнѣ женидьба не ко младости,
«А богатство мнѣ не къ радости.
«Дай поѣду я, гдѣ мнѣ убиту быть:
«Убить-то меня (говоритъ) не за что.»
Подъѣзжалъ же ко Окѣ рѣкѣ,
Черезъ Оку рѣку конь перескакивалъ,
Рѣзвыихъ ногъ ни обмакивалъ.
Тутъ стояли же воры и разбойнички,
По Русскому придорожнички.
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Пускалъ стрѣлу во сырой дубокъ,
Расщипалъ дубокъ во ножевыя черепыщи.
И тутъ воры разбойники испугалися,
По дикой степѣ растрѣлялися,
По камышнички размирялися *).

(Записано тѣмъ же, отъ 80-ти лѣтняго старика. Сч. Чтенія).

*

*) *Расширялися*—по камышамъ разсѣялись?—О.

7.

(Саратовской губ., Петровскаго уѣзда, село Даниловка *).

По морю, по-морю, по морю же синему [1],
По синему по Хвалынскому [2],
Плавалъ Соколь корабль ровно тридцать лѣтъ [3];
И на якори [4] Соколь корабль не ставалъ,
И желтаго пѣсочку въ глазъ не видалъ [5].
Хорошо Соколь [6] корабль изукрашенъ [7] былъ:
Бока сведены по звѣриному,
А нос-о-тъ да корма по змѣиному [8],
Кормою-то владаетъ младъ Полканъ богатырь,
А всѣмъ кораблемъ Илья Муромецъ [9].
На Ильѣ Муромцѣ кафтанъ рудожелтой камки [10].
Илья Муромецъ по кораблю похаживатъ [11],

---

*) Четыре варіанта: А) Принятый за текстъ, записанный С. П. Шевыревымъ; Б.) доставленный А. М. Тургеневымъ; В.) изъ Пѣс. 1803 года; Г.) изъ Московск. Вѣстн. 1827. № 21.

1) Б.) и В.) Ахъ, по морю, морю синему. Г.) По морю, по морю, по морю синему.

2) Б.) Что по синему морю по Каспицкому; В.) Что по синему морю Каспійскому.

3) Б.) Еще плаваетъ, гуляетъ Соколь, братцы, корабль. И онъ плавалъ и гулялъ ровно тридцать лѣтъ; В.) Други! плаваетъ, гуляетъ Соколь корабль. Онъ ужъ плаваетъ гуляетъ ровно тридцать лѣтъ.

4) Б.) Что на якоряхъ; В.) А на якоряхъ; Г.) И на якорях.

5) Б.) У крутыхъ красныхъ береговъ отнюдь не бывалъ, Церквей и монастырей не видывалъ, Колокольнаго звона не слыхивалъ; В.) У крутыхъ зеленыхъ береговъ не бывывалъ, Церквей и монастырей не видывалъ, Колокольнаго звона не слыхивалъ.

6) Б.) Хорошо добрый Соколь; В.) Хорошо добрѣ Соколь.

7) Б.) и В.) украшенъ.

8) Б.) Да что носъ и корма по звѣрицому, Киль его сдѣланъ по змѣиному, А паруса на немъ какъ орлиное крыло; В.) Выгнутъ носъ его съ кормою по звѣриному, А киль его сдѣланъ по змѣиному, Вѣялъ парусъ, какъ орлиное крыло; Г.) А нос-а-тъ.

9) Б.) Атаманомъ былъ на немъ Святогоръ богатырь, Подъ-атаманомъ молоденъ Илья Муромецъ; В.) Атаманомъ былъ на немъ Святогоръ богатырь, Есауломъ Илья Муромецъ.

10) Б.) На немъ шуба была въ пять сотъ рублей, На немъ шапочка во сотенку, А пуговки на шубѣ чиста золота; В.) во пять сотъ рублей, на немъ...

11) Б.) По кораблику онъ Муромецъ похаживаетъ; В.) По кораблику Муромецъ похаживаетъ; Г.) . . . . похаживаетъ.

Онъ и [12]) тросточкой по пуговкамъ поважѝвать [13]).
И напали на Соколь корабль разбойнички,
Горскіе Татары со Калмыками,
И хотятъ они корабличекъ разбить, разломить.
А онъ [14]) по карабличку похаживатъ,
Онъ и тросточкой по пуговкамъ поважѝвать [15]):
Пуговки залочоныя [16]) разгремѣлися,
Лютые львы разревѣлися;
А разбойнички испужалися,
Въ [17]) горы съ испугу разбѣжалися.

*

8.

(Кирша Данилов).

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Что ковыль трава во чистомъ полѣ шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старой ли козакъ Илья Муромецъ.
А и конь ли подъ нимъ кабы лютой звѣрь,
Онъ самъ на копѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не.годилося,
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
По чему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,

---

12) Б.) и В.) П онъ . . . . поважѝваетъ; Г.) . . . поважѝваетъ.

13) Б.) *Оканчивается такъ:* Его пуговки разгремѣлися, Всѣ товарищи подымалися, Наступали они на Турецкій флотъ; Агаряне ихъ испужалися, Во сине море помѣталися, Всю жизнь свою тутъ кончили, А богатство все оставили На добычу храбрымъ воинамъ. В.) *оканчивается:* Его пуговки разгремѣлися. Всѣ товарищи подымалися, Наступили они на Турецкій флотъ. Въ сине море покидалися, А богатство все оставили, На добычу добрымъ молодцамъ.

14) Г.) А онъ-то.

15) Г.) поважѝваетъ

16) Г.) злаченыя

17) Г.) Во . . .

Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему Рускому разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его стараго ограбити,
Съ душей, съ животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
«Убить меня стараго вамъ не за что,
«А взяти у стараго нечего.»
Вымалъ онъ изъ палушна крѣпкой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистой дубъ,
Изломала въ черепья въ пожевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго,
Того-то станишники изпужалися,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ —
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А Селма встаетъ, пересемываетъ *),
А Спиря встаетъ, то постыриваетъ **),
А всѣ они станишники бьютъ челомъ:
«Ты старой козакъ, Илья Муромецъ!
«Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
«Дадимъ рукописанье служить до вѣку.»
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
«Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
«Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
«Про стараго козака Илью Муромца.»

---

*) Селма — Сёма. — *О*

**) Постыриваетъ — поспириваетъ — *О*.

III.

1.

(Симбирск. губ., село Станичное).

Во славнаимъ было городѣ во Муромѣ,
Во большимъ селѣ Корочаровѣ,
Не громъ гремитъ, не стукъ стучитъ,
Говоритъ тутъ Илюшка свому батюшкѣ:
«Государь ты мой батюшка, Иванъ Тимоѳеевичь!
«Купи ты мнѣ жеребенка шалудиваго,
«Дай ты жеребенка пятьдесятъ рублей со полтиною,
«Корми ты ево тѣстомъ пшеничнаимъ,
«И пой сытой медовою;
«Выводи кататься по три зари, по три утреннія.
«На тѣ на перины, на пуховыя.»
Сталъ да мой жеребеночикъ поигрывать.
Черезъ Оку рѣку попрыгивать.
Что не бѣлая березынька къ землѣ клонится,
Приклонялся Илюшка къ свому батюшкѣ,
Къ государынѣ своей матушкѣ:
«Государь мой батюшка, Иванъ Тимоѳеевичь,
«Государыня матушка!
«Дайте мнѣ великое благословленьицо,
«Ѣхать въ Кеивъ градъ къ князю Володимеру,
«На поможеніе и на сбереженіе.»
Далечинька, далечинька въ чистомъ полѣ,
Не бѣлыя снѣжечки въ полѣ забѣлѣлися,
Не туманушки затуманилися,
Не былинка въ полѣ зашаталася:
Зашатался въ полѣ старый казакъ,
Забѣлѣлся подъ нимъ добрый конь.
Онъ подъѣхалъ ко тремъ ко дорожинькамъ,
На самую перехрестычку.
Промежъ было трехъ дороженька,
На самой на перехрестычкѣ,
Лежитъ тутъ бѣлъ горючь камень,

На камешкѣ есть написано,
Все старому расказано:
По правой ѣхать—богатому быть,
По лѣвой ѣхать—женатому быть,
А прямо-то ѣхать—убитому быть.
«Ужь я думаю, старый, подумаю,
«Со своимъ конемъ добрыимъ:
«Мнѣ богатство-то старому не прочное,
«А жениться-то нѐ къ лицу.
«Поѣду я по прямой дороженькѣ:
«Убить-то меня нѐ про што,
«А взять-то съ меня нечево;
«Одинъ смуръ кафтанъ на мнѣ во сто рублей;
«Кушачокъ, колпачокъ во тысячу;
«А стрѣлъ колчанъ во двѣ тысячѣ;
«А коню съ сѣдломъ и цѣны нѣту.»
И поѣхалъ доброй молодецъ,
На Чернягинъ градъ *), на лѣса на Брынскіе,
Черезъ горы Сіонскія,
Черезъ тѣ грязи черныя,
На тоё рѣку Смородину.
Подъѣзжаетъ же доброй молодецъ
Къ городу Чернигину.
Выходили тутъ Татары черные,
Хотятъ молодца убить-погубить,
Тѣло бѣло съ душей разлучить.
Снималъ онъ съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ тѣ стрѣлы позлоченыя
На тетивочьку на шелковую,
Побивалъ онъ всѣхъ Татаръ черныихъ
Съ перваго до послѣдняго.
Поѣхалъ же доброй молодецъ
Въ лѣса Брынскіе,
Въ горы Сіонскія.
Инъ на встрѣчу добру молодцу камышнички,

*) Чернягинъ—Черниговъ.—О.

По Русскому назвать—воры-разбойнички.
Хотятъ они молодца убить-погубить,
Тѣло бѣло съ душей разлучить.
Возговоритъ доброй молодецъ, Илья Муромецъ:
«Охъ вы гой еси добры молодцы, камышнички,
«По Русски назвать—воры-разбойнички!
«Убить-то меня вамъ не́ про што,
«А взять-то нечево;
«Одинъ смуръ кафтанъ во сто рублей;
«Кушачокъ, колпачокъ во тысячу;
«А стрѣлъ колчанъ во двѣ тысячѣ;
«А коню съ сѣдломъ и смѣты нѣтъ.
«Охъ вы гой еси, камышнички,
«По Русски—воры-разбойнички!
«Дайте вы мнѣ старому исправиться:
«Будете старому и кланяться.»
Онъ снималъ съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу
На тоё тетивочку шелковую:
« Ой вы гой еси, добры молодцы!
« Въ васъ стрѣлять, иль сырый дубъ?»
Онъ стрѣльнулъ въ сыръ матеръ дубъ,
Разшибалъ сыръ матерой дубъ
По мелкимъ ножовымъ черепьямъ.
Всѣ камышнички перепугалися
И упали на сыру землю ницъ лицомъ.
Возговоритъ доброй молодецъ:
« Охъ вы гой еси, добры молодцы, камышнички!
« Полноте лежать на сырой землѣ,
« Полноте спать-высыпатися:
« По дорогѣ много прошли конныхъ и пѣшихъ,
« У себя вы много добраго упустили.»
Встали добрые молодцы
На свои рѣзвы ноженьки,
И пали ему въ рѣзвы ноги:
—Ты гой еси, добръ удалый молодецъ!
—Поди ты къ намъ во товарищи,
—И будь ты у насъ атаманушкой!—

Возговоритъ доброй молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
«Не хочу я съ вами стада пасти,
«А ѣду въ Кіевъ градъ,
«Къ Володимеру князю на вспоможеніе,
«На его сбереженіе.»
И поѣхалъ же доброй молодецъ путемъ-дорожекой,
И встрѣчаетъ его Соловей разбойникъ,
Онъ и свищитъ своимъ громкимъ голосомъ.
Его доброй конь спотыкается,
Онъ ударилъ коня по крутымъ бедрамъ:
«Охъ ты конь, вороный конь!
«Не пугайся, не страхайся!»
И снимаетъ съ себя тугой лукъ,
И накладываетъ калену стрѣлу
На тоё тетивочку шелковую,
И подстрѣли Соловью правое крыло *),
И вышибъ лѣвый глазъ,
И посадилъ его въ тараки.
У него было два зятя:
Алеша Поповичь и Добрыня Никитичь,
И говорятъ:—воинъ батюшка ѣдетъ и мужика везетъ.—
А другой зять: «нѣтъ, это мужикъ ѣдетъ и батюшку везетъ.»
—Когда батюшку мужики возили?
—Онъ бывало возилъ мужиковъ!—
Возговорилъ зять Соловья разбойника,
Добрыня Никитичь:
«Нѣтъ, нынѣ вѣрно ужъ батюшку мужикъ везетъ.»
Онъ и кричитъ имъ:
—Зятья мои умные,
—Зятья мои разумные!
—Не дразните его:
—Это сильный, могучій богатырь ѣдетъ!—
Вскочила большая дочь
И взяла подворотню,

*) Подстрѣли—извѣстный оборотъ съ повелительнымъ.

И хотѣла убить подворотней Илья Муромца.
Онъ взялъ калену стрѣлу
И застрѣлилъ ее на воротахъ.
Подъѣзжаетъ же доброй молодецъ
Къ рѣкѣ ко Смородинѣ.
Добрый конь его и хвоста не замочилъ,
Чрезъ рѣку Смородину переѣхалъ;
Переѣхавши чрезъ рѣку Смородину,
Встрѣчу ему мужичище клячище идетъ *):
Шляпа на немъ въ тридцать пудовъ;
Подпирается посохомъ двадцати пяти пудовъ.
Подъѣзжаетъ онъ къ Божіей Церкви во градѣ Кіевѣ,
Добраго коня привязываетъ,
Никому не приказываетъ.
Въ Божьей Церкви Богу помолился,
И ко всѣмъ святымъ образамъ приложился.
Приходитъ къ Володимеру князю во палаты,
Князю Володимеру поклонъ:
« Дай, князь Володимеръ,
«Проѣзжему доброму молодцу мѣстечко!»
—Хто до молодцовъ дородился,
—Тотъ самъ себѣ мѣсто найдетъ!—
Какъ онъ сѣлъ, да пожалъ,
У другаго красный сокъ побѣжалъ.
И стали его тутъ спрашивать:
—Удалый ты добрый молодецъ!
—Чей ты и откуда?—
«Я изъ города Мурома,
«Изъ села Корачарова,
«Илюшка Ивановъ сынъ.»
—Гдѣ ты ѣхалъ, и давно ли изъ дому?—
«Я изъ дому—заутреню стоялъ въ городѣ Муромѣ,
«И къ обѣднѣ поспѣлъ во Кіевъ градъ.
«Ѣхалъ я чрезъ горы Сіонскія,
«Лѣса Брынскіе,
«Чрезъ рѣку Смородину.»

*) Клячище—калѣчище, калѣка.—*О.*

—Заврался ты никакъ, доброй молодецъ:
—Тутъ уже тридцать лѣтъ залегла дорога,
—Нѣтъ ходу ни конному, ни пѣшему,
—Соловей разбойникъ всѣхъ побиваетъ.—
Возговорилъ Илья Муромецъ:
«Гой вы еси, добры молодцы!
«Соловей-та разбойникъ
«У меня въ торокахъ сидитъ.»
Володимеръ князь возговорилъ:
—Удалый добрый молодецъ!
—Внеси-ка его въ палаты сюды.—
Князь Володимеръ:
—Ну-ка, Соловей разбойникъ, свисни-ка!—
«Не твой слуга, не боюсь тебя.»
Тутъ Илья Муромецъ
Взялъ Володимера князя подъ пазуху,
А княгиню подъ другую,
И приказалъ Соловью разбойнику свиснуть,
Не во весь свистъ, а въ полъ свиста.
И Соловей свиснулъ,
И крыша съ палатъ слетѣла:
Тутъ Илья Муромецъ его и раздавилъ.

*

2.

(Московск. губ., Коломенск. уѣзда, деревня Лаптева).

Охъ далече, охъ далече во чистóмъ полѣ,
А ещё того подальше во раздольицѣ,
Не бѣлые-то снѣги забѣлѣлися,
Забѣлѣлася грудь молодецкая,
Молодецкая, воеводская.
Какъ и рыщетъ борзый конь по чистóму полю,
Какъ несетъ онъ на себѣ Илью Муромца.
Ужь какъ ищетъ Илья Муромецъ себѣ противничка,
Что противничка злого разбойничка.
Какъ наѣхалъ онъ на три́-дуба столѣтніе,

На столѣтніе, вѣковѣчные;
Какъ и у́зрѣлъ Илья Муромецъ Соловья разбойничка.
Ужь какъ свиснулъ Соловей въ четверть своего голоса:
Что столѣтніе дубы зашатались.
Какъ и свиснулъ во второй разъ онъ въ полго́лоса:
Что Илья съ конемъ только вздрогну́лися.
Какъ хотѣлъ Соловей свиснуть во весь голосъ свой:
Натянулъ Илья Муромецъ калену́ стрѣлу,
Какъ пустилъ онъ калену стрѣлу въ три дуба́ столѣтніе,
Что убилъ онъ-застрѣлилъ Соловья разбойника.

*

3.

(С. Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Не жалко зелена вина,
Только жалко смиренную бесѣдушку.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ рѣчи хорошія
Про стараго казачка, Илью Муромца.

Изъ за горъ было, горъ высокіихъ,
Изъ за лѣсовъ, лѣсовъ темныихъ,
Не бѣлая заря занималася,
Не красно солнце выкаталося:
Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Илья Муромецъ,
На своемъ конѣ богатырскіимъ;
Побѣлѣла его головушка,
Посѣдѣла его бородушка.
Ѣдетъ онъ путемъ, прямой дорогою,
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ ко тремъ ко дороженькамъ,
Ко дороженькамъ ко широкіимъ.
На дороженькѣ бѣлъ горючь лежалъ камень,
На камнѣ печать положена.

«По которую мнѣ, доброму молодцу,
«Будетъ ѣхать по дороженьку:
«Есть по середней дорожкѣ ѣхать,—быть убитому;
«По лѣвой сторонушкѣ ѣхать,—быть богатому;
«По правой мнѣ ѣхать сторонушкѣ,—быть женатому?
«Мнѣ, говоритъ, жениться не ко младости,
«А богатство мнѣ не къ разуму;
«Поѣду, добрый молодецъ, по середней дороженькѣ.»
На той на дороженькѣ стоялъ сыръ матерый дубъ,
Подъ дубомъ стоялъ станъ разбойничковъ,
Ихъ не много, ихъ не мало: сорокъ одинъ человѣкъ.
И завидѣли они издалека Русскаго богатыря,
Выходили къ ему по пяти и по десяти человѣкъ.
Ихъ сердца на его коня богатырскаго разгорѣлися,
Межъ сеи розговаривали:
—Что мы жили, такого коня не видывали.
—Ужъ ты стой, постой, добрый молодецъ,
—Ужъ ты стой, постой, Русскій богатырь!—
«Охъ вы, братцы, товарищи! Съ меня вамъ нечего взять:
«Я своего коня на базаръ не важивалъ,
«Никто цѣной его не окладывалъ;
«На мнѣ шубенка во пять сотъ рублей,
«На мнѣ шапочка во три сотеньки,
«Рукавички на мнѣ въ одну сотеньку.»
Вынимаетъ добрый молодецъ,
Вынимаетъ Илья Муромецъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Натягаетъ тугой лучокъ,
Намѣчаетъ сыръ матерый дубъ:
Онъ ращипъ его во мелки кусочки.
Разбойнички всѣ перпугалися,
Они всѣ врозь отъ него разбѣжалися,
На третьи суточки къ нему собралися:
—Ужъ ты добрый молодецъ, Русскій богатырь!
—Ты поди къ намъ во товарищи;
—Сколько хочешь, бери золотой казны,
—Платья цвѣтнаго, лошадей и табуны!—
Илья Муромецъ на нихъ разсмѣхнулся:

« Охъ вы, братцы мои, непріятели!
« Не охотникъ я у васъ овецъ пасти;
« Покажите мнѣ дороженьку
« По Черниговъ градъ проѣхати,
« Черезъ горы Сарачинскія,
« Черезъ лѣса черезъ Брымскіе,
« Гдѣ Соловей стоитъ, самъ разбойничекъ!»
Поѣхалъ Илья Муромецъ,
Поѣхалъ путемъ-дорогою;
Соловей разбойничекъ его завидѣлъ же:
Полетѣлъ и встрѣчаетъ его,
Напустилъ на него громкій свистъ;
Илья Муромецъ на него разгорчился,
Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
И намѣчаетъ онъ Соловья разбойничка,
И сшибъ его, какъ овсянаго снопа;
Заложилъ его Илья Муромецъ
Въ торока свои крѣпкіе,
И поѣхалъ путемъ, прямой дорогою,
Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.
У Кіевскаго князя было собраніе:
Всѣ князья съѣзжались, бояре къ ему.
Илья Муромецъ во полаты восходилъ,
Поклонился князю Кіевскому.
« Ужъ ты что и какой ты богатырь?»
— Богатырь я самъ Илья Муромецъ.—
Кіевскій князь распрошать его сталъ:
« Ужъ ты что есть за такой богатырь?
« Гдѣ проѣхалъ, проѣзживалъ?»
— Черезъ горы ѣхалъ Сарачинскія,
— Черезъ лѣса ѣхалъ Брымскіе. —
« Тутъ нихто конный не проѣзживалъ,
« Нихто пѣшій не прохаживалъ?»
— А я проѣхалъ, Илья Муромецъ,
— Соловья разбойничка, во плѣнъ его взялъ. —
Кіевскій князь сталъ говорить ему:
« Ужъ ты, Илья, добрый молодецъ,

« Возьми его къ себѣ во полатушки,
« Прикажи ему, Илья Муромецъ, посвистати! »
Илья Муромецъ, добрый молодецъ,
Посадилъ его на лѣвую ручешку,
Приказалъ ему посвистати:
« Соловей разбойничекъ, посвищи не во весь свистъ,
« Посвищи-ка, Соловей разбойничекъ, въ полсвиста! »
Соловей разбойникъ разгордился,
Засвисталъ онъ во весь свистъ, —
Во всѣ бесѣдушки люди перепугалися.

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Николая Картавенко, ратника лѣтъ 40; см. Чтенія).

*

4.

(Село Павлово, Нижегородской губ.).

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Ни бумажныи листочьки растилаются:
Растилается сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ сей благословеньица:
« Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
« Дай ты мнѣ своё благословеньицо,
« Я поѣду въ славноій, стольной Кѣевъ градъ,
« Помолиться чудотворцамъ Кѣевскимъ,
« Заложиться за князя Володиміра,
« Послужить ему вѣрой-правдою,
« Постоять за вѣру Хрисьянскую. »
Отвѣчатъ старой хресьянинъ Иванъ Тимоееевичъ:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословленье дамъ,
— А на худыя дѣла благословленья нѣтъ.
— Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
— Ни помысли зломъ на Татарина,
— Ни убей въ чистымъ полѣ хресьянина. —
Поклонилса Илья Муромецъ отцу до-земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бёдрамъ,

Пробиватъ кожу до чёрна̀ мяса;
Ретиво́й ёво конь осержа́етса,
Прочь о́тъ-земли отдѣляетса,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячево,
Чуть пониже о́болока ходячево.
Первой скокъ скочилъ на петнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ, колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сы́рой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ сво и́мичько:
« Ѣхалъ такой-то сильной, могу́чой богатырь,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичь; »
Въ третій скочилъ—подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговымъ стоитъ сила—смѣты нѣтъ;
Подъ Черниговымъ стоятъ три царевича,
Съ кажнимъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско серцо разго́рчиво и неуёмчиво;
Пушше огня-о́гничька серцо разыграетса,
Пушше пля́штово *) моро́за разгораетса.
Тутъ возго́воритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Не хотѣлось было батюшку супроти́вникомъ быть
« Ишша **) знать-та ёво заповѣдь переступи́ть.»
Беретъ онъ въ руки саблю боёвую,
Учалъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернетса, дѣлалъ улицы,
Поворотитса—часты плошшади;
Добиваетца до трихъ царе́вичовъ.
Тутъ возго́воритъ Илья таково слово:
« Охъ вы гой естя мое три царевича!
« Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
« Ай съ васъ буйны головы снять?
« Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять, —
« У меня доро́ги заѣзжія и хлѣбы заво́зныи;
« А какъ головы снять,—царски сѣмины погубить.
« Вы поѣдьте по свымъ мѣстамъ,
« Вы чините вездѣ такову славу,

*) *Пляштій, плящій*—палящій — *О.*
**) *Ишшо, ишша*—еще.— *О.*

24

« Што святая Русь не пуста́ стои́тъ,
« На святой Руси есь сильны́, могу́чи бога́тыри. »
Увидалъ ёво воевода Черниговской:
— Што эта Господь сослалъ намъ за сослальника!
— Очистилъ нашь славной Черниговъ градъ. —
Возговоритъ воевода свымъ князьямъ-боярамъ:
— Подите, позовите до́бра мо́лодца
— Ко мнѣ хлѣба-соли кушати.—
Пошли тутъ князи-бояря къ Муромцу:
— Охъ ты гой еси дородной, доброй мо́лодецъ!
— Какъ тея честнымъ именемъ зовутъ?
— Какъ тея величаютъ по отечеству?—
« Меня именемъ зовутъ—Илейкой,
« А величаютъ—сынъ Иваповичь.»
Возговорятъ ему князи-боя́ря:
— Охъ ты гой еси Илья Муромецъ!
— Ты пойдёшь-ка къ воеводѣ пашему,
— Ты изволь у нёво хлѣба-соли кушати. —
« Нейду я къ воеводѣ вашему,
« Не хочу у нёво хлѣба-соли кушати;
« Укажите мнѣ прямую дорожиньку
« На славной стольной Кѣевъ градъ.»
Отвѣтъ держутъ князи-боя́ря:
— Охъ ты гой еси Илья Муромецъ!
— Пряма дорожка не проста стоитъ:
— Заросла дорога лѣсы Брынскими,
— Протекла тутъ рѣка Самородина;
— Ишшо́ на дорогѣ Соловейко разбойничикъ
— Сидитъ на тридевяти дубахъ, сидитъ тридцать лѣтъ;
— Ни конному, ни пѣшому пропуску нѣтъ. —
Поклонилса имъ Илья Муромецъ.
Поѣхалъ опъ лѣсами Брынскими.
Услыхалъ Соловейко богатырской топъ,
И свиснулъ опъ громкимъ голосомъ.
Конь подъ Муромцомъ спотыкаетса.
Возговоритъ Илья свому коню доброму:
« Охъ ты гой еси мой богатырской конь!
« Аль не ѣзживалъ ты по тёмны́мъ лѣсамъ,

« Аль не слыхывалъ пташьево посвисту? »
Беретъ Илья калёны стрѣлы:
Первó стрѣлилъ, не дострѣлялъ;
А вдругóридь, перестрѣлилъ;
Въ третьи стрѣлилъ, попалъ въ правой глазъ,
И сошибъ ёво съ тридевяти дубовъ.
Привязалъ ёво къ коню во кáраки;
Поѣхалъ Муромецъ въ славной Кѣевъ градъ.
Возгóворитъ Соловейко разбойничикъ:
— Охъ ты гой еси Илья Муромецъ!
— Мы заѣдемъ-ка съ тобою ко мнѣ въ гости. —
Увидала Соловейкина мáла дочь:
« Ишша вонъ ѣдетъ пашь батюшка,
« Ведетъ *) кривова мужика коня въ кáракахъ. »
Взглянула Соловейкина большая дочь:
— Ахъ ты дура неповúтая! это ѣдетъ доброй мóлодецъ,
— И ведетъ нашево батюшка коня въ кáракахъ. —
И бросилúсь онѣ на Илью Муромца съ дрéкольемъ.
Возгóворитъ Соловейка разбойничикъ:
— Не тумашúтеса, мое малы́ дѣтушки,
— Не взводите въ задоръ дóброво мóлодца.—
Возговоритъ Илья Соловейкѣ разбойнику:
« Што у тея дѣти во единой ликъ? »
Отвѣчатъ Соловейко разбойничикъ:
— Я сына-та выросшу, за нёво дочь отдамъ;
— Дочь-ту вырасшу, отдамъ за́ сына,
— Штобы Соловейкинъ родъ не перевóдилса. —
За досаду Ильѣ Муромцу показалоса;
Вынималъ онъ саблю свою вострую,
Прирубилъ у Соловья всѣхъ дѣтушокъ.
Пріѣхалъ Илья Муромецъ во Кѣевъ градъ,
И вскричалъ онъ громкимъ голосомъ:
« Ужъ ты батюшка Володимíръ князь!
« Теѣ нáда ль насъ, принимаешь ли
« Сильныхъ, могучихъ богатырей,
« Теѣ батюшкѣ на почéсь-хвалу́,
« Твому граду стольному на úзберечь,

*) *Возитъ?— О.*

« А Татаровьямъ на посѣченье? »
Отвѣчатъ батюшка Володиміръ князь:
— Да какъ мнѣ васъ не нады-та!
— Я вездѣ васъ ишшу, вездѣ спрашиваю.
— На пріѣздѣ васъ жалую по добру́ коню,
— По добру́ коню, по Латынскому, богатырскому. —
Возго́воритъ Илья Муромецъ таково слово:
« У меня свой конь Латынской, богаты́рской:
« Стоялъ я съ родимымъ батюшкомъ у заутрени,
« Хотѣлось постоять съ тобой у обѣденки;
« Да на дорогѣ мнѣ было три помѣшиньки:
« Перва помѣха—очистилъ я Черниговъ градъ;
« Друга́ помѣха—я мостилъ мосты на пятнадцать верегъ
« Черезъ ту рѣку, черезъ Самородину;
« Третья помѣха—я сошибъ Соловья разбойника.»
Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
— Охъ ты гой еси Соловейко разбойничекъ!
— Ты взойди ко мнѣ въ полату бѣлу-ка́менну. —
Отвѣтъ держитъ Соловейко разбойникъ:
« Не твоя слуга, не тебѣ служу, не тея и слушаю;
« Я служу и слушаю Илью Муромца. »
Возговоритъ Володиміръ:—Охъ ты гой еси Муромецъ,
— Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
— Прикажи ёму взойти въ полату бѣлу-ка́менну. —
Приказалъ ему взойти Илья Муромецъ.
Тутъ возговоритъ Володиміръ князь:
— Охъ ты гой еси дородной, доброй мо́лодець,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
— Прикажи ёму свиснуть громкимъ голосомъ. —
Возговоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ужъ ты батюшка нашь, Володиміръ князь!
« Не во гнѣвъ бы тебѣ, батюшка, показалоса:
« Я возьму тея, батюшку, подъ пазушку,
« А княгиню-ту закрою подъ другою. »
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Свисни, Соловейко, въ полсвиста. »
Свиснулъ Соловейка во весь голосъ:
Сня́ло у палатъ верьхъ по оконичьки,

Разломало всѣ связи желѣзныя,
Попадали всѣ сильны могу́чи бога́тыри,
Упали всѣ знатны князи-бо́ляря,
Одинъ устоялъ Илья Муромецъ.
Выпушшалъ онъ князя со княгиней изъ-подъ пазушокъ.
Возговоритъ самъ батюшка Володимѣръ князь:
— Исполать тебѣ, Соловейко разбойничекъ!
— Какъ тея взялъ это Илья Муромецъ? —
Отвѣтъ держитъ Соловейко разбойничекъ:
« Вить на ту́ пору больно пьянъ я былъ,
« У меня большая дочь была именинница. »
Это слово Ильѣ Муромцу не показалоса:
Взялъ онъ Соловейку за верши́ночьку,
Вывелъ ёво на княженецкой дворъ,
Кинулъ ёво выше дерева стоя́чево,
Чуть пониже оболока ходя́чево;
До сыро́й земли допускывалъ—ипо подхватывалъ;
Расшибъ Соловейко свое всѣ тутъ косточьки.
Пошли теперь къ обѣду княженецкому.
Возговоритъ самъ батюшка Володимѣръ князь:
— Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
— Жалую тея трёмя́ мѣстами:
— Пе́рво мѣсто—подлѣ меня ты сядь,
— Друго́ мѣсто—супроти́ меня,
— Трётье—гдѣ ты хочешь, тутъ и сядь. —
Заполъ Илья Муромецъ со ко́ничька *),
Пожалъ онъ всѣхъ князей и бо́ярей
И сильныхъ могу́чихъ бога́тырей:
Учугиласа онъ супроти́ князя Володимѣра.
За досаду Олешѣ Поповичу показалоса;
Взялъ Олеша булатной ножь,
Онъ и кинулъ ёво въ Илью Муромца:
Пымалъ на полету́ Илья булатный ножъ,
Взоткнулъ ёво въ дубовой столъ.

(Записано Свящ. К. Фаворскимъ; см. Прибл. къ Изв. А. Н., т. I).

*

*) *Коникъ, коничекъ*, заланокъ—сей часъ при входѣ въ дверь, послѣдній уголъ; хозяинъ спитъ на коничкѣ, въ которомъ лежитъ обыкновенно косская сбруя, топоръ, и пр.—*О.*

5.

(Вышелокъ Александровъ; см. выше).

Какъ по морю, морю Хвалынскому,
Плавалъ тутъ корабь ровно тринадцать лѣтъ,
На якорѣ корабь не останавливался,
И ко бережку корабь не приваливался.
На батюшкѣ, на Соколѣ, на черномъ кораблѣ,
Было два торга и четыре кабака,
Было два богатыря сильные, могучіе:
Первый богатырь—Симеонъ молодой,
А другой богатырь—Илья Муромецъ.
На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
Правая пола во всю тысячу,
Всей-то шубеночкѣ, цѣны ей пѣтъ.
Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговки разбѣлѣлися,
Его петелки разгорѣлися,
На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
По заморскому льву.
Думали, гадали станишнички,
По Русскому назвать—воры-разбойнички,
Думали, гадали, какъ корабь разбить,
Корабь разбить, Илью въ полонъ взять.
Его лютыя звѣрья разревѣлися,
Всѣ станишнички перепугалися,
Во легкія во лодки пометалися,
По синему морю разстрѣлялися,
Въ третій день сходилися,
И звали его во товарищи:
— Ты будешь у насъ атаманушкой.—
« У отца я былъ, у матери,
« Не охочъ я былъ стадо пасти:
« По лѣсамъ-то я шатвалъ,

« По дорогамъ-то не ѣзживалъ;
« Гдѣ мнѣ проѣхать черезъ лѣсы Брымскіе,
« Черезъ лѣсы Брымскіе, черезъ горы Сарачанскіе? »
— Туть дорога запала тридцать годовъ:
— Соловей разбойникъ тутъ гнѣздо свилъ на сем дубахъ, -
Не доѣхалъ за тридцать поприщевъ, конь спотыкаться сталъ:
« Ну-ка, воронiй кормъ !
« Не видомши страсти-ужасти, спотыкаться сталъ ! »
Пріѣзжаетъ ко царю ко Владиміру ,
Сидятъ богатыри во бесѣды;
Входитъ въ полату, молится чужимъ образамъ,
Поклоняется на всѣ стороны,
Величаетъ царя Владиміра.

*

6.

(Кирша Данилов).

Какъ изъ славнаго города Мурома,
Изъ того села Корочаева,
Какъ была-де поѣздка богатырская—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичь
Ко стольному городу ко Кіеву.
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черны грязи Смоленскія;
И залегъ ее, дорогу, Соловей разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
А и только его Илью видѣли —

Прощался съ отцемъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ —
А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ во Брынскіихъ,
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
И наѣхалъ онъ Илья Соловья разбойника.
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А втретьи зрявкаетъ по звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился,
И падалъ вѣдь на кукорачь.
Говоритъ Илья Муромецъ Иваповичь:
«А ты, волчья сыть *), травяной мѣшокъ!
«Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
«Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
«Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
«Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
«А того ли ты крику звѣринаго,
«А звѣринаго крику турипаго.»
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымастъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья разбойника;
И попалъ Соловья да въ правой глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли.

*) *Волчья сыть* — чѣмъ волкъ сытъ, волчій кормъ.—*О.*

Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко сѣдѣльныя,
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе —
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
Какъ было около двора желѣзной тынъ,
А на всякой тынинкѣ по маковкѣ,
И по той по головѣ богатырскія —
Наводила трубками Нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена,
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака во свои высокіе терема,
И будила она девять сыновей своихъ:
« А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
« А девять сыновъ, ясны соколы!
« Вы подите въ подвалы глубокіе,
« Берите мои золотые ключи,
« Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
« А берите вы мою золоту казну,
« Выносите ее за широкой дворъ,
« И встрѣчайте удала добраго молодца;
« А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
« Отца-то вашего въ торокахъ везетъ. »
А и тутъ ея девять сыновъ закорпился,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:

« Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
« Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно,
« Отпусти Соловья разбойника,
« Не вози Соловья во Кіевъ градъ. »
А его-то дѣти, Соловьевы,
Неучливо они поговариваютъ.
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго.
И стегаетъ Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ,
Какъ бы конь подъ нимъ осержается,
Побѣжалъ, Илья какъ соколъ летитъ,
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ.
Середи двора княженецкаго,
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владиміра,
У него князя почестной пиръ;
А и много на пиру было князей и боляръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина въ полтора ведра:
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковой Владиміръ князь:
« Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовуть,
« А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
« По изотчеству пожаловати. »
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичь:
— А ты ласковой, стольной Владиміръ князь!
— А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь;
— И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
— Изъ стольнаго города изъ Мурома,
— Изъ того села Корочаева. —

Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
« А ласково солнце, Владиміръ князь!
« Въ очахъ дѣтина завирается:
« А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
« Залегла та дорога тридцать лѣтъ,
« Отъ того Соловья разбойника. »
Говоритъ Илья Муромецъ:
— Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь!
— Посмотри мою удачу богатырскую,
— Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ тебѣ.—
И втапоры Илья Муромецъ,
Пошелъ съ великимъ княземъ на широкой дворъ,
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили тутo князи-бояра,
Всѣ Русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичь,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичь,
Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залѣшана,
А еще два брата Хапиловы,
Только было у Князя ихъ тридцать молодцовъ.
Выходилъ Илья на широкой дворъ,
Ко тому Соловью разбойнику,
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
— Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ!
— Посвисти, Соловей, по соловьиному,
— Пошипи, змѣй, по змѣиному,
— Зрявкай, звѣрь, по туриному,
— И потѣшь князя Владиміра. —
Засвисталъ Соловей по соловьиному:
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по змѣиному,
Онъ втретье зрявкаетъ по туриному:
А князи и бояра испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе;
И накурилъ онъ бѣды неспосныя,

Гостинны кони со двора разбѣжалися,
И Владимiръ князь едва живъ стоитъ,
Со душой княгиней Апраксѣевной.
Говоритъ тутъ ласковой Владимiръ князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Иановичь!
«Уйми ты Соловья разбойника:
«А и эта шутка намъ не надобна.» —

IV.

1.

(Архангельск. губ., Шенкурскаго уѣзда).

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицáрскiихъ,
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичь младъ;
Есаулъ Алёша Поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополой.
Всѣ были братцы въ разъѣздынцѣ:
Гришка Боярскій въ тѣ-поръ кравчимъ жилъ;
Алёша Поповичь ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистóмъ полѣ,
Спалъ въ бѣлóмъ шатрѣ;
Добрыня Никитичь ѣздилъ ко синю́ морю,
Ко синю́ морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста́ поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ и́скопоть *) великую,
Ископоть велика́—пóлъ-печи.

---

*) *Ископоть*—пыль отъ ѣдущихъ.—*Зам. П. В. Кир.*—Въ спискѣ у П. В. Кирѣевскаго стоило *ископоть*, и онъ объяснилъ — пыль; между тѣмъ это очевидно *ископыть*, комъ, вылетѣвшій изъ подъ копыта.—*О.*

У́чалъ онъ и́скопоть досматривать:
« Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
« Изъ этой земли изъ Жидовскія
« Проѣхалъ Жидовинъ могучь богатырь,
« На эти степи Цицарскія! »
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
« Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
« Мы что́ на заставушкѣ устояли?
« Что́ на заставушкѣ углядѣли?
« Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ! »
Собиралисъ они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
« Не ладно, ребятушки, поло́жили;
« У Васьки полы долгія:
« По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
« На бою-на дракѣ заплетётся;
« Погинётъ Васька по напрасному.»
Положились на Гришку на Боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чисто́мъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
« Не ладно, ребятушки, удумали;
« Гришка рода боярскаго:
« Боярскіе роды хвастливые;
« На бою-дракѣ призахва́стается;
« Погинётъ Гришка по напрасному. »
Положились на Алёшу на Поповича:
Алёшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чисто́мъ полѣ,
Побить нахвальщика на чисто́мъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:

« Не ладно, ребятушки, поло́жили:
« Алёшинька рода Поповскаго;
« Поповскіе глаза завиду́щіе,
« Поповскія руки загребу́щія;
« Увидитъ Алёша на нахвальщикѣ
« Много злата, се́ребра, —
« Злату Алёша позавидуетъ;
« Погинётъ Алёша по напрасному. »
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чисто́мъ полѣ,
Побить нахвальщика на чисто́мъ полѣ,
По плечь отсѣчь буйну голову,
Привести на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Похо́дитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Има́етъ Добрыня добра́ копя,
Уздаётъ въ уздечку тесмя́нную,
Сѣдлалъ въ сѣдёлышко Черкаское,
Въ торока́ вяжетъ палицу боёвую, —
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
На бедры́ беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелко́вую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на́ полѣ черни́зину *);
Поѣхалъ прямо на черни́зину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ;
« Воръ, собака, нахва́льщина!
« Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь, —
« Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
« Подъ-атамана Добрынѣ Никитичу?
« Есаулу Алёшѣ въ казну не кладёшь
« На всю нашу братію наборную? »
Учу́лъ нахвальщина зы́ченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра́ копя,

*) *Черни́зина* — черное пятно. — *Зам. П. В. Кир.*

Попущалъ на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озёръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичь младъ
Господу Богу возмóлится,
И Матн Пресвятой Богородицѣ:
« Унеси, Господи, отъ нахвальщика! »
Подъ Добрыней конь посправился,—
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братіею со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичь младъ:
« Какъ выѣхалъ на гóру Сорочинскую,
« Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
« Увидѣлъ на́ полѣ чернизину,
« Поѣхалъ прямо на чернизину.
« Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
««Воръ, собака, нахвальщина!
««За чѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь,—
««Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
««Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
««Есаулу Алёшѣ въ казну не кладешь,
««На всю нашу братью на приборную? »
« Услышалъ воръ нахвальщина зы́ченъ голосъ,
« Поворачивалъ нахвальщина добра́ коня,
« Попущалъ на меня добра молодца:
« Сыра мать-земля всколебалася,
« Изъ озёръ вода выливалася,
« Подо мною конь на колѣнца палъ.
« Тутъ я Господу Богу возмолился:
««Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика! »
« Подо мной тутъ конь посправился ,
« Уѣхалъ я отъ нахвальщика
« И пріѣхалъ сюда, на заставу богатырскую »
Говоритъ Илья Муромецъ :
«Больше не кѣмъ замѣнится :
«Видно ѣхать атаману самому !»

Похóдитъ Илья на конюшій дворъ,
Имáетъ Илья добрà коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко Черкаское,
Въ торокá вяжетъ палицу боёвую, —
Она свѣсомъ та палица девяноста пудъ, —
На бедры́ беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелкóвую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулáка молодецкаго,
Увидѣлъ нá полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
« Воръ, собака, нахвальщина!
« За чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь, —
« Мнѣ атаману Ильѣ Муромцу челомъ не бьешь?
« Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
« Есаулу Алёшѣ въ казну не кладёшь,
« На всю нашу братью наборную?»
Услышалъ воръ нахвальщина зы́ченъ голосъ,
Поварачивалъ нахвальщина добрà коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удрóбился *).
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Впéрвые палками ударились, —
У палокъ цѣвья отломалися,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились, —
Вóстры сабли приломалися,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись, —
Другъ дружку не ранили;
Бились, драли́сь рукопашнымъ боёмъ,
Бились, драли́сь день до вéчера,
Съ вечера бьются до полу́ночи,
Со полу́ночи бьются до бѣлà свѣта:

*) *Не удробился* — не испугался. — *Зам. П. В. Кир.*

Махнётъ Илейко ручкой правою, —
Поскользитъ у Илейка ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру́ землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы́ груди,
Вынималъ чинжали́щё булатное;
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечь отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
— Старый ты старикъ, старый, матёрый!
— За чѣмъ ты ѣздишь на чисто́ поле?
— Будто не́ кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
— Ты поставилъ бы себѣ келейку
— При той путѣ-при дороженькѣ;
— Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
— Тутъ бы, старикъ, сытъ-пи́танёнъ былъ. —
Лежитъ Илья подъ богатырёмъ.
Говоритъ Илья таково́ слово:
« Да не ладно у Святыхъ Отцёвъ написано,
« Не ладно у Апостоловъ удумано;
« Написано было у Святыхъ Отцёвъ,
« Удумано было у Апостоловъ:
«« Не бывать Ильѣ въ чи́стомъ полѣ убитому; »
« А теперь Илья подъ богатырёмъ!»
Лежучи́ у Ильи втрое силы прибыло:
Махнётъ нахвальщину въ бѣлы́ груди,
Вышибалъ выше дерева жа́роваго,
Палъ нахвальщина на сыру́ землю;
Въ сыру́ землю ушёлъ до́-полсъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы́ груди.
Не досугъ Илюхѣ много спрашивать,—
Скоро споро́лъ груди бѣлыя,
Скоро затьмилъ очи ясныя,
По плечь отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повёзъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичь встрѣчаетъ Илью Муромца,

Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру́ землю;
При своей братьѣ похваляется:
«Ѣздилъ во́ полѣ тридцать лѣтъ, —
«Э́каго чуда не наѣзживалъ!»

(Записано г. Кузнецовымъ; доставлено П. В. Кирѣевскому отъ М. П. Погодина; ср. выше первую половину пѣсни 5-й, въ разрядѣ I-мъ).

*

2.

(Онега).

Между Кіевомъ было, Черниговомъ,
Стояла Руська крѣпка за́става.
Атаманомъ былъ въ первыхъ Илья Муромець,
Во вторыхъ былъ Дунай сынъ Ивановиць,
Во третьи́хъ былъ Добрыня Микитиць,
Во четвертыхъ Олёша Поповиць сынъ,
А во пятыхъ былъ Ванька *) Долгополистой.
Выдёргивалъ Илья Муромець трубку долговидную,
Смотрялъ онъ во всѣ стороны,
Да смотрялъ и во цисто поле.
Видѣлъ онъ дороднё добра молодця.
Таки́ молодець шутоцьки пошуцивать:
Выкидывать паличу боёвую вверхъ подъ облако,
Вымётывать сабельку вострую,
Принимаётъ паличу единой рукой,
А другой рукой саблю вострую;
Подъ мо́лодцёмъ земля голы́блитсе **).
Говорилъ атаманъ съ, подата́маньёмъ:
«Кому изъ насъ къ молодцю ѣхать насупротивъ?
«Послать Ваньку Долгополистаго? —
«Во полахъ, вить, Ванька замѣшаитсе,
«Потерялъ онъ свою голову.
«Не послать ли намъ Олёшу Поповиця?—

*) Васька?—*О.*

**) *Голыба́тьсл*—колебаться, трястись.—*Прим. 1-го изд.*

« Онъ роду-то поповського, захлы́шшевой *),
« Да потерятъ Олёша свою голову.
« Послать ли намъ Добрыню Микитиця?—
« Онъ человѣкъ-отъ уцьлы́вые,
« Будётъ спрашивать про имя, про во́тчину,
« И тотъ потерятъ свою голову.
« Тобѣ ѣхать, Дунай, во чисто́ полё!»
И сѣдлалъ, уздалъ Дунай копя доброго,
Да скоро онъ поѣхалъ во чисто́ поле.
Выѣхалъ на шелому́ ока́тисто,—
Видитъ дороднё добра молодця.
Таки́ шутоцьки пошуцивалъ:
Выкидывалъ палицу вверхъ подъ облако,
Вымётывалъ сабельку вострую,
Принимаётъ палицу едино́й рукой,
А другой рукой саблю вострую;
Подъ молодцёмъ земля голыблитсе.
И не смѣлъ ѣхать Дунай во чисто полё;
Поворацивалъ копя къ бѣлу шатру полотняну.
Изъ шатра выходилъ старъ казакъ Илья Муромець,
Говорилъ старо́й да таковы слова:
« Видно, што окромѣ старика ѣхать некому! »
Скоро сѣдлалъ, уздалъ копя добраго;
Какъ выѣхалъ на гору на высокую,
Увидалъ дороднё добра молодця;
Такъ шутоцьки молодець пошуцивалъ:
Выкидывалъ палицу боёвую подъ облако,
Вымётывалъ сабельку вострую;
Подъ молодцёмъ земля голыбли́тсе.
Поѣхалъ старый на чисто полё.
Розъѣхались за вёрсту за мѣрную,
Съѣхались, ударились,—
Палици у нихъ изломалисе;
Во второй разъ съѣхались, ударились,—
Копьи у ихъ пошшербалисе;
Соходили молодци рукопашкою:
Перво́й день водилисе до вецера

*) *Захлышшево́й*,—забубенный; отчаянно смѣлый.—*Прим. 1-го изд.*

И темну ноць водились до бѣла свѣта;
Другой день водился до вецера
И темну ноцьку до бѣла свѣта;
Да и трётей день водилисе до вецера.
Втогда упалъ да на сѣру землю
Старой казакъ Илья Муромець.
Тольки молитсе Спасу съ Богородичёй:
« Не дай миня поганому на поруганіе!
« Буду я служить до свѣту до вѣку,
« За тѣ церкви за Божьи,
« За тую вѣру за крешшоную! »
Да и принялъ молодця рукою правой,
Отрехнулъ ногою лѣвою,
Сшибалъ молодця со бѣлыхъ грудей,
Давненько *) сшибалъ, да выше лѣсу темного.
Втогды садился да на цёрны груди.
Говорилъ старъ да таковы слова:
« Ты скажись-ко, скажись, да доброй молодець,
« Ты коёй земли, да ты коёй орды?
« Какъ тобя ище **) именёмъ зовутъ,
« Да какъ тя велицёютъ изъ отецесьва? »
А въ исподи лёжитъ да лихой думаётъ:
« Кабы я сидѣлъ да на твоихъ грудяхъ,
« Дакъ не спрашивалъ бы имени до ***) вотцины....»
Говорилъ Илья Муромець во второй наконъ,
Говорилъ Илья да и въ третёй наконъ.
Не дождалсе Илья отвѣту отъ молодця,
Дакъ и вынялъ Илья свой булатёнъ ножъ.

И видитъ молодёць, што хлопота пришла.
Отвѣцялъ молодёць:— Я такой земли, да такой орды,
— Што по имени зовутъ меня—сокольницёкъ,
— А по отцесьву зовутъ меня—нахвальницёкъ,
— Молодой вдовы Омельфы Тимоѳеевны родной я сынъ.—
Тутъ сходилъ старой со цёрныхъ грудей,

*) *Давненько* или *давецько*—далеко, высоко.—*Прим. 1-го изд.*
**) Еще.—*О.*
***) Да?—*О.*

Становилсе старъ на рѣзвы ноги:
« Ты скажи-тко, скажи молодой вдовы
« Отъ старика казака поклонъ низкіе.»
А самъ поѣхалъ къ бѣлу шатру полотняну,
А сокольницёкъ поѣхалъ къ своёй матери.
Говоритъ она ёму да токово слово:
— Што же ты, цядо мое милоё,
— Колько ты по чисту полю не ѣжживалъ,
— А въ эдакомъ виду не пріѣжживалъ:
— Ты ли, вить, дитя, съ лича смѣненъ! —
А сокольницёкъ отвѣтъ дёржалъ:
« Попалъ какъ я, мать, на старого,
« Попалъ на старика невеселого,
« Да одва, мать, старцишшо-то жива спустилъ;
« А тобѣ-то, мать, старцишшо-то поклонъ послалъ.»
— А попомни-тко, се, цядо моё милоё,
— Какъ поѣжжалъ въ первой разъ ты въ чисто полё,
— Какъ я тобѣ, вить, наказывала—
—« Бейсе во чистомъ поли со всёкима,
—« Да не бейсе, барте *), со старыма,
—« Да не бейсе-ко съ угрюмыма,
—« Не бейсе со стариками невеселыма.»
— А той-отъ старцишшо тобѣ родной отець!—...
То сокольницьку не показалосе:
« По примѣтамъ знать—я .....»
Да отсѣкъ сынокъ буйну голову,
Родной матери буйну голову.
И поѣхалъ къ бѣлу шатру полотняну,
Розсѣкци стара на-двоё.
Пріѣжжалъ къ бѣлу шатру полотняну, —
Старой спитъ и не пробудитсе.
Обнажилъ сынокъ саблю вострую,
И положилъ свое злобно намѣреньё,
Да розсѣкци стара на-двоё.
И махнулъ стара по бѣлымъ грудямъ:
Попало старику да во цюдёнъ хрёсъ,
А той-отъ ли хрёсъ до полтора пуда.

*) *Барте*—пожалуйста.—*Прим. 1-го изд.*

Отъ того старой пробужеится,
Да не долго старой срежеится:
Ухватилъ старъ голову по́дъ пазуху,
Подъ па́зухой голова и осталасе.

(Записано г. Верещагинымъ; изъ Прибав. къ Изв. А. Н.; л. CIV; XXIII; № XXXIX, 2; вторую половину пѣсни ср. выше, съ I-мъ разрядомъ, особенно съ пѣснею 5-ю во второй ея половинѣ).

*

3.

(Сузунскій заводъ; ср. выше).

Какъ было то къ князю ко Володимеру
Князья-бо́яря собиралися,
Собирались, низко кланялись,
Становились въ побѣдный кругъ,
Рѣчи слушали княженецкія.
Молвилъ слово Володимеръ князь:
«Князья-бо́яря вы мои вѣрныя,
«А и головы у васъ разумныя!
«Изберите вы молодца изъ-промежь себя,
«А я дамъ ему рать мою сильную:
«А кто съ нимъ пойдетъ, тотъ съ нимъ пойдетъ,
«А кто съ нимъ нейдетъ, тотъ останется
«Берегчи князя со княгинею.»
Князья-бо́яря слово слушали,
Слово выслушавъ, поклонилися,
Стали думу думати крѣпкую.
Надумали, говорили таково слово:
— Гоій еси ты, ласковъ Володимеръ князь!
— Мы всѣ съ тобой, со княгинею,
— За тебя мы положимъ наши головы,
— А рать поведетъ Илья Муромецъ:
— Мы дадимъ ему нашихъ дѣтушекъ,
— Коней спѣлыихъ, сабли острыя,
— Стрѣлы мѣткія со туга лука.—

25. На томъ дѣло порѣшилося.
Слали гонца къ Ильѣ Муромцу:
— Спѣхомъ спѣши, рать въ поле веди
— На того ли ворога на Загорсково,
— На Тугарина на Бѣлевича.—
30. Въ тѣ поры Ильи Муромца дома не лучилося:
Полевалъ онъ далече во чистомъ полѣ,
Звѣря лютово на копье ловилъ,
Соболей, куницъ на низокъ низалъ.
Во дворѣ была токмо Савишна,
35. Молода жена Ильи Муромца.
Слышитъ слово молода жена Савишна,
Грозенъ наказъ княженецкой-атъ:
Молодое сердце надорвалося:
« Добро, » молвитъ; « ты, гонецъ, назадъ бѣги,
40. « А Илья за тобой не замѣшкаетъ. »
Проводила она гонца ласково,
Наказала коня сѣдлать доброво,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Не забыла колчанъ каленыхъ стрѣлъ,
45. Тугой лукъ, саблю острую.
Какъ сѣла въ сѣдло, только и видѣли.
И поѣхала ко городу Кіеву,
Къ великому князю къ Володимеру.
Какъ завидѣли князья-бояря богатырской скокъ,
50. Какъ заслышали князья-бояря богатырскій свистъ,
Не дивилися долго скоку, посвисту,
Высылали спѣшно всю рать могучую,
Сами къ ласкову князю воротилися:
— Пошла, де, рать съ Ильей Муромцомъ,
55. — А Тугарину, де, съ нимъ не сдоброватъ. —
Далеко въ чистомъ полѣ рати стрѣтились.
У Тугарина рать — туча чорная,
Княженецкая рать — молонья свѣтлая.
Какъ сошлися, не взвидѣлись.
60. А и Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня,
Убѣжалъ онъ въ свои улусы Загорскія,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца.

А богатырь Илья Муромецъ
Знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ,
Кто за него бился съ Тугариномъ.
(Служилъ службу царскую, государскую).

(Записано Д. П. Соловьевымъ; изъ Прил. къ Изв. II-го отд. А. Н., т. III).

V.

1.

(Деревня Черь, Городенскаго погоста, въ Лужскомъ уѣздѣ).

Какъ во славномъ было городѣ въ Кіевѣ,
У ласкова князя Володиміра,
Собиралися князья и бояре
И сильные могучіе богатыри,
Собиралися думушку думати.
Наступалъ на Кіевъ царь Мамай
Со своею невѣрною силою.
Сталъ Владиміръ князь выспрашивать:
«Ишшо какъ-то намъ будетъ воеваться съ нимъ?»
Тутъ-то князья и бояре совѣтуютъ,
Что дѣлать надо стѣну бѣлокаменну,
Да засыпать желтымъ пескомъ.
Какъ вскочилъ тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ—Илья Муромецъ,
Что со стула, со золотаго;
Сталъ Илья Муромецъ рѣчь держать:
Что «Надо послать къ Мамаю скора гонца,
«Попросить сроку на три мѣсяца,
«Чтобы силой намъ поисправиться,
«А могучимъ богатырямъ посъѣхатися.
«Есть на полѣ, на Куликовѣ,
«Есть у насъ тридевять богатырей:
«Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь,
«Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ,
«Иванъ Колывановичъ»....

Посылалъ Владиміръ къ Мамаю скора гонца.
Пріѣзжалъ гонецъ къ Мамаю царю,
Не обзываючись, не обсылаючись;
Клалъ указы на дубовый столъ,
А самъ сталъ на словахъ говорить:
« Гой еси, ты, царь Мамай!
« Проситъ нашъ Володиміръ князь
« У тебя сроку на три мѣсяца,
« Чтобы съ силою поисправиться,
« А могучимъ богатырямъ всѣмъ посъѣхаться. »
Царь Мамай разсмѣялся тутъ:
— Хошь просили бы вы сроку на три годы,
— Да и тутъ вамъ будетъ не исправиться;
— А силы у меня припасеныя:
— Сколько въ лѣсѣ лѣсу, на лѣсу листу:
— Окромѣ того у меня есть тридевять богатырей:
— Девять сыновей, девять дочерей, да девять зятеве
— Сы́ро-матѐро дубье поволачиваютъ,
— Кореньемъ къ верху пометываютъ.
— Однакъ даю сроку, сколько просите,
— Сколько просите — на три мѣсяца. —
Пріѣзжалъ гонецъ во Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Володиміру,
Говоритъ гонецъ таковы слова:
« Царь Мамай даетъ сроку на три мѣсяца. »
Посылать сталъ Володиміръ князь
Старо̀ва казака Илью Муромца,
Что на поле, на Куликово,
Что за тридевятью богатырями.
Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Выходилъ онъ на широкой дворъ,
Входилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны,
Выбиралъ коня богатырскаго,
Сѣдлалъ сѣделечкомъ черкацкіимъ,
Зашпиналъ двѣнадцатью подпругами шелковыми,
А тринадцатою подпругою булатною:
Не для красоты молодецкія,
А для крѣпости богатырскія.

Выѣзжалъ онъ на широкой дворъ,
Билъ коня палицей по крутымъ бедрамъ,
Скакалъ конь черезъ стѣну бѣлокаменну,
И ударился бѣжать во чисто поле.
А поскоки его были по пяти-то верстъ,
Изъ-подъ копытъ конь выметывалъ
Сырой земли по сѣнной копнѣ.
Прискакалъ Илья Муромецъ на поле,
Что на поле, на Куликово,
Гдѣ было тридевять богатырей.
Отмахивалъ плѣтовищемъ моложавыимъ *)
По бѣлу шатру на праву сторону;
Говорилъ Илья Муромецъ таковы слова:
« Гой-еси, вы, тридевять богатырей,
« Алеша Поповичь, Самсонъ богатырь,
« Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичь,
« Иванъ Колывановичь!
« Проситъ васъ Володиміръ князь
« Изъ бѣды его выручить:
« Наступаетъ на него царь Мамай
« Со своею невѣрною силою »
Говорятъ тутъ могучіе богатыри
Старому казаку Ильѣ Муромцу:
— Ты сойди-ко къ намъ во бѣлъ шатеръ,
— Выпить у насъ чару зелена вина,
— Зелена вина въ полтора ведра!—
Сходилъ Илья Муромецъ съ добра коня,
Входилъ онъ къ нимъ во бѣлъ шатеръ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра.
Наливали богатыри другу чару,
Подносили чару Ильѣ Муромцу;
Съ той-ли чары Илью хмѣль зашибъ.
Ложился Илья Муромецъ во бѣломъ шатрѣ,
Во бѣломъ шатрѣ опочивъ держать.

---

*) *Плѣтовище*, ср. кнутовище, ручка плети.—*О.*—*Моложавыимъ*: изъ жимолости; у Кирши Данилова *таволжаное*, изъ куста таволги.—*Прим. 1-го изд.*

Богатырской сонъ по двѣнадцать день.
А Владиміръ князь Илью ждетъ-пождетъ,
Илью ждетъ-пождетъ и не дождется.
Посылаетъ ко Ильѣ онъ племянника,
Молодова Ермака Тимоѳеича.
Выходилъ Ермакъ на широкой дворъ,
Заходилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны,
Выбиралъ себѣ коня богатырскаго;
Сѣдлалъ сѣделечкомъ черкацкимъ,
Запинялъ двѣнадцатью подпругами шелковыми,
А тринадцатою подпругою булатною:
Не ради красоты молодецкія,
А ради богатырскія крѣпости.
Выѣзжалъ Ермакъ на широкой дворъ,
Билъ онъ коня по крутымъ бедрамъ:
Поднимался конь чрезъ стѣну бѣлокаменну,
И ударился конь во чисто поле.
Поскоки его были по пяти-то верстъ,
Изъ-подъ копытъ конь выметывалъ
Сырой земли по сѣнной копнѣ.
Пригонялъ онъ на поле Куликово
И отмахивалъ плѣтовищемъ моложавымъ
По бѣлу шатру богатырскому:
« Ахъ вы гой еси, могучіе богатыри,
« Алеша Поповичь, Самсонъ богатырь,
« Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичь,
« Что Иванъ Колыкановичь!
« Проситъ васъ Володиміръ князь
« Во Кіевъ градъ на выручку:
« Наступаетъ на Кіевъ царь Мамаій
« Со своею силою невѣрною!»
Говорятъ ему тутъ богатыри:
— Ты сойди-ко, Ермакъ, со добра коня,
— Ты войди-ко, Ермакъ, во бѣлъ шатеръ,
— Ты испей-ко чару зелена вина,
— Зелена вина въ полтора ведра. —
Отвѣчаетъ имъ молодой Ермакъ:
« Если выпить, какъ мой дядюшка,

« Что старый казакъ Илья Муромецъ,
« Такъ намъ не къ чему будетъ и пріѣхати.»
Оборачивалъ онъ коня богатырскаго
И поѣхалъ ко городу Кіеву.
Какъ пріѣхалъ онъ къ городу Кіеву,
Что нельзя ему въ городъ въѣхати:
Обступила вокругъ чужа сила.
Какъ въѣзжалъ Ермакъ на круту гору,
И сталъ онъ силу посмѣчивать,
Что посмѣчивать сталъ, посписывать:
А силы-то было видимо не видимо,
Ни смѣтить силы, ни списать нельзя.
А кромѣ того было тридевять богатырей:
Девять сыновей, да девять дочерей,
Да девять зятевьевъ Мамаевыхъ,
А надъ всѣми набольшій царь Мамай.
Видитъ Ермакъ—дѣлать нечего:
Поскакалъ онъ въ силу со крутой горы,
Сталъ помахивать своей палицей,
А палица-та въ двѣнадцать пудъ:
Куда ей махнетъ—тамъ и улица,
А отмахнетъ—переулочекъ.
И бился Ермакъ что двѣнадцать дней,
Побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,
А силы все, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силы выбился.
Въѣзжалъ онъ на круту гору,
Раскидывалъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
И ложился опочивъ держать.
Какъ посмотритъ вокругъ въ широко поле,
Не туманъ въ поле поднимается,
А ѣдутъ тамъ тридевять богатырей,
Впереди-то всѣхъ что старый казакъ,
Что старый казакъ Илья Муромецъ.
Подъѣзжаютъ богатыри ко крутой горѣ,
Къ молодому Ермаку Тимоѳеичу:
« Помогай тѣ Богъ, молодой Ермакъ,
« Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь,

« Побивать силу невѣрную! »
Говоритъ ему тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ, Илья Муромецъ:
« Отдыхай теперь, молодой Ермакъ,
« Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь! »
Посылалъ Илья Муромецъ богатырей,
Побивати силу невѣрную:
Которыхъ слалъ отъ синя моря,
Которыхъ слалъ отъ чиста поля,
А которыхъ слалъ отъ Почапъ рѣки,—
Чтобы въ нашу воду не бросалися,
Чтобы нашу воду не поганили.
И бились богатыри двѣнадцать дней,
И прибили всю силу невѣрную,
И Мамая царя со богатыри,
Съ девятью сыновьями, девятью дочерями
И со девятью зятевьями.
Въѣзжали всѣ на круту гору
Къ молодому Ермаку Тимоѳеевичу.
Просыпался тутъ молодой Ермакъ,
Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь,
И поѣхали всѣ во Кіевъ градъ,
Что ко ласковому князю Володиміру.
Встрѣчалъ богатырей Владиміръ князь,
Принималъ онъ ихъ съ честью-почестью;
Собиралъ всѣхъ князей, бояръ,
И сильныхъ могучихъ богатырей,
И гуляли всѣ, веселилися,
Не много, не мало—ровно тридцать дней.
Отправлялись тутъ могучіе богатыри
Что на поле, на Куликово.
Вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить:
Разгуляются, распотѣшатся,
Распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать;
А такія потѣхи богатырскія
Народу было не вытерпѣть,
Котораго толкнутъ—тому смерть, да смерть.
Отправлялъ тутъ ихъ Володиміръ князь.

Просили они князя Владиміра
Отпустити въ гости Илью Муромца
Съ молодымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
Погулять въ поле, потѣшиться,
Богатырской удалью похвастаться.
Отпускалъ Илью Муромца Володиміръ князь
Съ молодымъ Ермакомъ Тимоѳеичемъ.
Отпускалъ ихъ съ честью, съ радостью.

Пріѣзжали богатыри на поле,
На широкое поле—Куликово;
Раскидывали тамъ бѣлы шатры,
Стали пить, гулять и тѣшиться,
Богатырской удалью хвастатись.
Прискакала вдругъ къ нимъ Бабища:
Головища у бабы съ дощанище *),
А глазищи-то съ пивны корцы **).
Говорила баба таковы слова:
« Гой еси, вы, тридевять богатырей!
« Побили вы нашу всю силу,
« Всю силу Мамаеву;
« Побили вы тридевять богатырей,
« Которы сыры-матёры дубы
« Изъ земли повалачивали,
« А кореньемъ къ верху помётывали;
« Убили вы моего царя!
« А счастье было ваше великое,
« Что меня на бою не случилося!
« Выходите-ко теперь со мной битися!
« Выходите, поединьщики, по единому,
« А всѣмъ вамъ вдругъ биться нечестно! »
Богатыри туто призадумались.
Соскочилъ только старый казакъ,

---

*) *Дощанище, дощань—чанъ ушатъ.—Прим. 1-го изд.*
**) *Корцы — большіе ковши съ длинною рукояткою.—Тоже.*

Что старый казакъ—Илья Муромецъ:
« Дайте-ка мнѣ, братцы, съ ней расправиться! »
Молодому Ермаку Тимоѳеичу
За обиду то показалося,
Что идетъ Илья Муромецъ съ бабой битися.
— Дайте-ко мнѣ, братцы, сперва развѣдаться,
— А пробьюсь я съ ней двѣнадцать дней,
— Пріѣзжайте меня попровѣдати.—
Выходилъ Ермакъ изъ бѣла шатра,
И садился онъ на добра коня,
Выѣзжалъ съ Бабищей въ чисто поле.
Какъ ударились они сперва палицами,—
Словно громъ грянулъ изъ темной тучи,
Приломали они свои палицы.
А послѣ стали биться копьями,—
Изломали и тутъ востры копьи.
Сходили они съ коней богатырскіихъ,
Бились въ рукопашный бой.
А и бился двѣнадцать дней.
Поизмучился молодой Ермакъ,
Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь:
Стала Бабища одолѣвать его.
Пріѣзжалъ тутъ попровѣдать Илья Муромецъ:
« Тебѣ Богъ помочь, молодой Ермакъ,
« Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь! »
Какъ возговоритъ молодой Ермакъ:
— Ахъ ты, дядюшка, Илья Муромецъ!
— Приходитъ мнѣ скорая смерть,
— Что отъ Бабищи, отъ Мамашины!—
Говорилъ тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ—Илья Муромецъ:
« Молодой ты Ермакъ Тимоѳеевичь!
« Видно бабьей ухватки не знаешь ты?
« Ты бери-ко ее за бѣлы груди,
« Развернись, да ударь о сыру землю! »
Молодой Ермакъ тутъ послушливъ былъ:
Сохваталъ бабу за бѣлы груди

И ударилъ бабу о сыру землю,
Убилъ Бабищу до смерти.
Пріѣзжали они въ бѣлъ шатеръ,
Стали пиръ вести, потѣшатися.

(Записано г. Гуляевымъ отъ крестьянина Ефима Пароснова Быкова; изъ Прибав. къ Изв. А. Н., т. II.—Ср. выше, въ разрядѣ I-мъ, начало и конецъ 6-й пѣсни о Бабѣ Горынинкѣ).

*

2.

(Заводы Локтевскій и Сузунскій).

Что у ласкова князя Владиміра
Заводился пиръ на веселѣ:
Собирались князья, бояры,
Сильные могучіе богатыри
И вся поленица *) удалая.
Заводился пиръ въ полупирѣ,
Сахарныя кушанья въ полукушаньѣ,
Питья медвяныя въ полупитьѣ.
Стали бояры наѣдатися,
Стали бояры напиватися,
Стали бояры призахвастываться:
Кто хвастаетъ чистымъ сéребромъ,
Кто хвастаетъ краснымъ золотомъ,
Кто хвастаетъ скатнымъ жемчугомъ,
Кто хвастаетъ золотой казной.
Какъ возговоритъ Владиміръ князь:
« Полно вамъ, бояры, хвастати!
« Стану я васъ дарити, жаловать,
« Кого буду дарить чистымъ сéребромъ,
« Кого буду дарить краснымъ золотомъ,
« Кого жаловать скатнымъ жемчугомъ. »
Тутъ стала бы княгиня говорить:
— Ты гой еси, батюшка, Владиміръ князь!
— Всѣхъ ударилъ ты, всѣхъ ужаловалъ:

*) *Поленица, поляница*, — отъ *поле*; *полевать* и *полеваться* — разъѣзжать въ полѣ ради подвиговъ. — *О.*

— Одного только удалаго добраго молодца
— Не дарилъ ты, не ужаловалъ,
— Что по имени-то Илью Муромца.—
« Ты гой еси, княгиня, неразумная!
« Подарю я удала добра молодца
« Тѣми дарами, которы мнѣ пришли
« Отъ Татарина, отъ Бусурманова:
« Подарю я его тою шубой соболиною. »
Беретъ Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ,
И бьетъ шубу о кирпищатъ полъ,
А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
« Велитъ-то мнѣ Богъ шубу бить
« О кирпищатъ полъ:
« Велитъ ли мнѣ Богъ бивать
« Татарина Бусурманова?»
Тутъ князья и бояры подмолвились:
— Гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
— Всѣмъ-то намъ твои дары по любви пришли,
— Одному-то удалому молодцу
— Дары тѣ не по любви пришли,
— Что по имени-то Ильѣ Муромцу:
— Беретъ онъ шубу за одинъ рукавъ
— И бьетъ о кирпищатъ полъ,
— А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
— «Велѣлъ Богъ бивать шубу о кирпищатъ полъ...»
— Взять было удалаго добра молодца,
— Что по имени-то Илью Муромца,
— Повести было его на горы высокія,
— Бросить его въ погреба глубокіе,
— Задернуть рѣшетками желѣзными,
— Завалить чащей, хрящомъ-камнемъ! —
Взяли тутъ удалова молодца
Скурлаты немилостивые *),
Повели на горы на высокія,

---

*) *Скурлаты*: собственное имя Малюты Скуратова обратилось въ имя нарицательное, съ значеніемъ палача. Есть поговорка, въ собраніи пословицъ В. И. Даля, въ которой удержалось имя Малюты Скуратова въ томъ же значеніи.—*О.*

Бросили въ погреба глубокіе,
Задернули рѣшетками желѣзными,
Завалили чащей, хрящомъ-камнемъ.
Княгиня была сдогадлива:
Копала подкопы подъ тѣ погребы,
Поила и кормила доброва молодца,
Что по имени Илью Муромца,
Поила, кормила ровно три годы.
Черезъ три годы накатилась сила невѣрная,
Что того было Калины царя,
Обстала престольный Кіевъ градъ
Вокругъ на шестьдесятъ верстъ.
Тутъ-то Владиміръ князь
Весьма закручинился, запечалился;
Повѣсилъ онъ буйну голову на праву сторону,
Потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ.
Тутъ ему княгиня подмолвилась:
— Что ты, батюшко, Владиміръ князь,
— Закручинился, запечалился,
— Повѣсилъ буйну голову на праву сторону,
— Потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ?—
« Ты гой еси, княгиня, неразумная!
« Накатилась на насъ сила невѣрная,
« Того было царя Калины,
« Обстала престольный Кіевъ градъ
« Вокругъ на шестьдесятъ верстъ:
« А нѣтъ у насъ стоятеля,
« Нѣтъ у насъ оберегателя,
« Удалова добра молодца, Ильи Муромца! »
Говоритъ тутъ княгиня князю Владиміру:
— Ты гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
— Ты вскричи своимъ вѣрнымъ слугамъ,
— Скурлатамъ немилостивымъ,
— Чтобы сходили они на горы на высокія,
— Развалили чащи, хрящи-камни,
— И отворили рѣшотки желѣзныя,
— Посмотрѣли бы удалова добра молодца,
— Что по имени-то Илью Муромца:

— Не живъ ли онъ? —
Отвѣчаетъ ей Владиміръ князь:
« Ты гой еси, княгиня, неразумная!
« Сними-ко ты буйную голову, —
« Приростетъ ли она къ плечамъ?
« Такъ будетъ ли живъ чрезъ три годы
« Удалый добрый молодецъ,
« Что по имени Илья Муромецъ?»
Говоритъ княгиня князю Владиміру:
— Посылай только, онъ живъ сидитъ. —
Выходилъ князь Владиміръ на красно крыльцо,
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ
Слугамъ вѣрнымъ, неизмѣннымъ:
« Вы гой еси, слуги вѣрные!
« Вы подите-ко на горы на высокія,
« Развалите чащи, хрящи-камни,
« Раздерните рѣшотки желѣзныя:
« Посмотрите, живъ аль нѣтъ Илья Муромецъ? »
Пошли слуги на горы на высокія,
Развалили чащи, хрящи-камни,
Отворяли рѣшотки желѣзныя,
Закричали зычнымъ голосомъ:
— Ты гой еси, удалый добрый молодецъ,
— Живъ ли ты, али нѣту-ка? —
Далъ имъ голосъ Илья Муромецъ.
Спускали тутъ къ нему лѣстницы,
Въ погреба-то глубокіе:
Выходилъ на Божій свѣтъ Илья Муромецъ.
Отвели его слуги къ князю Владиміру.
Говоритъ тутъ ему Илья Муромецъ:
« Ты, гой еси, батюшко, великій князь!
« Нѣтъ у меня коня добраго
« И всей сбруи богатырскія.»
Тутъ Владиміръ князь конюхамъ приказывалъ
Привести коня богатырскаго,
Принести палицу боёвую,
Саблю вострую, копьё бурзомецкое *).

*) *Бурзомецкое* — муромецкое; ср. выше. — *О.*

Сѣдлалъ Илья Муромецъ коня доброва.
Надѣвалъ на себя всю сбрую богатырскую.
Садился въ сѣделечко Черкасское,
Говорилъ князю Владиміру:
« Ты гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
« Подай-ко мнѣ своихъ измѣнщиковъ! »
Привели къ нему измѣнщиковъ.
И посѣкъ онъ имъ буйны головы.
Побѣжалъ онъ въ силу невѣрную.
Бѣгалъ по силѣ день до вечера,
Темную ночь до бѣла̀ свѣта̀;
Второй день бѣгалъ до вечера,
Вторую ночь до бѣла̀ свѣта̀;
Третій день бѣгалъ до вечера,
И третью ночь до бѣла̀ свѣта̀;
Порѣщилъ онъ тогда силу невѣрную.
Прибѣжалъ домой и спалъ трои сутки.

(Доставлено тѣмъ же; см. Приб. къ Изв. А. Н., т. III)

*

3.

(Кирша Даниловъ).

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ, царь Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;
Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на-сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ цару было отъ конинаго

А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ *) луча свѣта бѣлаго;
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
Что выбралъ Татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ Татаринъ трехъ сажень,
Голова на Татаринѣ съ пивной котелъ,
Которой котелъ сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень.
Отъ мудрости слово написано:
Что «возметъ Калинъ царь стольной Кіевъ градъ,
«А Владиміра князя въ полонъ полонитъ,
«Божьи церкви на дымъ пуститъ.»
Даетъ тому Татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился Татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будетъ онъ Татаринъ въ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Ескакалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
Передъ великаго князя Владиміра;
Отшедъ Татаринъ, слово выговорилъ:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
«А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
«Безъ бою, безъ драки великія,

*) *Не видитъ:* конечно *не видать.*—*О.*

« И безъ того кроволитія напраснаго! »
Владиміръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки разпечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлыки заплакалъ, свѣтъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося:
Богатырей въ Кіевѣ не случилося,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ,
А съ Калиномъ силы написано
Ни много, ни мало — на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ,
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три тысячи:
По праву руку его зять сидитъ,
А зятя зовутъ у него Сартакомъ;
А по лѣву руку сынъ сидитъ,
Сына зовутъ Лошпекомъ *);
И то у нихъ дѣло не окончано,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ.
Втапоры Василій Пьяница:
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатой,
Калену стрѣлу переную,
Наводилъ онъ трубками Нѣмецкими,
А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ царь;
И тотъ-то Василій Пьяница
Стрѣлялъ онъ тутъ во Калина царя;
Не попалъ во собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака,
Угодила стрѣла ему въ правой глазъ,
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало;
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрезили **):
Убили зятя любимаго

*) У Татаръ это имя неупотребительно; оно есть у Киргизовъ и Калмыковъ, и вѣроятно Монгольское.—*О.*

**) *Загрезили*—забредили, безъ толку затѣяли.—*О.*

Съ тоя башни со стрѣльныя,
Посылалъ другаго Татарина
Ко тому князю Владиміру,
Чтобы выдалъ того виноватаго.
А мало время замѣшкавши,
Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясной соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлой кречетъ перепорхиваетъ,
Бѣжитъ паленица *) удалая,
Старой козакъ Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ онъ во стольной Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго
Скочилъ Илья съ добра коня,
Не вяжетъ копя, не приказываетъ;
Идетъ во гридню во свѣтлую,
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею,
И на всѣ четыре стороны,
А самъ Илья усмѣхается:
«Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
«Что̀ у тебя за болванъ пришелъ,
«Что̀ за дуракъ не отесаной?»
Владиміръ князь стольной Кіевской
Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ.
Говорилъ тутъ ему Владиміръ князь:
— Гой еси, Илья Муромецъ!
— Пособи мнѣ думушку подумати:
— Здать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ градъ,
— Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
— Безъ того кроволитія напраснаго?—
Говоритъ Илья таково слово:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
«Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся:
«Боже Спасъ оборонитъ насъ,
«А не что, Пречистой и всѣхъ сохранитъ.

*) *Паленица;* поленица, полянница; см. прим. къ предыдущей пѣсни. — (

« Насыпай ты мису чиста серебра,
« Другую красна золота,
« Третью мису скатнаго жемчуга;
« Поѣдемъ со мной ко Калину царю,
« Со своими честными подарками;
« Тотъ Татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ. »
Паряжался князь тутъ поваромъ,
Замарался сажею котельною;
Поѣхали они ко Калину царю,
А прямо ихъ Татаринъ въ лагери ведетъ.
Пріѣхалъ Илья ко Калину царю
Въ его лагери Татарскіе;
Скочилъ Илья съ добра коня,
Калину царю поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
« А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичь!
« Прими наши дороги подарочки
« Отъ великаго князя Владиміра:
« Перву мису чиста серебра,
« Другую красна золота,
« Третью мису скатнаго жемчуга;
« А дай ты намъ сроку на три дни,
« Въ Кіевѣ намъ пріуправиться,
« Отслужить обѣдни съ панихидами,
« Какъ, де, служатъ по усопшимъ душамъ,
« Другъ съ дружкой проститися. »
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
— Гой еси ты, Илья Муромецъ!
— Выдайте вы намъ вицоватаго,
— Которой стрѣлялъ съ башни со стрѣльныя,
— Убилъ моего зятя любимаго!—
Говоритъ ему Илья таково слово:
« А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
« Прими наши дороги подарочки
« Отъ великаго князя Владиміра;
« Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать?»
И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Не честно у него, самъ прибранивастъ.

И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не далъ сроку на три дни и на три часа;
Говорилъ таково слово:
« Собака, проклятой ты Калинъ царь!
« Отойди съ Татарами отъ Кіева,
« Охота ли вамъ, собака, живымъ быть *)!»
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Велѣлъ Татарамъ сохватать Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры **) шелковые.
Втапоры Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ таково слово:
« Собака, проклятой ты Калинъ царь!
« Отойди прочь съ Татарами отъ Кіева,
« Охота ли вамъ, собака, живымъ быть!»
И тутъ Калину за бѣду стало,
И плюетъ Ильѣ во ясны очи:
— А Руской людъ всегды хвастливъ:
— Опутанъ весь, будто лысой бѣсъ,
— Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ! —
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ пол-древа стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ;
Не допустятъ Илью до добра коня
И до его-то до палицы тяжкія,
До мѣдны, литы въ три тысячи,—
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Которой ѣздилъ во Кіевъ градъ,
И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ, — тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ, —съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
« А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,

*) Отойди съ Татарами, если хотите быть живы!— *О.*

**) *Чембуръ*,—русское козачье *повалецъ*, третій одиночный поводъ узд за который водятъ и вяжутъ верховаго коня; на немъ даютъ *повалятьсл.*

« А жиловать, собака, не изорвется! »
И только Илья слово выговорилъ,—
Оторвется глава его Татарская,
Угодила та глава по силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ:
Достальные Татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья онъ ко Калину царю,
Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
« Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
« Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ. »
Согнетъ его корчагою,
Воздымалъ выше буйны головы своей,
Ударилъ его о горючь камень,
Разщибъ его въ крохи...
Достальные Татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
« Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
« Не дай Богъ намъ видать Рускихъ людей!
« Не ужто въ Кіевѣ всѣ таковы:
« Одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ? »
Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья Пьяницу Игнатьева:
И скоро нашелъ его на кружалѣ Петровскіимъ,
Привелъ ко князю Владиміру.
А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Васильемъ со Пьяницей,
И называетъ Илья того Пьяницу
Василья братомъ названыимъ. —

То старина, то и дѣянье.

VI.

1.

(Шенкурскъ).

Во славномъ во городѣ во Муромѣ,
Во селѣ Карацаровѣ.
Тутъ жилъ-былъ старикъ Иванъ Тимоѳеицъ.
У нихъ сынъ былъ Илья Муромецъ.
Онъ просилъ у родимова батюшки
Благословенья великова,
Па вѣки не рушимава:
Ещё съѣздить ему да посмотрѣть
Земли свято-русскіи
И кружала государева,
Цёрнава ка́рабля, яснава со́кола,
Во всѣ государевы вотцины.
Говоритъ ему батюшко:
« Ужъ ты свѣтъ мое цедо порожденноё!
« Потеряешь ты свою буйну голову,
« Вмѣсто мѣдныя пуговки не за денежку;
« Еще той дорогой никто не бывалъ,
« Никто ни ѣзжалъ ровно тридцать лѣтъ, тридцать годовъ
« Тамъ засѣлъ Соловей воръ-разбойницёкъ,
« Онъ со дѣткама и со дѣвкама.
« Еще той дорогой целовѣку итти ровно два́-года,
« А конному ѣхать полтора̀-года.»
А Ильѣ захотѣлось проѣхать въ полтора̀ цяса,
Между обѣднею раннёй и утренней,
И поспѣть ко столу княженевскому
И къ тому обѣду къ воскресенскому.

И оттудова пошолъ Илья за Дунай рѣку,
За широкую да за глубокую,
Къ тому къ Миколѣ Заруцёвскому;
Онъ служилъ обѣдни запрестольныи,
Клалъ завѣты великіи,

Становилъ свѣцю двадцати пяти рублёвъ,
Вперёдъ еще сулилъ пятьдесятъ рублёвъ:
« Ты поправь меня, Господи,
« Во путѣ-во-дороженькѣ,
« Во цюжой-дальней сторонѣ,
« Во Сибирскихъ въ украи́нахъ.»
Еще видѣли, — Илья на коня-то сѣлъ,
А не видѣли,—куда поѣздку далъ.
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
По крутымъ бедрамъ, промежду ушей:
У ёво́ конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки и озёра промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля́ устилаютсе.
Старши богатыри дивуютсе:
— Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромця!
— У ёво́ поѣздка молодецькая,
— Вся поступоцька богатырская!—
Завидѣлъ ёво́ Соловей воръ-разбойницёкъ,
Воръ-разбойницёкъ да воръ Ахматовиць:
— Вонъ, де, ѣдетъ въ полѣ дѣтина, шатаетсе,
— Подъ имъ конь подтыкаетсе.—
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Забилъ въ доло́ни по богатырскому,
Заревѣлъ вѣдь онъ по звѣриному,
Зашипѣлъ по змѣиному:
Тёмны лѣсы отъ ёво́ реву къ землѣ преклонилисе;
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутиласе,
Въ то время подъ Ильей конь на колѣнки палъ.
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Ещё самъ онъ коню приговариватъ:
« Ахъ ты конь, ты конь, да травяной мѣшокъ,
« Травяной мѣшокъ, да лошадь добрая!
« Будь заступцива, да не уступцива,
« Цёво́ ты, лошадь, да перепа́ласе?
« Не слыхала ли ты экова рёву коро́вьява,
« Писку верезгу дроздоваго?»
Выпималъ Илья Муромець
Изъ карману изъ лѣвава

Свой тугой лукъ, калены стрѣлы:
Онъ натягивалъ свой тугой лукъ,
Калены стрѣлы да накладывалъ,
Ещё самъ стрѣламъ приговаривалъ:
« Полетите, мои стрѣлы каленыи,
« Всѣ переныи, да пачиненыи *),
« Повыше лѣсу дремуцява,
« Пониже о́блака ходупява, —
« Вы падите Соловью вору-разбойнику
« Во тепло́ гнѣздо, да во буйну голову,
« И во самой во правой глазъ,
« И вередите ему сердце ретивое!»
Полетѣли стрѣлы каленыи,
Всѣ переныи, да пачиненыи,
Повыше лѣсу дремуцова,
Пониже о́блака ходуцява,
Еще пали Соловью вору-разбойнику
Во тепло́ гнѣздо, да во буйну голову,
И во самой во правой глазъ,
Вередили ему сердце ретивое,
И убилъ Илья Муромець Соловья,
Вора-разбойника да воръ-Ахматова.

Пріѣзжалъ онъ ко городу да ко Кидишу **).
Кругомъ города да кругомъ Кидиша
Залегла сила погапая,
Вся Литва некрещеная:
Ещё всю силу онъ ихъ повыбилъ,
До наслѣдья повыбилъ да до единова,
Никово не оставилъ на сѣмена,
И поѣхалъ впередъ подъ восточную сторону,
Во Сибирскія во украи́ны.

У города да было Кенва
Застава была великая:

---

*) *Переныи да пачиненыи*—перёныи перомъ, насаженныи конейцами.—*О.*

**) М. П. Погодинъ во время печатанія этой пѣсни 1-мъ изданіемъ получилъ изъ города Семенова (Нижегор. губерніи), отъ мѣщанина Меледина, извѣстіе съ поэтическими преданіями о Кидешѣ.—*Прим. 1-го изд.*

Семь сыновъ вора-разбойницька.
Еще малой-отъ сынъ завидѣвши возговорилъ:
«Вонъ, де, ѣдетъ нашъ да батюшка!»
А большой-отъ сынъ да завидѣвши:
— Охъ вы глупыи да неразумныи!
— Это ѣдетъ сильной могущей богатырь
— Илья Муромець;
— Онъ везетъ нашово батюшка,
— Да у лѣваго стремени у булатнова. —
Тутъ всѣ братьи да взбунтовалисе,
Взбунтовалисе да перепа́лисе;
Во яростяхъ да во великіихъ
Въ пять сотъ пудъ палку подъ облакъ мечутъ,
Соловей кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
— Ахъ вы дѣтоцьки да голубцики,
— Ихъ вы глупыи да неразумныи!
— Не вамъ *) кусъ, не вамъ и.ись **) евò:
— Я не могъ выстоять, а супротивъ меня
— Всѣмъ и вамъ ужъ не выстоять.
— Вы берите да спаены клюци,
— Отпирайте да погреба глубокіи,
— Вы берите много злата и серебра,
— И скацьпо́ва жемцюгу:
— Не отдастъ ли онъ, Илья Муромець,
— На выкупъ вамъ вашова батюшка?—
Илья на злато на се́ребро не заритсе,
Онъ впередъ ѣдетъ да востоцьную ***) сторону,
Во Сибирскіи да украины.
У Ильи конь бѣжитъ, да какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля укрываютсе.
Старши богатыри дивуютсе:
— Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромця!
— У ёвò поѣздоцька да молодецькая,
— Вся поступоцька да богатырская!—

---

*) *Вашъ?—О.*
**) *Исъ—Ѣсть.—О.*
***) *Въ восточную.—О.*

Пріѣзжалъ вѣдь онъ да ко Дунай-рѣкѣ,
Ко широкою да ко глубокою.
За ту рѣку да за широкую,
За широкую да за глубокую,
Перевощицькомъ была да Соловьева доць,
Доць большая да Катюшенька.
Соловей кричитъ ей своимъ зыцьнымъ голосомъ:
— Не вози, доць любимая, Татарина да великава`
— За Дунай рѣку: ты въ тѣ-пóръ ёвó вези,
— Когда дастъ тебѣ батюшку на выкупъ твоево;
— Ты въ тѣ-пóръ ёвó вези да за Дунай рѣку,
— За Дунай рѣку, да за широкую,
— За широкую, да за глубокую,—
Илья на то да не вѣруётъ.
Сходилъ онъ со добрá коня
На сыру землю да на матушку;
Онъ въ лѣву взялъ въ руку да шелкóвъ поводъ;
Правой рукой рветъ дубьё съ кореньяма;
Онъ мосты мостилъ крѣпко нá крѣпко,
Крѣпко нá крѣпко, да дѣльно нá дѣльно;
Онъ самъ перешелъ да и коня перевелъ;
Ещё взялъ изъ лѣвава кармана плетку шóлкову,
Плетку шолковую да подорожную,
О семи хвостахъ да съ проволкой,
Дѣвкѣ стёжъ-то *) далъ,—съ ногъ валилася,
Онъ другую далъ,—дѣвка скору смерть приняла;
Онъ Илья-то тутъ да и былъ и нѣтъ.
Онъ впередъ ѣдетъ подъ востоцьную сторону,
Во Сибирскіи да во украины.
У Ильи конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежь ногъ беретъ,
Хвостомъ поля да укрываютсе.
Старши богатыри да дивуютсе:
— Ещё нѣтъ на поѣздку Ильи Муромця!
— Поѣздоцька у ёвó да молодецькая,
— Вся поступоцька да богатырская!—

*) *Стёжъ*—ударъ, которымъ Илья ее *стегнулъ*.—О.

Пріѣзжалъ онъ ко городу да ко Кіеву.
Становилъ копя да середи двора,
Становилъ онъ да не привязывалъ,
Никому держать не приказывалъ;
Онъ пошолъ въ свѣтлыи свѣтлицы,
Въ княжепецькіи горницы,
Онъ не спрашивалъ у воротъ у приворотницьковъ,
У дверей да у придверницькевъ;
Онъ беретъ двери за́ скобу,
Отпираётъ двери да на́ пяту *);
Онъ и крестъ кладетъ да по писа́ному,
Онъ поклонъ ведетъ да по уцёному,
Онъ и кланяйтсе на всѣ на четыре стороны,
Еще князю-то да на особицю:
« Ещё здравствуй, князь славной Кіевской,
« Славной Кіевской да Владимірской!»
— Ещё здравствуй ты, дѣтина шельшина **),
— Ты дѣтина шельшина да деревепьщина!
— Ты откуль ѣдишь да откуль идешь?
— Ты какихъ родовъ, да какихъ городовъ? —
Онъ отвѣтъ держалъ князю славному:
« Ещё города Мурома, а села Карацырова,
« Илья Муромець да сынъ Ивановиць.
« Я пріѣхалъ ко вашёю ко милости:
« Процищалъ я дорожиньку да прямохожую,
« Прямохожую да прямоѣзжую,
« А изъ Мурома да до Кидаша,
« А изъ Кидаша да до Кіева,
« Всё до вашёю да до милости;
« Я убилъ Соловья вора-разбойницька,
« Воръ-разбойницька да воръ-Ахматова.
« Да привезъ ёво́ къ вамъ на пока́заньё.»
— Ещё врешь ты, дѣтина шельшина, да полыгаёшьсе,
— Надо мной надъ князёмъ насмѣхаёшсе. —

---

*) Дверь въ крестьянской избѣ ходитъ *на пять*, которая вставлена въ гнѣздо порога, а *головка* двери въ гнѣздо притолоки; *отворить на пяту* — отворить на стеня. — *О.*

**) *Шельшина — вельщина*; въ другихъ пѣснях *заселыцина*. — *О.*

«Ты изволь итти на свой широкой на по́лой дворъ,
«Ты изволь смотри́ть Соловья вора-разбойницька.»
Обувалъ сапожки князь сафьяновы,
Оболока́лъ *) кошулю **) соболюю,—
Ещё та ли кошля въ пятьсотъ рублёвъ,
Зарукавьи серебряныи,
Ожерельи жемчюжныи.
Повели ёво́ слуги по́дъ руки
На свой на широкой на по́лой дворъ.
У Ильи конь стоитъ, какъ гора лежитъ,
Онъ стоитъ да непривязанной,
Никому держать да не приказанной.
А у лѣвава стремени да у булатнова
Привязанъ Соловей воръ-разбойницёкъ,
Воръ-разбойницёкъ да воръ-атамановичь.
Еще тутъ-то князь да и копа́ится ***):
— Соловей ты, воръ да воръ-разбойницёкъ,
— Воръ-разбойницёкъ да воръ-Ахматовичь!
— Ты посвищи-ко по прежнёму да по соловьиному!—
Соловей да отвѣтъ держитъ,
Онъ отвѣтъ держитъ князю славному:
«Я не твой хлѣбъ и кушаю,
«Не тебя князя-вора и слушаю.»
Ещё тутъ князь Ильѣ да и копа́ится:
— Илья Муромець да сынъ Ивановичь,
— Полени́ца великая!
— Ты заставь Соловья вора-разбойника
— Посвистать по прежнёму да по соловьиному.—
Онъ отвязалъ Соловья вора-разбойника
Отъ лѣвава стремени.
И засвисталъ Соловей по соловьиному,
И забилъ въ доло́ни по богатырскому,
Запипѣлъ нѣдь онъ по змѣиному,

---

*) *Оболокалъ*—надѣвалъ.—*Прим. 4-го изд.*

**) Рубашка не косоворотка; такъ же шились и шубы. Старинный покрой корзна.—*О.*

***) *Копаться*,—добиваться.—*О.*

Заревѣлъ онъ да по звѣриному:
Темны лѣсы къ землѣ преклонилися,
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутилася,
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,
Полетѣло изъ дымолокъ *) кирпицьё заморскоё,
Полетѣли изъ окóльниць стёкла аглицькіи.
Ещё князь-отъ стоитъ да въ худой душѣ,
Ещё тутъ онъ да и копáится:
— Илья Муромець да сынъ Иванóвиць!
— Ты уйми да сопостата великава,
— Соловья вора-разбойницька,
— Воръ-разбойницька да воръ-Ахматова.—
Сталъ Илья унимать ёвò по свойскому:
Онъ схватилъ ёвò да за цёрны кудри,
Ещё билъ ёвò да о сыру́ землю о матушку,
Онъ въ подвéргъ **) ёвò кидалъ
Выше башни наго́льныи ***),
Онъ остатки ёвò хлопнулъ о сѣрóй камень;
Соловью отъ себя скора смерть пришла.
Повели слуги Илью подъ руки
Во свѣтлую да во свѣтлицю,
Въ княженецькіи горници,
И садили ёвò да по край стола,
По край стола да по край скамьи.
«Ещё ты, славной князь Кеивской да Владимірской!
«Ты неси-ко цяшу большую да обѣруцьную,
«Зелена́ вина да полтора ведра!»
Илья-то беретъ ее да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее да на одинъ духъ.
Ещё всё-то ёму мало кажется:
«Ты неси ещё, князь, цяшу бóльшую,
«Цяшу бóльшую да обѣруцьную,
«Ещё два ведра да зелена́ вина,
«Всё со водоцькой, да со наливоцькой,

---

*) *Дымолокъ*,—дымоволокъ, проводъ дымовой трубы.—*О.*
**) *Подвергъ*—подбросъ.—*О.*
***) *Наго́льныи*—наугольныя.—*О.*

« Со крѣпки́ми да со напитками. »
Илья прима́ится да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее на оди́ной духъ.
Ещё тутъ Илью маленько да ошабу́рило:
Онъ хотѣлъ да поладиться,
Онъ поладиться да поправиться,—
Поломалъ онъ ска́мьи да дубовыи,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныи.
А у князя во ту пору да во то времицько
Ещё столъ идетъ да во полу́-столѣ,
Ещё пиръ идетъ да во полу-пирѣ;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Ещё всё купцы да торговыи,
Ещё сильны могучи бога́тыри,
Свято-Русскіи воины.
Поприжалъ Илья Муромець да сынъ Ивановиць,
Поприжалъ онъ ихъ да во большой уголь.
Ещё князь Ильѣ рѣць прогово́рилъ:
— Илья Муромець да сынъ Ивановиць!
— Помѣшалъ ты всѣ мѣста́ да уцёныи,
— Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныи:
— У меня промежь каждымъ бога́тыремъ
— Были сваи желѣзныи,
— Чтобъ они въ пиру да напивалисе,
— Напивалисе да нестолкалисе.—
Ещё тутъ вѣдь князь да Ильѣ конаится:
— Ты изволь у насъ да попить-поись,
— Ты изволь у нашей милости
— Да воеводой жить.—
« Не хощю я у васъ ни пить, ни ись,
« Не хощю я у васъ воеводой жить!»
Онъ ставалъ на ножки на рѣзвыи,
Онъ выма́лъ свою плетку шелко́вую
О семи хвостахъ да со проволкой,
Ещё взялъ онъ плеткой да помахивать,
Ещё взялъ гостей да покалачивать,
Ещё бьетъ онъ, самъ приговариваётъ:

«На пріѣздѣ гостя не употчивали,
«А на поѣзднахъ да не уцѣствовали!
«Эта ваша мнѣ цѣсть—не въ цесть!»
Ещё онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,
До наслѣдья прибилъ да до единова,
Не оставилъ никово да на сѣмена.
Ещё царь-то въ ту пору да въ то времячько
За печьку задвинулся,
Собольёй шубкой закинулся.
Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти ни повѣсти
Нынѣ и до́ вѣку.

(1843 г., іюня 16, записана со словъ крестьянина П. А. Ядовинымъ, потомъ черезъ П. Борисова доставлена М. П. Погодину; см. Москвитянинъ, 1843, № 11).

*

2.

(Олега).

Ѣздилъ старъ Илья Муромець по чисту полю́,
Отъ младости ѣздилъ старъ до старости.
Былъ у старого доброй конь:
Черезъ рѣки перевозу онъ не спрашивалъ,
Ише гладкіе онъ мхи да промежъ ногъ спушшалъ,
А и синёё-то морё онъ въ околъ скакалъ.
Находилъ старой валю́ець камéнь,
А на камени подпись бы́ла подписана:
— Кому въ этую дороженьку ѣхати — богату быть,
— А во дру́гую поѣхати — жонату быть,
— А во тре́тею да ѣхати — убиту быть. —
И мужева́лъ *) тутъ старой, разговаривалъ:
«Куда мнѣ ише, старому, да съ золотой казной?
«Нѣту у миня, стара́, да молодой жоны,
«Нѣту, вить, у старого да малыхъ дѣтоцёкъ,

*) *Мужевáть*—разсуждать, размышлять.—*Прим. 4-го изд.*

« А вить некому таскать да платья чѣтного ,
« Ише некому тратить да золота казна **).
« Куды мнѣ ише , старому , да съ молодой женой ?
« Молода жона взеть , дакъ туть цюжа корысь ,
« А стара́я мнѣ-ка взеть , дакъ на пеци будё сидѣть ,
« На пеци́ будё сидѣть, да старикомъ командовать. »
Да мужевалъ тутъ старой , разговаривалъ ,
Поворачивалъ же старо́й-отъ добра́ коня
Во дороженьку , вить , ѣхать , гдѣ убиту быть.
Ѣдётъ старой-отъ путемъ-дорогою ,
А стоитъ ту сорокъ тышацъ лихихъ воровъ ,
Да стоитъ сорокъ тышацъ разбойниковъ ,
Да ише сорокъ тышацъ стоитъ подорожниковъ.
А и сго́ворятъ ту воры-разбойники ,
Да спрого́ворятъ ту подорожники :
— Какъ убьемъ ли мы , пограбимъ старого ,
— Съ животомъ ли, съ конемъ его ро́злуцимъ ! —
А и сговоритъ тутъ старъ таковы слова :
« Ой же вы еси , воры-разбойники ,
« Да ой же вы еси, подорожники !
« Да на што вамъ бить миня , старого ?
« У миня да , вить , у старого ,
« Золотой казны да не луци́лосе ;
« Толькн съ со́бой ей и пригодилосе ,
« Што налисьнёй суммы сорокъ тышацей ;
« Ише хрёсъ на грудяхъ да во петьсотъ рублёвъ ;
« Да шеломъ на главы́-то сорока пудовъ ,
« Сорока же онъ пудовъ—сто́итъ петьсотъ рублёвъ ;
« А сапо́женьки на ножкахъ семи шолковъ ,
« Да семи оны шолковъ— сто́ятъ семьсотъ рублёвъ ;
« У коня-та межъ глазмы́ да подъ ушмы́
« Самочвѣтноё наса́жёно ка́меньё ,
« Да не для́-ради красы да молодецькія ,
« Для́-ради осенних темныхъ ноценёкъ :
« Оно за́ тридчеть верстъ какъ свѣтёлъ мѣсе́цъ некоть ;
« Чѣной чѣнить , дакъ рублёвъ тышаця ,

**) Всѣ имена сущ. женск. рода въ винит. пад. единств. ч. сходны съ именит. при неопредѣл. наклоненіи. — *Прим. 4-го изд.*

« А другой чѣной чѣнить, дакъ и смѣту нѣтъ.»
Ай спрогóворять тутъ воры-разбойники,
Да спрогóворять тутъ подорожники:
— Нé по што со старымъ разговаривать! —
Втогды схватилъ шеломъ старшóй *) съ буйнóй главы,—
А тóтъ-тамъ шеломъ, вить, сорокá пудовъ, —
Да и нóцялъ онъ шеломомъ-то помахивать:
Какъ впередъ-то махнетъ, дакъ куды улича,
А на зать-ту отмахнеть, дакъ переулоцёкъ;
Не столькы онъ бьётъ, колько конемъ топцётъ;
Прибилъ, притопталъ онъ до единого,
Не оставилъ тутъ единого на сѣмена.
Поворацивалъ старой добра копя
Ехати ко камени съпзнова;
Ище старую подпись поддалбливалъ,
Да подписывалъ подпись онъ повую:
« Во дороженьку ѣздилъ — убитъ не быlъ;
« А понѣце поѣду, гдѣ жонату быть. »
Ѣдётъ старóй-отъ путемъ-дорогою.
Не доѣдуци Индѣи богатыя,
Не проѣдуци Корелы проклятыя,
Тутъ стоитъ теремъ ужасные,
А ужасной, вить, теремъ великастые.
Выходила изъ терема прекрасна королевисьня,
И брала старá за бѣлы рукú,
Цѣловала старá въ уста сахáрныя,
Поилá, кормила старá дó-сыта...
Ухватилъ старъ королевисьню óсередь,
Да и бросилъ на кровать-ту отисовую **):
Дакъ, вить, тая-то кровать опрокинулась,
Королевисьня тутъ увалилась.
Скрыцялъ старъ да зысным голосомъ:
« Ты сказывай про ходы́ да про клюци подземельные! »
Отводила она ему ходы́ подземельные.
И пошелъ тутъ старой по тѣмъ клюцямъ,
Клюци-ты онъ руками раздёргивалъ,

*) Старой?—*О.*
**) Т. е. тесовую. — *О.*

А двери-ты ногами ростóптывалъ ,
Выпушшалъ сорокъ царёвъ , сорокъ царевицёвъ ,
Да ише выпушшалъ сорокъ королей, сорокъ королевицёвъ.
Позади выпушшалъ да выводилъ прекрасну королевисьну.
Говорилъ царямъ, царевицямъ ,
Говорилъ же королямъ , королевицямъ:..
« Подьте вы , цари , царевици ,
« Да подьте и короли , королевици ,
« Ко своимъ малымъ дѣтенышамъ ! »
Разорвалъ онъ царевну на цетыре цетверти ,
Разметалъ ей на цетыре стóроны.
Самъ садился на добра коня
Да поѣхалъ старъ ко камени ,
Старую-ту подпись поддалбливалъ ,
Да подписывалъ подпись онъ новую :
« Во дорожиньку , вить , ѣздилъ — убитъ не бы́лъ :
« А во дру́гую я ѣздилъ — женатъ не бы́лъ ;
« А во третію поѣду , гдѣ богату быть. »
Ѣдётъ старой-отъ путемъ-дорогою ,
Да лёжитъ камень ужасные ,
Да на камени-то подпись ужъ новая :
— Подъ симъ-то ли подъ каменемъ
— Есь великъ матёръ кованой сондукъ ,
— Въ сондуки́-то сумма несцётная. —
Отворацивалъ старой валюць камень ,
Вызнималъ тутъ старой великъ сондукъ ,
А въ сондуки-то подпись , вишь , новая :
— Кому эвтотъ животъ да достанитсе ,
— Тому состроить церква Индѣйская ,
— Да состроить тому церква Пешшерская. —
Тутъ состроилъ старъ церкву Индѣйскую ;
Да какъ нацялъ строить церкву Пешшерскую ,
Ту́това старъ и ека́менѣлъ *).

Да къ тому-то стиху и славы́ поютъ.

(Записано г. Верещагинымъ ; изъ Приб. въ Изв. А. Н., см. выше).

*) Окаменѣлъ ? — *О.*

VII.

1.

Какъ у насъ, братцы, было на тихомъ Дону,
Не здорово, братцы, учинилося,
Помутился весь нашъ тихій Донъ,
Помѣшался весь нашъ козачій кругъ:
Что не стало у насъ атамана,
Что стараго козака Ильи Муромца.
Ужь вы, братцы, товарищи!
Убирайте вы легкіи стружка,
Вы сукномъ багрецовымъ;
Увивайте вы весёльчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ;
Увивайте вы укрюченьки *)
Аліентарскимъ **) крупнымъ жемчугомъ:
Чтобъ по ночамъ они не буркали,
Не подавали бы они ясоку ***),
Что ко злымъ людямъ ко Татарамъ.

*

2.

(Калужск. губ., Боровск. уѣзда).

Охъ вы роща, роща зелена́я! ли́пушки цвѣтна́я!
Кустарнички молодые, орѣшнички густые!
Разростились, расплодились по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, всё по быстрымъ рѣкамъ,
'Коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона рѣки!
Обтекаютъ эти рѣчки славны Руски города;

*) *Укрючины — уключины*, въ которыхъ ходятъ весла; въ такомъ смыслѣ у Нестора (въ договорѣ Олеговомъ) употребляется слово *ключь*. — *О.*

**) *Аліентарскій* — оріентальный, восточный. — *О.*

***) *Ясакъ*—вѣсть, голосъ, кликъ, зовъ. — *О.*

Протекаетъ рѣка Волга 'коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывутъ-то воспливаютъ крáсны лодочки на ней:
Красны лодочки краснѣются, на гребцахъ шляпы чернѣются,
На самомъ-то ясаулѣ чёрна сóболя колпакъ.
Они ѣдутъ-воспѣваютъ всё про Муромски лѣса,
Они хвалютъ-величаютъ ясаула молодца,
Ясаула молодца, Илью Муромца!

(Записано отъ старухи).

*

3.

(Симб. губ. и уѣзда, село Языково).

Не тропкою, не дорожкою,
Бѣжитъ-выбѣгаетъ тутъ добрый конь,
Черкаско сѣдельце на боку несетъ,
Булатное стремя по копытамъ бьетъ.
За конемъ бѣжитъ добрый молодецъ,
Шляпою машетъ, голосомъ кричитъ:
«Охъ ты стой, ты постой, ты мой добрый конь!
«Ужь ты меня унесъ отъ двухъ смертей,
«Унеси ты меня, конь, и отъ третіей!»
Изъ за лѣсу, де, лѣсу темнаго,
Изъ за тѣхъ ли горъ высокіихъ,
Выѣзжаетъ тутъ собака Турецкій ханъ;
Объѣхали кругомъ, стали спрашивать:
— Котораго ты рода, коего племени?
— Барскаго ли ты рода, или княженицкаго?—
«Я не барскаго рода, не княженицкаго,
«Я того, де, рода крестьянскаго,
«По имени я Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,

« А того, де, я селенія Корочарова;
« И прошу я вашей милости:
« Поймайте мнѣ добра коня! »
Поймали ему и добра копя.

*

4.

(Сибир. губ. и уѣзда).

Далече, далече во чистомъ полѣ,
Ѣздилъ, гулялъ добрый молодецъ,
Старѣйшій казакъ Илья Муромецъ.
Онъ ѣздилъ, молодецъ, день до вечера,
Никакова дива не наѣзживалъ.
Наѣзживалъ молодецъ на дивóвище,
На то диво не малое,
На то диво великое:
На тоё на красну дѣвицу поклонную *).
Не доѣхавши дѣвицы, самъ становится,
Не дошедши, добрый молодецъ сталъ допрашивать:
« Ты скажи, скажи дѣвица, не утай себе,—
« Чьево рода, чьево племени?
« Отъ царя ли ты царевна **),
« Или царская дочь?
« Отъ короля ль ты королевна,
« Иль корольская дочь?
« Или нашего ты роду богатырскаго?»
Отвѣтъ держитъ дѣвица доброму молодцу:
— Скажу, скажу тебѣ, не таюсь себя, не боюсь тебя:
— У моева у батюшки было семь сыновъ,
— Восьмой сынъ во солдаты пошелъ,
— А девятая была красна дѣвица.—
Тутъ молодецъ позадумылся.

---

*) Походную?—*О.*

**) Въ подлинникѣ какъ будто *царина.—О.*

Слѣзалъ молодецъ со добра коня,
Кланитца дѣвицѣ вы рѣзвы ножиньки:
« Не ты ли, дѣвица, мнѣ родна сестра?
« Садись-ка, дѣвица, на добра коня,
« Поѣдемъ, дѣвица, къ родному батюшки.»

(Ср. выше, первую половину 3-й пѣсни I-го разряда).

*

5.

(Барнаулъ).

Какъ издалеча *), изъ чиста поля,
Изъ раздольица изъ широкова,
Выѣзжаетъ тутъ старый казакъ,
Старъ-старый казакъ, Илья Муромецъ,
На своемъ онъ на добромъ конѣ.
На лѣвой бедрѣ сабля острая,
Во правой рукѣ тупо копье.
Онъ тупымъ копьемъ подпирается,
Своей храбростью похваляется:
« Что велитъ ли Богъ въ Царѣ-градѣ быть?
« Я старыхъ Турковъ всѣхъ повырублю,
« Молодыхъ Турчатъ во полонъ возьму!»
Не о́ткуль взялся богатырь Турокъ:
Съ Ильей съѣхался, не здоровался,
Приразъѣхались, пріударились.
Онъ и бьетъ Илью острымъ концомъ,
Илья Муромецъ бьетъ тупымъ копьемъ.
Онъ сшибаетъ Турка съ добра коня,
Ужъ какъ палъ Турокъ на сыру землю;
Онъ поддѣлъ Турка на тупо копье,

---

*) Разнорѣчіе: « изъ да́лече. » — О.

Онъ понесъ Турка во чисто поле,
Во чисто поле, ко синю морю,
Онъ бросалъ Турка во сине море:
Какъ сине море всколебалося,
На пески вода разливалася.

(Записано г. Гуляевымъ отъ Барнаульскаго мѣщанина И. М. Калистратова, жившаго въ деревнѣ Калистратихѣ, въ 37 верстахъ отъ Барнаула, по дорогѣ въ Змѣиногорскъ; см. Прибав. къ Изв. А. Н., т. II.—Также пѣсня помѣщена въ «Этнографическихъ очеркахъ Южной Сибири», въ Библіотекѣ для Чтенія, 1848 г., т. 90, стр. 107, 108, откуда и приведено выше разнорѣчіе.—Ср. выше, 1-ю пѣсню II-го разряда).

—

Конецъ пѣсенъ I-го выпуска.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 1-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

СКАЗКИ

ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ.

1 *).

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жил
былъ мужичокъ и съ хозяюшкою. Живётъ онъ богатой р
кой, всего у него довольно, капиталъ хорошій имѣетъ. И г
ворятъ они промежъ собой, сидя съ хозяйкою: «вотъ, хозяйк
довольно всего у насъ, только у насъ дѣтей нѣту; станем
просить Бога, авось Господи намъ создастъ дѣтище, хоти (
на послѣдяхъ, при старости.» Стали просить Бога, и забр
хатѣла она, и время пришло—родила дѣтище. Прошолъ год
и два, и три года прошли, ноги у него не ходятъ, а должно
ему ходить; восемнадцать годовъ прошло — всё безъ но
сидитъ. Вотъ пошолъ отецъ съ матерью на покосъ убира
сѣно, и остался сынъ одинъ. Приходитъ къ нему нищенск
братія и проситъ у него милостыньку: « хозяюшка! сотво
старичку Господню милостыньку Христа ради! » Вотъ онъ е
и говоритъ: « старичокъ Господень, не могу я тебѣ пода
милостыньку; я безъ ногъ. » Вошолъ старичокъ въ изб
«шутка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичек
Вотъ взявши, далъ ему ковшичекъ. «Поди, говоритъ, принес
мнѣ водицы.» Принёсъ ему воды и подаётъ въ ручки: «извольт
старичокъ Господень! » Вотъ онъ ему назадъ и отдаёт
«выпей, говоритъ, въ ковшѣ всё воду.» Опять посылаетъ он
его за водою: « опять сходи, принеси другой ковшикъ воды.
Шедши онъ за водою, за которое дерево ни ухватится — и

*) Многословныя позднѣйшія вставки въ этой сказкѣ, и безъ того очи
поздней и искаженной, выпущены, и пропуски означены точками.— *О.*

корню выдернетъ. Старичокъ Господень и спрашиваетъ у него: «слышишь ли теперь въ себѣ силу?»—«Слышу, старичокъ Господень! Сила теперь во мнѣ есть большая: кабы утвердить въ подвселенну такое кольцо, я бы смогъ поворотить подвселенную.» Какъ принёсъ онъ другой ковшикъ, старичокъ Господень выпилъ полковша, а другую половину далъ ему выпить: силы у него и поубавилось. «Будетъ, говоритъ онъ, съ тебя и этой силы!» Помолился старичокъ Господень Богу и пошелъ домой: «оставайся, говоритъ, съ Богомъ!»

Скучно ему лежать, и пошолъ онъ копать въ лѣсъ, свою силу пробовать. И ужехнулся народъ, что̀ онъ сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ! Вотъ идетъ и отецъ съ матерью съ покосу: «Что̀ это такое? лѣсъ весь вырытъ; кто такой вырылъ?» Подходятъ ближе. Жена и говоритъ своему мужу: «хозяинъ, нѣдь это нашъ Илюшенька роетъ!»—Дура, говоритъ онъ, не можетъ нашъ Илюшенька это сдѣлать; пустеки, что это нашъ Илюшенька! — И подошли къ нему: «ахъ, батюшка ты нашъ, какъ тебѣ Господь создалъ это?» Вотъ и говоритъ Илья: «пришолъ ко мнѣ старичокъ Господень, милостыньку просить сталъ; я ему и отвѣчаю: ««старичокъ Господень, не могу я тебѣ милостыньку подать; я безъ ногъ.»» Вотъ онъ ко мнѣ и пришолъ въ избу:—путка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ.—Всталъ я и далъ ему ковшичекъ. —Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы.—Принёсъ ему воды и подалъ въ ручки.—Выпей, говоритъ старичокъ, въ ковшѣ всю воду.—Выпилъ—и стала во мнѣ сила великая!»....

Пошолъ въ конюшню жеребца себѣ выбирать. Пришолъ къ жеребцу къ первому, наложилъ на жеребца руку, тотъ спотыкнулся; перепробовалъ всѣхъ жеребцовъ въ конюшнѣ, на котораго ни наложитъ руку—всякой спотыкается, ни одинъ не удержитъ. Пришолъ къ самому послѣднему жеребцу—такъ, въ забросѣ стоялъ,—ударилъ его по спинѣ рукой: онъ только заржалъ. И говоритъ Илья: «вотъ мой вѣрный слуга, не спотыкнулся!»....

Сѣлъ на добраго коня, ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ горѣ: прекрутая, большая гора и на ней все песокъ; на силу въѣхалъ. На горѣ стоитъ столбъ, на столбѣ подписано три дороги: «по одной дорогѣ ѣхать—самъ сытъ будешь, конь голоденъ; по другой дорогѣ ѣхать—конь сытъ, самъ голоденъ; по третей дорогѣ ѣхать — самого убьютъ.» Вотъ онъ

взялъ да и поѣхалъ по этой дорогѣ, по которой самого убьютъ а онъ на себя надѣялся....

Вотъ онъ ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ тому мѣсту, что послышалъ свистъ отъ Соловья разбойника, и какъ ло половины дороги доѣхалъ, конь его спотыкнулся. Вотъ онъ и говоритъ: «не спотыкайся, добрый конь! ужъ послужи мнѣ.» Подъѣзжаетъ къ Соловью разбойнику, онъ всё свищетъ Подъѣхавши къ гнѣзду, взялъ стрѣлу, натянулъ и пустилъ въ него,—и упалъ Соловей съ гнѣзда. Вотъ онъ его на земл и ударилъ однова, чтобы не до смерти убить, и посадилъ к себѣ въ корока на сѣдло, и ѣдетъ къ дворцу. Видятъ его изъ дворца и говорятъ: «Соловей разбойникъ везётъ кого-то въ ко рокахъ!» Подъѣзжаетъ богатырь ко дворцу... Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «велите Соловью разбойнику засви стать.» А Соловей разбойникъ говоритъ: «вы бы накормили и напоили Соловья разбойничка; у меня уста запеклися.» Вотъ и принесли ему вина, а онъ говоритъ: «что мнѣ штофикъ вы бы бочоночикъ принесли мнѣ порядочный.» Принесли ему бочонокъ вина, вылили въ ведро. Онъ выпилъ заразъ и го воритъ: «еще бы Соловью разбойничку двѣ ведёрочки, так выпилъ бы!»—да ужъ не дали ему. И проситъ король: «Ну прикажи, говоритъ, ему засвистать.» Илья велѣлъ ему засви стать, а короля и всю его фамилію подставилъ къ себѣ под руки, подъ мышки: «а то, говоритъ, онъ оглушитъ васъ.» Какъ засвисталъ Соловей разбойникъ, на силу остановилъ его Илья Иванычъ, ударилъ его жезломъ,—онъ и пересталъ сви стать, а то было попадали всѣ.

Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «послужишь ты мнѣ вотъ эдакую службу, какъ я стану тебя просить? къ моей дочери вотъ летаетъ змѣй о двѣнадцати головъ; какъ бы его убить?»—Извольте, ваше королевское величество! что для васъ угодно—всё сдѣлаю.—«Пожалуста, Илья Ивановичъ; вотъ въ такомъ-то часу прилетитъ змѣй къ моей дочери, такъ по старайся!»—Извольте, ваше королевское величество!—Лежитъ королевна въ своей комнатѣ; въ двѣнадцать часовъ и летитъ къ ней змѣй. Вотъ и стали они драться: какъ ни ударитъ Илья, такъ съ змѣя голова долой; какъ ни ударитъ, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и послѣднюю голову съ него сшибъ: ударилъ жезломъ и разшибъ её всю. Радёхонька же королевна встала, припла къ нему и его благодарила; доложила отцу съ матерью, что убитъ

змѣй: «всѣ, де, головы посбивалъ!» Король и говоритъ: «благодарю тебя; изволь послужить сколько ни буль у меня.»—Нѣтъ, говоритъ, я поѣду въ свое государство. Отпустилъ его король отъ себя съ честью хорошею....

(Изъ Сборника П. В. Кирѣевскаго; сравни у г. Аѳанасьева, Нар. Русск. сказки, выпускъ III).

*

2.

Во славномъ было городѣ во Муромѣ, во томъ ли селѣ Карачаевѣ, жилъ-былъ крестьянинъ, по имени Иванъ, по изотчеству Тимоѳеевичъ. А и было у него любимое лѣтище, Илья Муромецъ; а и то-то лѣтище сидѣло сиднемъ тридцать лѣтъ. Приходило время страдное, наставала пора рабочая, и Илья остался дома одинъ. По Божьему велѣнью приходили два калика перехожіе, становились подъ окошечко косящатое и просили милостыни. И говоритъ имъ Илья: «нищіе братія! взойдите ко мнѣ во храмину. Есть у васъ всего много, а подать вамъ некому.» И говорятъ ему калики перехожіе:—встань-ка самъ!—«Сижу сиднемъ я тридцать лѣтъ, а вставать не встану: нѣтъ у меня ни рукъ, ни ногъ»,— проговоритъ имъ Илья. И говорятъ калики перехожіе ему во второй разъ: — встань-ка самъ! — Илья сидитъ, силу пробуетъ, а въ отвѣтъ держитъ рѣчь: «всталъ бы я, и сила есть, да нѣтъ ногъ.» И говорятъ ему калики перехожіе въ третій разъ:—встань-ка самъ! — Илья сидитъ, силу пробуетъ: тронетъ ногу—нога поднимается, тронетъ другую — другая поднимается. И сталъ вставать Илья на ноги. Встаетъ Илья, поднимается, посередъ пола становится. И говоритъ ему калики перехожіе: — сходи-ка за пивомъ, да напой насъ!—И взялъ Илья братину великую, пошелъ во подвалы глубокіе, наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ, и подносилъ каликамъ перехожимъ.—Выпей-ка самъ,—въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. Говорятъ ему калики перехожіе:—сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! — И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ пуще того и подносилъ каликамъ перехожимъ.—Выпей-ка самъ,— въ отвѣтъ молвятъ

калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спрошали его, Илью, калики перехожіе:—слышишь ли Илья свою силу?—И молвитъ Илья: «слышу!» И спрошали его, Илью, калики перехожіе:—какъ велика твоя сила?—И молвитъ Илья: «кабы былъ столбъ отъ земли до неба, и я перевернулъ бы всю землю.» Стали промежь себя калики говорить:—много дано силы Ильѣ: земля не снесетъ Поубавимъ силы.—И говорятъ ему калики перехожіе:—сходи ка за пивомъ, да пивой насъ!—И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ по подвалы глубокіе, опускался ниже того наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ пуще того, и подносилъ каликамъ перехожимъ.—Выпей-ка самъ,—въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спрошали его, Илью, калики перехожіе:—слышишь-ли Илья свою силу? — И молвитъ Илья: «поубавилось силы, кабы на семую часть.» Стали промежь себя калики говорить:—Будетъ съ него.—И прощались съ Ильею калики перехожіе.

Приходитъ отецъ съ матерью въ избу. А ни думано, ни гадано, стало ихъ дѣтище на ноги крѣпко, пробовалъ силу великую. Отецъ и мать съ дива дивовалися, что содѣялось съ ихъ дѣтищемъ, съ Ильею Муромцемъ.

И задумалъ Илья Муромецъ дѣло великое: дѣлаетъ сбрую ратную, куетъ копье булатное, сѣдлаетъ коня богатырскаго, входитъ къ отцу къ матери, проситъ благословеніе великое: «Осударь ты мой батюшка, осударыня ты моя матушка! соизволь выслушать слово великое: позадумалось мнѣ во стольный градъ Кіевъ Богу помолитися, князю Владиміру поклонитися.» И билъ челомъ Илья Муромецъ отцу съ матерью. И возговоритъ отецъ съ матерью:—любимое наше дѣтище! на кого ты насъ старыхъ покидаешь? — И билъ челомъ Илья Муромецъ отцу съ матерью пуще того. И даютъ ему отецъ съ матерью благословеніе великое, а благословя, кладутъ на него заповѣдь крѣпкую, и говорятъ таковы рѣчи:—поѣзжай, наше любимое дѣтище, прямо на Кіевъ градъ, прямо на Черниговъ градъ. . будешь въ пути-дороженьки, берегись обиды напрасныя, и проливай крови христіянскія.—И принималъ Илья Муромец благословеніе, а принявши, чинилъ отповѣдь соблюдать заповѣдь крѣпкую.

Какъ изъ славнаго города изъ Мурома, изъ того ли села Карачаева, была поѣздка богатырская, снаряжался большим

парядомъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропускаетъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго, а побиваетъ онъ, Соловей разбойникъ, и коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вынимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ налучна тугой лукъ.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается. А самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его первy скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣса Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ во темны лѣса, а во темныхъ лѣсахъ наѣхалъ онъ на бѣлы шатры, а во бѣлыхъ шатрахъ пиръ пировали станишники, по нашему воры-разбойники. И какъ взвидѣли воры-разбойники Илью Муромца, разгорѣлись ретивы сердца разбойничьи на коня богатырскаго, и стали промежь себя рѣчь держать:—кабы достать того коня богатырскаго? Экова коня слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а нонѣсь проявился во очью, да и ѣдетъ на томъ конѣ незнамой человѣкъ. — И стали воры-разбойники возмущать вольницу: кабы достать коня богатырскаго? И облавили кругомъ Илью станишники, ограбити его стараго хотятъ, съ душой съ животомъ разлучить хотятъ. Какъ завидѣлъ то Илья Муромецъ, какъ завидѣвши, коня своего богатырскаго останавливаетъ, а самъ говоритъ: «а и гой еси вы, братцы, станишники! Убить меня стараго не за что, а взяти у стараго нечего.» Съ Ильею, вѣдь, денегъ не годилося, только было съ нимъ золотыхъ семь тысячей, да дробныхъ денегъ сорокъ тысячей. Коню подъ Ильею цѣны не было: броду онъ не спрашивалъ, а котора рѣка съ цѣлу версту, и онъ скачетъ съ берегу на берегъ. И сталъ Илья охранять себя съ душой съ животомъ. Разрушаетъ онъ заповѣдь великую, вынимаетъ изъ налушна тугой лукъ, вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу: а стрѣлять хочетъ Илья не по станишникамъ, а по сыру дубу да по сырой землѣ. Спѣла была тетивка у его туга лука,

угодила стрѣла въ сыръ краковистой дубъ да въ сыру землю изломала въ черепья въ ножевые дубъ, учала рвать землю в косу сажень. Отъ того-ль грома богатырскаго станишники испугалися: а и пять они часовъ безъ ума лежать, а и будт отъ сна сами пробуждаются. Замѣшалися воры-разбойники собиралися во единъ кругъ и падали на колѣна до единa: — Осударь ты нашъ батюшка, удалъ, добрый молодецъ! Не со имай наши буйныя головы: прогрѣшилися мы предъ тобою Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное, дадимъ рукописань служить до вѣку. Бери изъ нашей казны злата и серебра, платья разноцвѣтнаго.—«Глупые вы, воры-разбойники, возго ворилъ Илья Муромецъ, куда мнѣ дѣвать вашу казну? Награ жу васъ животомъ и жизнію, а вы содержите покорность д моего пріѣзда.»

И поѣхалъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла тридцать лѣтъ, заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропуститъ тотъ Со ловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго, и побиваетъ онъ, Со ловей разбойникъ, коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, свонмъ свистомъ. И клалетъ Илья заповѣдь великую: проѣхат ту дорогу прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ не вынимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ налучна тугой лукъ

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. I стегаетъ онъ. Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, а конь под нимъ осержается. А и самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ Конь его первy скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другоі ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ черны грязи Смоленскія, на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ ко Смородинѣ

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣса Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ, Илья, во темны лѣ са, а за темными лѣсами стоитъ чуденъ градъ Черниговъ. И поѣхалъ онъ, Илья, ко чудному граду Чернигову. Какъ учалъ онъ подъѣзжать ко граду Чернигову, а подъ градомъ Черни говымъ стоитъ сила басурманская, что и смѣты нѣтъ, а хо четъ та сила басурманская обложить Черниговъ градъ, и стѣ ны разломать, и извѣчные домы Божіи на дымъ пустить, самого князя Черниговскаго съ воеводою жива во полонъ взять. И жаль стало Ильѣ Муромцу города Чернигова, и учалъ онъ, Илья, бить силу басурманскую. Копьемъ булатнымъ ко

летъ онъ тыи темъ, мечемъ кладенцемъ сѣчетъ онъ, что и смѣты нѣтъ. И до заката вечерняго побилъ онъ, Илья, силу басурманскую, полонилъ царя басурманскаго, и повелъ его во чуденъ градъ Черниговъ. На встрѣчу ему идутъ изъ града Чернигова князь съ воеводою, и всѣ посадскіе люди, старъ и малъ, съ хлѣбомъ съ солью. И пріимаютъ его добраго молодца подъ бѣлы руки и чествуютъ честью великою.

Не Днѣпръ рѣка выходила изъ своихъ береговъ: выходилъ, выступалъ Илья Муромецъ во чуденъ градъ Черниговъ; не буйны вѣтры во широкомъ полѣ подымалися: выходили, выступали добры молодцы, Черниговцы. Приходитъ Илья на княжой дворъ, а на княжемъ дворѣ на особицу стоятъ стары старики, а по другой конецъ стоятъ добры молодцы. И сталъ онъ Илья посередъ двора, а ставши, шапочку съ головы сонмывалъ, на всѣ ли четыре сторонушки кланялся, а кланявшись, молвилъ рѣчь великую: « А гой еси вы, люди добрые, православные! Кланяюсь вамъ и вашему городу Чернигову. Не посѣтуйте, православные, что зашелъ я во вашъ чуденъ градъ Черниговъ. Идучи на дѣло великое, во стольный градъ Кіевъ, изъ за лѣсу темнаго завидѣлъ я силу басурманскую, силу несмѣтную; а и жаль-то стало мнѣ васъ, люди добрые, что сила басурманская хочетъ васъ полономъ полонить. Отъ жалости силы прибавилось, отъ надсады сила басурманская удрогнула. Божіимъ велѣніемъ и молитвами угодниковъ вашъ чуденъ градъ Черниговъ отъ силы вражей сталъ ослобоженъ.» На томъ онъ, Илья, и рѣчь свою ставилъ. И кланялись они стары старики Ильѣ Муромцу до пояса, а молодые молодцы, Черниговцы, ниже того, а кланявшись, повели его, Илью, во терема княженецкія, ко тому ли князю Черниговскому. И входитъ онъ, Илья, во теремъ княженецкой, а теремъ изукрашенъ богачествомъ, а богачество полономъ полонено съ орды немирныя; а въ томъ теремѣ стоятъ столы бѣлодубовы со камеечками брусчатыми, а на столахъ лежатъ скатерти браныя, а на скамьяхъ ковры самотканые; а на столахъ стоятъ ѣства сахарныя да питья медвяныя; а на скамьяхъ сидятъ князья, и бояре, и весь людъ почестной. Какъ вошелъ Илья во высокъ теремъ, онъ билъ челомъ князю Черниговскому до полу, кланялся по трирядъ, а кланявшись, молвилъ: « Осударь ты нашъ батюшко, стольный князь Черниговскій! Пріими со святой Руси Русскаго; пріими и пожалуй словомъ ласковымъ калику перехожаго; пріими немалы подарочки со родной земли.» И кланявшись

онъ, Илья, подавалъ стольному князю Черниговскому сорокъ соболей Заканскихъ. А и возговоритъ тутъ стольный князь Черниговскій: — а и кланяйтесь вы, князья и бояре, и весь людъ почестной каликѣ перехожему.—Вставали князья и бояре, и весь людъ почестной со скамеечки брусчатой, и кланялись на перво стольному князю Черниговскому, а за тѣмъ Ильѣ Муромцу. А и возговоритъ тутъ стольный князь Черниговскій: — Жалую тебя, Илья, съ Руси Русскаго, золотымъ перстнемъ; а и чествую тебя честью великою на весь Черниговъ градъ, на все великое княжество Черниговское. А и будетъ, ты, Илья, пойдешь по городу по Чернигову, выбирай себѣ съ любка любое; а и будетъ, ты, Илья, поѣдешь по княжеству Черниговскому, выбирай себѣ, что придетъ по твоему сердцу ретивому. Пріймаю, Илья, твои дороги подарочки со родной земли, а и жалую тебѣ становой кафтанъ съ опушечкой соболиною. А и останься ты, Илья, въ Черниговѣ, и за то пожалую тебѣ боярство со всѣмъ твоимъ родомъ-племенемъ.—Какъ возговоритъ тутъ Илья Муромецъ: «Гой еси ты, нашъ батюшко, стольный князь Черниговскій! Велика милость Божья до вѣку, великъ твой подарочекъ княженецкой. Ѣду я по Кіевъ градъ князю Владиміру поклонитися. А на то на все я далъ великъ обѣтъ. Соизволь отпустить меня, осударь батюшка, свѣтлое солнышко Черниговское.»—Быть дѣлу такъ, какъ придумалъ ты, Илья Муромецъ,—молвилъ стольный князь Черниговскій. И пріймали его, Илью, князья и бояре подъ бѣлы руки и сажали его, Илью, за столы бѣлодубовы, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пошелъ пиръ и радость великая на весь Черниговъ градъ.

И послѣй пиру долгаго, послѣй радости великія, собирался Илья во путь во дороженьку. И провожали его, Илью, стары старики, и добры молодцы Черниговцы съ дороги подарочки, да съ хлѣбомъ съ солью.

И поѣхалъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропускаетъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго, а побиваетъ онъ, Соловей разбойникъ, и коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вынимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ палучка тугой лукъ.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ поприщи богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, ковя по тучнымъ бедрамъ, и конь подъ нимъ осержается. А и самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ черны грязи Смоленскія, на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ ко Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣса Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ, Илья, во темны лѣса. И какъ будетъ Илья во темныихъ лѣсахъ, во темныихъ лѣсахъ во Брынскіихъ, наѣзжалъ Илья на девять дубовъ, а на тѣихъ дубахъ свилъ гнѣздо Соловей разбойникъ. Наѣзжаетъ онъ на Соловья разбойника. И какъ заслышалъ Соловей разбойникъ того ли тону конинаго, и того ли онъ поѣздки богатырскія, и засвисталъ Соловей по соловьиному, а во другой запищѣлъ разбойникъ по змѣиному, а въ третьи зрявкаетъ по туриному.

Со того ли свисту соловьинаго, со того ли шипу змѣинаго, со того ли зрявка турinаго, конь подъ Ильею спотыкается, поодаль со пути сбивается, ко гнѣзду ли соловьиному наѣзжается, а подъѣхавши, падалъ на кукорачь. Говоритъ тутъ Илья Муромецъ: «Ай ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ! Аль ты не бывалъ во пещерахъ бѣлокаменныихъ? Аль ты не ѣзжалъ во темныихъ лѣсахъ? Аль ты не слыхалъ свисту соловьинаго, шипу змѣинаго, зрявку турinаго?» А Соловей-то разбойникъ пустилъ свистъ во весь крикъ турiной, а и хочетъ онъ, Соловей, его, Илью Муромца, свистомъ до смерти убить.

Разрушаетъ Илья Муромецъ заповѣдь великую: вынимаетъ изъ налушна тугой лукъ, вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу. Кладетъ Илья калену стрѣлу на тугой лукъ, и пускаетъ стрѣлу во того ли Соловья разбойника. Спѣла была тетивка у его туга лука, звыла да пошла колѣна *) стрѣла. И угодила та стрѣла Соловью да во правой глазъ. Со того ли уразу молодецкаго повалился Соловей комомъ на сыру землю. Хватаетъ Илья Соловья на бѣлы руки, а сохвативши, привязываетъ его, Соловья, ко той лукѣ ко сѣдельныя. И проѣхалъ Илья сквозь воровску заставу крѣпкую, по той ли дорогѣ прямоѣзжей, котора залегла тридцать лѣтъ. Какъ и ѣдетъ-то онъ тѣмъ лѣсомъ

*) Калена.—*О.*

темнымъ, и завидѣлъ палаты бѣлокаменныя, того ли Соловья подворье великое. Какъ учалъ Илья подъѣзжать ко палатамъ бѣлокаменнымъ, вострепеталъ Соловей и забился, а забившись, учалъ молить его, Илью Муромца:—А и бери ты себѣ палаты бѣлокаменныя со великимъ подворьицемъ; а бери ты во тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ злата и серебра и каменья самоцвѣтнаго сколько хошь. А и пусти живота на вспокаянье.—А Илья-то, братцы, удалъ молодецъ, онъ ѣдетъ ко подворьицу великому не спрошаючи, Соловьиной рѣчи не внимаючи.

И подъѣзжалъ Илья ко подворьицу великому. А и дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ, около двора желѣзной тынъ, а на всякой тынинкѣ по маковкѣ, а на всякой маковкѣ по головѣ богатырской. И завидѣла его поѣздъ Соловьева молода жена; а Соловьева-то молода жена была баба хитрая и умная, она взбѣгала на свои терема высокіе, и будила она девять сыновъ:—а и встаньте, обудитесь добры молодцы, а и девять сыновъ, мои ясны соколы! Не чуете вы бѣды надъ собой: вашего батюшку везетъ въ торокахъ незнамой человѣкъ. Вы берите скорѣй мои золоты ключи, отмыкайте вы мои окованы ларцы, вынимайте мою золоту казну, выносите золоту казну на широкъ дворъ, вы встрѣчайте удала добра молодца.—А и тутъ ей девять сыновъ просыпалися, просыпалися — закорачилися. Не берутъ у ней золоты ключи, не походятъ во подвалы глубокіе, не берутъ ея золотой казны, не встрѣчаютъ удала добра молодца, а худомъ свои думушки думаютъ: — А и намъ ли, братцы, возговорятъ Соловьевы дѣти, встрѣчать незнама мужика? А и намъ ли, братцы, дарить незнама мужика золотой казной? Оберемся, братцы, черными воронами со тѣми носы желѣзными; расклюемъ, братцы, незнама мужика, разбросаемъ его тѣло бѣлое по пустымъ полямъ. — Задумали худомъ Соловьевы дѣти, а дѣла не смогутъ сдѣлать: старшей хоронится за моложева. Подъѣзжаетъ Илья Муромецъ ко подворьицу великому. Вгаворы молода жена Соловьева бросилась ко воротичкамъ дубовымъ, сама молится, убивается:—гой еси ты, удалъ добрый молодецъ! Бери у насъ золотой казны сколько надобно; отпусти Соловья ко себѣ во дворъ; не вози Соловья во Кіевъ градъ.—А Илья-то, братцы, онъ удалъ молодецъ: онъ Соловьеву жену не слушаетъ, золотой казны не пріймаетъ; онъ Соловья ко себѣ во дворъ не пускаетъ. А его-то дѣти Соловьевы въ окошечки косящаты поглядываютъ, Илью Муромца на за-

доръ подзадориваютъ. Не долго думалъ онъ, Илья: оборотилъ коня, да и поѣхалъ прочь.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ *), а конь подъ нимъ осержается. А самъ Илья на конѣ, какъ лсенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ ко дубровамъ дремучимъ, ко лѣсамъ заповѣданнымъ, ко тѣмъ лѣсамъ княженецкимъ. Проѣзжаетъ онъ лѣса заповѣданные, и скоро тутъ завидѣлъ Кіевъ градъ. Пріѣзжаетъ онъ во Кіевъ градъ.

Не вѣтры буйны во чистомъ полѣ подымалися: старъ и младъ во Кіевъ градъ сходилися ко тому двору, двору княженецкому, ко тѣмъ теремамъ златоверхимъ; не пески бѣлосыпучіе по широку полю пересыпалися: а удалы молодцы ко князю Владиміру собиралися на широкъ дворъ. Во тѣ-то поры веселья, во тѣ-то радости великія въѣзжаетъ онъ Илья на дворъ княженецкой, а средп двора княженецкаго сходитъ онъ съ добра коня, самъ привязываетъ добра коня ко дубову столбу. Втапоры выходилъ изъ терема воевода Кіевскій, тотъ ли Микула Микитичъ, а выходя со красна крылечка, говорилъ таковы рѣчи: — а и кто-ты таковъ, удалъ добрый молодецъ? Ты скажи, родимый: какъ зопутъ тебя по имени, какъ величаютъ по изотчеству? А и какъ ты пріѣхалъ сюда, во Кіевъ градъ? — Не долго думалъ онъ, Илья, да и молвилъ на крѣпко: «Калика перехожій, а пріѣхалъ поклонитися князю Владиміру.» И вводитъ его воевода Кіевскій во теремъ княженецкой. Входитъ онъ во гридню во свѣтлую, кланяется князю Владиміру со княгинею Апраксѣевною, на всѣ ли на четыре стороны. У него, осударя, у князя стольнаго Кіевскаго, былъ почестной пиръ, и на томъ пиру много было князей и бояръ, много сильныхъ могучихъ богатырей. Возговоритъ князь Владиміръ, стольный князь Кіевскій:—а и кто ты таковъ, удалъ добрый молодецъ? Ты скажи: какъ звать тебя по имени, какъ величать по изотчеству? — Кланявшись, молвилъ онъ, Илья: «изъ того ли города изъ Мурома, изъ того ли села Карачаева, калика перехожій, Илья Муромецъ.» И подносили ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра. Принимаетъ онъ единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Возговоритъ Владиміръ стольный князь Кіевскій: — ты

*) Бедрамъ.—*О.*

скажись, молодецъ, кто твой родъ-племенъ? По роду тебѣ можно мѣсто дать, по племени пожаловати.—Отвѣчаетъ Илья: «не великъ мой родъ-племенъ, а почестенъ во міру: единъ былъ сынъ у батюшки, единъ сынъ у матушки, да и оба живутъ во селѣ Карачаевѣ, а и оба правятъ міромъ.»—Ты скажи, молодецъ: какъ доѣхалъ до стольнаго до города до Кіева? — «Ѣхалъ я тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропускалъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго.»

Втапоры во теремѣ пошла молва неудалая: на него-то, Илью, косо посматриваютъ, про него-то, Илью, хуломъ поговариваютъ. Говорятъ тутъ могучіе богатыри:—а и гой еси ты, ласковый Владиміръ князь Кіевскій, красное солнышко наше! Въ очахъ дѣтина завирается. А и гдѣ ему проѣхать тою дорогою прямоѣзжею? Залегла ли та дорога тридцать лѣтъ отъ того ли Соловья разбойника.—Говорилъ тутъ Илья Муромецъ: «Гой еси ты, осударь, Владиміръ князь! Кладу голову во неправдѣ; дай судъ со расправой на твоемъ широкомъ дворѣ, при старыхъ старикахъ. На передъ того посмотри на удаль калики перехожаго: привезъ я къ тебѣ, стольному князю Владиміру, Соловья разбойника на дворъ.»

Втапоры пошелъ онъ, великій князь, съ Ильею на широкъ дворъ смотрѣть на удаль калики перехожаго. Выходили тутъ князья и бояре, и всѣ сильны могучіи богатыри: Самсонъ богатырь Колывановичъ, Сухань богатырь Домантьевичъ, Святогоръ богатырь и Полканъ другой, и семь братовъ Збродовичи, еще мужики Залѣшане, еще два брата Хапиловы; а всѣхъ было тридцать молодцовъ безъ единаго. Идетъ Илья ко тому Соловью разбойнику, и уговариваетъ его, Соловья: «ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ! посвисти, Соловей, по соловьиному, пошипи, змѣй, по змѣиному, зрявкай, звѣрь, по турпиному, и потѣшь князя Владиміра съ княгинею Апраксѣевною.» Засвисталъ Соловей по соловьиному, оглушилъ онъ по Кіевѣ князей и боляръ; зашипѣлъ злодѣй *) по змѣиному, поморилъ онъ старыхъ старпковъ; зрявкалъ звѣрь по турпиному, побилъ онъ молодыихъ молодцовъ. Со того-ли свиста соловьинаго князья и бояре испугалися, на корачкахъ по двору наползалися; а сильны-то могучіе богатыри на земь приседали, да и круто ходомъ побранивали. И накурилъ Соловей бѣды

*) Змѣй?—*O.*

несносимыи: добры кони со двора разбѣжалися, добры молодцы по улицамъ разходилися, молодыя молодушки и всѣ дочери отецкія по теремамъ прятался; а и самъ Владиміръ князь едва живъ стоитъ, со душой княгинней Апраксѣевною. Говоритъ тутъ ласковый Владиміръ князь:—а и гой ты еси Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья разбойника: а и эта-та шутка намъ не надобна. — И за то онъ, Илья, убилъ его, Соловья.

Высоко солнце восходило, выше лѣсу стоячева; широко вода въ Днѣпрѣ разливалася, по всѣмъ полямъ заповѣданнымъ: выходили изъ Кіева старъ и младъ посмотрѣть на поѣздку богатырскую. Снаряжалися, собиралися сильные могучіе богатыри—молодой Добрыня Никитичъ младъ да матеръ человѣкъ Илья Муромецъ. Добрыня-то, братцы, удалъ, ясенъ соколъ: онъ побилъ-погубилъ, побилъ-погубилъ Змѣя Горынчища, ослободилъ Кіевъ градъ отъ полону басурманскаго; а и не было ему, Добрынѣ, равнаго на сушѣ, а и не было сопротивника на морѣ. Илья-то, братцы, матеръ человѣкъ: онъ побилъ-погубилъ, побилъ-погубилъ Соловья разбойника, ослободилъ стольный градъ Черниговъ отъ полону басурманскаго; а и не было ему, Ильѣ, равнаго на сушѣ, а и не было ему противника на морѣ.

И поѣхали они могучіе сильны богатыри по дорожкѣ по пробойныя, ко тѣмъ ли горамъ желѣзнымъ, ко тому ли Окіану глубокому, ко тѣмъ ли лѣсамъ непроходимымъ. Ѣдутъ они день, ѣдутъ и другой, ѣдутъ и третій, а и нѣтъ имъ сопротивника во чистомъ полѣ, нѣтъ поборника по крутымъ берегамъ, нѣтъ повольника во темныихъ лѣсахъ. Прошло много дней, и много ночей; и идетъ имъ на встрѣчу Калѣчище перехожій. Гуня-то *) на Калѣчищу была во пятдесятъ пудъ, шляпа-то во девять пудъ, а костыль у Калѣчища въ косу саженъ. Какъ завидѣлъ его Илья Муромецъ, а завидѣвши сталъ напущатися, а и хочетъ опробовать свою силу богатырскую. Возговоритъ тутъ Калѣчище перехожій:—не честь богатырская напущатися на Калѣчищу перехожаго; не хвала доброму молодцу побивать стара старика. Не чуешь и не вѣдаешь ты, Илья Муромецъ, что во стольномъ городѣ во Кіевѣ невзголушка учинилася: появился самъ о себѣ силенъ богатырь,

*) *Гуня, гупя*, по разнымъ краямъ Руси: ветхая одежонка, рубище, заплатникъ; ветошь, отрепье; подлѣвка, парусинникъ, ветхій полушубокъ; рубаха, и т. д.—*О.*

Идолища нечестивой; голова-то у него со пивной котелъ, во плечахъ-то коса сажень, промежъ бровей-то борозда со три пяди, промежъ ушей-то пройдетъ калена стрѣла; а ѣстъ-то онъ Идолища по цѣлу быку, а пьетъ-то онъ по пивному котлу. Скорбитъ тугою весь Кіевъ градъ; скорбятъ тугою добры люди, православные; скорбитъ тугою со тоскою стольный князь Кіевскій Владиміръ. Нѣтъ во Кіевѣ противника Идолищу поганому.—Возговоритъ тутъ Илья Муромецъ: «не скорбѣть бы тугою стольному городу Кіеву; не скорбѣть бы тугою православнымъ людямъ; не скорбѣть бы тугою со тоскою стольному князю Кіевскому Владиміру, кабы былъ во Кіевѣ Добрыня Никитичъ младъ. А и давай ты, Калѣчища, мнѣ свое платье.» И наряжался онъ Илья во калѣчищино платье.

Приходитъ онъ, Илья, во Кіевъ, приходитъ онъ, Илья, на широкой дворъ къ стольному князю Владиміру. Никто-то во Кіевѣ не вѣдаетъ, никто-то во Кіевѣ не знаетъ его, калѣчищу. Входитъ онъ, Илья, на княженецкой дворъ, а самъ кричитъ: «а и гой еси ты, стольный князь Кіевскій, ласковый осударь Владиміръ! Сошли мнѣ, калѣчищу перехожему, малу милостыню!» Втапоры увидалъ его, Илью, Владиміръ князь, а увидѣвши, таковы рѣчи говорилъ:—поди-ка во палаты теремныя: накормлю тебя яствой всякою, напою тебя сытой медовой, надѣлю золотой казной. — Идетъ онъ въ палаты теремныя, а во палатахъ теремныихъ сидитъ Идолище посередъ пола, а самъ проситъ пить-ѣсть:—А и кабы скорѣй быка жаренова?— Скоро кричалъ Идолище, скорѣй того несли во палаты теремныя быка жаренова. Не долго думалъ Идолище: съѣлъ того быка жаренова со всѣми костьми. Только и видѣли быка. Кричитъ Идолище:—А кабы скорѣй меду сыченова?— Скоро кричалъ Идолище, скорѣй того несли во палаты теремныя съ краями полны дубовы чаны меду сыченова. Не долго думалъ Идолище: схватилъ чанъ, да и выпилъ весь медъ за разомъ.

Во тѣ-то поры Илья Муромецъ стоялъ поодаль, а самъ на Идолище посматривалъ, посматривалъ да въ слухъ поговаривалъ: «экона Идолища до сыта не накормишь, до пьяна не напоишь; а кабы жить ему съ звѣрьми, а кабы быть ему со собаки!» На тѣ-то слова извѣстныя калѣчище *) осержается, самъ на Илью воздымается:—гой еси ты, калѣчище перехожій! ты что

*) Идолище.—*О.*

по что̀ меня замаешь? Ужь и мнѣ ли, молодцу молодому, нечего и въ руки взять. Посвернулъ бы я голову и Ильѣ Муромцу, кабы онъ тутъ былъ. Не было на роду мнѣ супротивника, не было на роду мнѣ окрутника; да и тебѣ ли, колѣчищу перехожему, призадумалося стать супротивъ меня? Ино добръ человѣкъ ты, ударь челомъ мнѣ, да и величай по имени и по прозванью.—Не успѣлъ Идолища ломолвить словечушка, какъ Илья-то Муромецъ скидывалъ свою шапочку девяти-пудовую, а скидавши свою шапочку девяти-пудовую, окликалъ себя Ильею Муромцемъ, да и покрылъ Идолище своею шапочкою девяти-пудовою, а самъ приговаривалъ: «вотъ тебѣ, Идолище, челобитьице!» Подъ тою ли шапочкою девяти-пудовою Идолище и духъ испустилъ.

Втапоры стольный князь Кіевскій, Владиміръ осударь ласковый, вставалъ изъ-за дубоваго стола, а и сажалъ за столъ Илью Муромца. На его-то князя Владиміра ласки привѣтливыя, на его-то, осударя, слова вѣжливыя Илья билъ челомъ, а бивши челомъ, вымолвлялъ челобитьице немалое: «Гой еси, стольный князь Кіевскій, Владиміръ осударь ласковый! Спасибо на ласкахъ привѣтливыихъ, спасибо на словахъ вѣжливыихъ! Есть у тебя князья и бояре и сильны могучіи богатыри, а то-то мѣсто припасено для нихъ; а мнѣ ли, стару старику, пригоже и пригодаль быть.» Какъ тутo возговоритъ Владиміръ князь:—Во моемъ ли теремѣ есть почетъ про князей и бояръ, во моемъ ли изукрашеномъ есть почетъ про сильныихъ могучіихъ богатырей; а и выше столъ меня *) про молодца Илью Муромца; ему-то у меня почесть и почетъ.—На тѣ-то слова вѣжливыя, билъ Илья князю Владиміру большимъ челобитьицемъ. Пошелъ столъ, пирушка великая про Илью Муромца.

Со той поры жилъ онъ Илья во Кіевѣ. Стары старики чтили его Илью большимъ почетомъ; молодые молодцы уражали ему, Ильѣ, челобитьица. А живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился.

А то старина, а то и дѣянье.

(Русскія Народн. сказки, г. Сахарова; С. П. Б. 1841 г.).

*

*) У меня.— *О.*

3 *).

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаров жилъ въ немъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичь. У него бы любимое дѣтище Илья Муромецъ. Сидѣлъ онъ сиднемъ три цать лѣтъ (а): то сталъ (б) онъ ходить на ногахъ крѣпко, ощутилъ (в) въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ збру ратную и копье булатное, и осѣдлалъ коня своего богаты скаго (г). Приходитъ къ отцу своему и матере, и стал ихъ просить благословеніе: «государь мой (д) батюшка матушка! отпустите меня въ славной градъ Кіевъ, Богу п молиться (е) и (ж) князю Кіевскому поклониться!» Отецъ мать его даютъ ему благословеніе, и кладутъ на него заклят великое, и говорятъ такія рѣчи:—поѣзжай ты прямо на Кіе градъ, прямо на Черниговъ градъ, и на пути своемъ не дѣл обиды (з), не проливай крови христіянской напрасно.—Ил Муромецъ принялъ у отца и матери благословеніе, со отцем и съ матерію прощается (и), и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ въ темныя лѣса (і), что наѣха на таборы разбойничи. И тѣ разбойники увидѣли Илью М ромца, и разгорѣлись у нихъ сердца разбойнически (к) коня богатырскаго, и стали между себя (л) разговаривать чтобы лошадь отнять, что «мы таковой (м) ни въ которы мѣстахъ не видали (н), а нынѣ ѣдетъ на такомъ добро конѣ незнамой какой (о) человѣкъ.» И стали на Илью М ромца напущать человѣкъ по пяти (п) и по двадцати. И ста Илья Муромецъ останавливать (р) коня своего богатырскаг и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу, накладываетъ на т

---

*) Печатана съ лубочныхъ изданій, съ важнѣйшими разночтеніями; язы удержанъ, но измѣнено правописаніе. Принятая за текстъ, изъ сборника П. Безсонова, безъ году, самая старая; А.) оттуда же, безъ году, другаго и данія; Б.) оттуда же, печатанная въ 1852 году; В.) приведенная, до половин г. Сахаровымъ въ изданіи «Русскихъ нар. сказокъ», 1841 г.; Г.) изъ сборн г. Аѳанасьева, изд. 2, 1858 г., полъ буквой а.—*О.*

(а) Г., и какъ минуло тридцать лѣтъ.—(б) Б., и сталъ.—(в) Б., и очулъ (г) Г., коня добраго, богатырскаго.—(д) Г., государи мои.—(е) В., помо тися.—(ж) Г., а.—(з) Б., ты никакой не дѣлай обиды; Г., не дѣлай никак обиды. — (и) Б., прощается; Г., прощается. — (і) Б., въ темны лѣса; Г., темны лѣса.— (к) Г., разбойническія.— (л) Б., между собою. — (м) Г., такой лошади.—(н) Г., не видывали.—(о) Г., незнамо-какой.—(п) Г., по сяти.—(р) Б., и Г., остановлять.—

гой лукъ, и пустилъ (а) калену стрѣлу подъ землею (б), стала рвать въ косую сажень (в). И видя то, разбойники испугались (г), и собрались во единъ кругъ, и пали на колѣни, и стали говорить: — государь (д) нашъ батюшка, удалъ доброй молодецъ! виноваты (е) мы предъ тобою; за нашу вину такую (ж) бери казны сколько угодно (з), и платіе (и) цвѣтнаго, и табуны лошадей сколько угодно. — Илья усмѣхнулся (і), сказалъ: «Некуды дѣвать. Но если хотите (к) живы быть, такъ впредь (л) не отважтесь!» И поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

Подъѣзжаетъ (м) ко граду Чернигову, и подъ тѣмъ градомъ (н) стоитъ войско босурманское (о), что ему и смѣты нѣтъ (п), и Черниговъ градъ осадать хотятъ, его вырубить (р), и Божіи церквы на дымъ пустить, а самого князя и воеводу Черниговскаго живыхъ въ полонъ взять. И той великой силѣ Илья Муромецъ ужаснулся (с); однако положился на создателя (т) своего Господа Бога, и вздумалъ положить главу свою за вѣру Христіянскую. И сталъ (у) побивать силу босурманскую копіемъ булатнымъ, и всю силу побилъ погапую, и царевича босурманскаго въ полонъ взялъ, и ведетъ во градъ Черниговъ. И встрѣчаютъ (ф) изъ града Чернигова граждане съ честію, идетъ самъ князь Виберскій (х) и посвода Черниговскій, принимаютъ добраго молодца съ честію, благодареніе Господу Богу возсылаютъ, что Господь прислa (ц) нечаянно граду очищеніе и не далъ всѣмъ напрасно погибнуть (ч) отъ таковой (ш) силы босурманскія. И взяли его въ палаты свои, и сотвориша веліи пиръ, и отпустиша его въ путь свой (щ).

Илья Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорогою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей разбойникъ ровно

(а) Г., и накладываетъ на тугой лукъ. Пустилъ онъ.—(б) Б., подъ землю; Г., по надъ землею.—(в) Б., и стала рвать на косую сажень; Г., калена стрѣла стала рвать на косую сажень.— (г) Г., испужались.— (д) Г., государь ты.— (е) Г., виноваты.—(ж) Г., и за такую вину нашу.—(з) Г., сколько надобно.— (и) Б., и Г., платья.— (і) Г., усмѣхнувшись.—(к) Б., Куды дѣвать? но если хотите; Г., Некуды мнѣ дѣвать! а если хотите. — (л) Г., впередъ. — (м) Б., ѣдетъ; Г., подъѣзжаетъ онъ. — (н) Г., Черниговомъ. — (о) Г., стоитъ войска басурманскія.—(п) Б., и Г., что и смѣты нѣтъ.—(р) Г., осадили и хотятъ его вырубить.—(с) Б., ужахнулся.—(т) Г., на волю Создателя.—(у) Г., и сталъ Илья Муромецъ.—(ф) Г., Встрѣчаютъ его.—(х) Б., Кіевскій; Г., самъ князь.— Конечно это ошибка вмѣсто Сиверскій, Сѣверскій. — (ц) Г., прислалъ. — (ч) Б., и Г., погибнути.—(ш) Г., отъ такой.—(щ) Г., въ путь.—

тридцать лѣтъ, не пропущалъ ни коннаго, ни пѣшаго, а уби
валъ не оружіемъ, но своимъ разбойничимъ свистомъ. И вы
ѣхалъ въ чистое поле (а), и увидѣлъ попрыски богатырскіе
и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брянскіе, на тѣ
грязи топучія, на мосты (б) калиновы, и къ той рѣкѣ Смо
родинкѣ. И Соловей разбойникъ послышалъ себѣ кончину и
безчастіе великое, и, не допуская Илью Муромца за двадцати
верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойничимъ (в) крѣпко
Но богатырское сердце не устрашилось. И, не допуская еще за
десять верстъ, засвисталъ громче того: и съ того свисту подъ
Ильею Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ (г) подъ са
мое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ: и Соловей
разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ святорускаго (д) бога
тыря, и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ (е) убить до смерти
Илья Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, и накладываетъ
калену стрѣлу, и пускаетъ на то гнѣздо (ж) соловьиное, и
попалъ въ правой глазъ, и вышибъ вонъ, и Соловей разбой
никъ свалился съ гнѣзда (з), что (и) овсяной снопъ. Илья
Муромецъ беретъ Соловья разбойника, привязалъ его крѣпко
къ стременамъ булатнымъ (і), и поѣхалъ къ славному граду
Кіеву. И на пути стоятъ палаты Соловья разбойника; и какъ
поровнялся Илья Муромецъ противъ палатъ разбойничихъ (к)
у которыхъ окны растворены (л), и въ тѣ окны смотрѣли
разбойничи (м) дочери; увидѣла (н) меньшая дочь и закричала
сестрамъ своимъ: «вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и
везетъ (о) къ намъ мужика, привязаннаго къ стременамъ бу
латнымъ (п)!» А большая (р) посмотрѣла, и заплакала
горько:—это не батюшка нашъ ѣдетъ, а ѣдетъ незнамой какой
то (с) человѣкъ и ведетъ (т) нашего батюшку!—И закричала
мужьямъ своимъ (у):—мужья наши милые! поѣзжайте къ му
жику на встрѣчу и отбейте у него нашего батюшку! не кла
лите нашъ родъ въ такомъ позорѣ! — Мужья ихъ сильные
богатыри, и поѣхали противъ святорускаго богатыря (ф)

(а) Г., Выѣхалъ Илья М. въ чисто поле; Б., въ чисто поле.—(б) Г., на т
мосты.—(в) Г., разбойническимъ.—(г) Г., Илья М.—(д) Г., святорусскаго.—
(е) Г., Илью Муромца.—(ж) А., въ гнѣздо.—(з) А., изъ гнѣзда.—(и) А.
какъ.—(і) Г., къ стремени булатному.—к) Б., и Г., разбойническихъ.—
(л) Г., были растворены.—(м) Г., три.—(н) А., увидала; Г., увидѣла его.—
(о) А., ведетъ.—(п) Г., у стремени булатнаго.—(р) Б., и Г., дочь.—(с) А.
незнакомой какой-то; Г., незнамо-какой.—(т) Г., везетъ.—(у) Г., И закричала
онѣ мужьямъ своимъ.—(ф) Г., Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали... свѣте
русскаго.—

кони добрые и копія острыя (а), и хотятъ Илью на копіяхъ поднять. И увидѣлъ (б) ихъ Соловей разбойникъ, и сталъ говорить: «Зятья мои! не позорьте (в) и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобъ и вамъ (г) не принять отъ него смерти; лутче съ покорностію (д) просите въ домъ мой его (е), выпить по чарѣ (ж) зелена вина.» По просьбѣ зятей поворотилъ (з) въ домъ, не вѣдая ихъ злобы, что большая дочь (и) подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, его (і) пришибить. Илья (к) усмотрѣлъ се на воротахъ, ударилъ копіемъ, ушибъ до смерти (л).

И какъ пріѣхалъ (м) въ Кіевъ градъ, въѣзжаетъ прямо на княжескій (н) дворъ, входитъ въ палаты бѣлокаменны (о), Богу молится и князю кланяется. Князь Кіевскій спрашивалъ (п): — Скажи, добрый молодецъ, какъ тебя зовутъ, изъ котораго города урожденецъ (р)? — «Меня, государь, зовутъ Илюшкою (с), а по отечеству Ивановъ, урожденецъ (с) города Мурома, села Карачарова.» Князь спрашивалъ (т):—Которою дорогою ѣхалъ (у) изъ Мурома? — «На Черниговъ градъ, и подъ Черниговымъ побилъ войско босурманское (ф),— смѣты нѣтъ (х), и очистилъ Черниговъ градъ, и оттуда поѣхалъ прямою дорогою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья разбойника, котораго привелъ съ собою (ц) у стремени булатнаго.» Но князь, осердясь, сказалъ (ч): —Что ты обманываешь!—И какъ это услышавъ (ш) богатыри, Алеша Поповичъ да (щ) Добрыня Никитичъ, бросились (ъ) смотрѣть, и увѣрили князя (ы), что справедливо: такъ и приказалъ князь (ь) полнести чару (э) зелена вина доброму молодцу. Князю захотѣлось разбойническаго свисту послушать. Илья князя съ кня-

---

(а) Г., кони у нихъ добрые, копья острыя.— (б) А., и увидѣвъ.— (в) Г., Зятья мои милые, не позорьтесь вы.—(г) Г., чтобъ всѣмъ вамъ.—(д) Б., покорно.—(е) А., въ домъ мой; Г., попросите его въ домъ мой.—(ж) Б., и Г., чару.—(з) Б., и оборотилъ; Г., поворотилъ Илья.— (и) Г., не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь —(і) Г., чтобъ его.—(к) Г., Но Илья.— (л) Б., и ушибъ ее до смерти; Г., и ушибъ до смерти.—(м) Г., Илья Муромецъ.—(н) Г., княжецкій.—(о) Г., бѣлокаменныя.— (п) Г., спрашиваетъ.— (р) Г., и изъ котораго города ты уроженецъ? Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ.—(с) Г., Ильюшкою; уроженецъ. — (т) А., спрашалъ; Б., спрашиватъ; Г., спрашиваетъ. — (у) Г., ты. — (ф) Г., войска басурманскія. — (х) Г., что и смѣты нѣтъ. — (ц) [illegible] привелъ его съ собою. — (ч) Б., осердился, сказалъ; Г., князь, осер[illegible], сказалъ. — (ш) Г., какъ услышали это. — (щ) Г., и.— (ъ) Г., они бр[illegible]ъ.— (ы) Б., и княгиню; Г., и, увидѣвъ, князя увѣрили, что справед[illegible]ъ. И приказалъ князь.—(ь) Г., кубокъ.—

гинею обернулъ въ шубу соболью, и поставя (а) подъ мышки, и призвалъ Соловья, приказалъ въ полсвиста засвистѣть (б). А Соловей разбойникъ засвисталъ во весь разбойничій (в) свистъ, и поглушилъ (г) богатырей такъ, что упали (д) на полъ. И за то его убилъ (е).

Илья Муромецъ назвался съ Добрынею Никитичемъ братьями, и осѣдлали (ж) своихъ добрыхъ коней, и поѣхали въ чисто поле (з) гулять, и ѣздили ровно три мѣсяца, не нашли себѣ соперника. Только наѣхали въ чистомъ полѣ, идетъ Колѣчища прохожій; гуня на немъ въ пятьдесятъ пудъ, шляна въ девять пудъ, костыль въ сажень (и). Илья Муромецъ сталъ на него напущать (і) и хочетъ отвѣдать (к) своей силы богатырскія. И увидалъ (л) Колѣчища прохожій Илью Муромца, и говоритъ: «Ой еси ты (м) Илья Муромецъ! Помнишь ли, мы съ тобой въ одной школѣ грамотѣ учились? А нынѣ ты на меня, такова калѣку, напускаешь (н), какъ на нѣкого (о) непріятеля! А того ты не вѣдаешь, что въ славномъ городѣ Кіевѣ великая невзгодушка учинилась: пріѣхалъ некѣрной сильной богатырь Идолища нечестивой; голова у него съ пивной котелъ, въ плечахъ сажень, промежъ бровми пядь, промежъ ушей калена стрѣла; а ѣстъ онъ по быку, а пьетъ (п) по котлу; и князь Кіевскій нельми соболѣзуетъ о тебѣ, что ты его въ эдакой печали оставилъ.»

И нарядись Илья Муромецъ въ колѣчищино платье, идетъ прямо на княжеской дворъ (р), и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «Ой еси ты, Кіевскій князь! Сошли мнѣ колѣчищу прохожему милостину (с)!» И увидѣлъ его князь, и говоритъ таковыя рѣчи (т):—Поди ко мнѣ въ палаты (у), я тебя накормлю, и напою (ф), и золотой казны на дорогу дамъ. — И пошелъ (х) колѣчища въ полаты, и сталъ у печки (ц), поглядываетъ: Идолища проситъ ѣсть, и принесли ему быка

(а) Г., поставя ихъ; подхватя.—(б) А., засвистать; Б., и Г., засвистать соловьемъ.—(в) Г., разбойнической.—(г) Г., оглушилъ.—(д) Г., что они упали.—(е) Г., Илья М.—(ж) Г., они.—(з) Г., въ чистыя поля.—(и) Г., въ десять саженъ (!).—(і) Г., коня напущать.—(к) Г., съ нимъ.—(л) А., и Б. увидѣлъ; Г., увѣдалъ.—(м) Г., ой ты еси.—(н) Г., коня.—(о) А., Б., и Г. нѣкоего.—(п) Г., пьетъ онъ.—(р) А., и нарядясь; Б., и нарялся; Г., нарялась въ калечищино платье, ѣдетъ (!) Илья Муромецъ прямо на княженецкой дворъ.—(с) Б., и Г., милостыню.—(т) Б., и Г., такову рѣчь.—(у) Г., калечища!—(ф) Г., напою.—(х) Б., и Г., вошелъ.—(ц) Г., у печи.—

цѣлаго жареного (а), и онъ его съ костми съѣлъ (б); и Идолища попросилъ пить (в), и принесли котелъ пива, а несли двадцать (г) человѣкъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ его весь. Илья Муромецъ говоритъ: «Была у моего батюшки кобыла обжорливая (д), обожралась и издохла!» И Идолища не утерпѣлъ, и говоритъ:—Ой еси ты, колѣчища прохожіе (е)! Что ты меня замаешь (ж)? Мнѣ нечего тебя и въ руки взять! Не то (з), что ты,—каковъ у насъ былъ Илья Муромецъ, я бы и съ тѣмъ стычку далъ! —«Да вотъ онъ каковъ (и)!», и схватилъ съ себя шляпу, и ударилъ его въ голову тихонько, только прошибъ стѣну полатъ; и взявши туловище, тудажъ выкинулъ (і). И за то князь Илью Муромца великами (к) похвалами произносилъ (л), и причелъ въ сильные могучіе богатыри.

(Ср. замѣчательную сказку, къ сожалѣнію въ отрывкахъ, изъ рукописи XVIII в., въ собраніи Нар. Р. сказокъ г. Аѳанасьева, вып. I, изд. 2, 1858 г., стр. 58—61).

—

Мощи Ильи Муромца почиваютъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ Преподобнаго Антонія, именуемой Ближнею; память совершается 19 Декабря; служба общая съ другими Печерскими угодниками *).

—

(а) Б., и Г., жирнаго. — (б) Б., и Г., а онъ его и съ костьми съѣлъ. — (в) Б., и Г., Идолища проситъ пить.—(г) Б., двадцать семь; Г., разнорѣчія: двадцать; двѣнадцать; двадцать семь. — (д) Б., обожлива; Г., обжорлива. — (е) А., и Б., прохожей; Г., прохожій.— (ж) А., задѣваешь.—(з) Г., ни то.— (и) Г., сказалъ Илья Муромецъ (!).— (і) А., и взялъ Идолище, тудажъ выкинулъ; Б., взялъ туловище, тудыжъ выкинулъ; Г., и взялъ туловище (Идолищино) — туда жъ выкинулъ.— (к) А., Б., и Г., великими. — (л) Б., и Г., почтилъ.

*) См. Описаніе Кіевопечерской Лавры, Краткое изъявленіе о двухъ пещерахъ, и друг.—*О.*

I.

ЗАМѢТКА.

Порядокъ, въ которомъ размѣщены пѣсни настоящаго выпуск и принято размѣщать ихъ во всемъ послѣдующемъ изданіи пѣсен Былевыхъ, установленъ по мысли П. А. Безсонова, который по шелъ необходимымъ примѣнить его еще въ то время, когда, при жизни П. В. Кирѣевскаго, и особенно послѣ смерти его, раз биралъ для изданія Былевыя пѣсни его Сборника.

Основанія этого порядка слѣдующія:

При изученіи Былевыхъ пѣсень русскихъ, славянскихъ, и какихъ бы то ни было, касающихся одного дѣйствующаго лица (героя) непремѣнно обозначается извѣстное количество его дѣяній или по двиговъ, обозначается въ области народнаго творчества, нисколько не зависимо отъ значенія историческаго. Такъ, относительно Ильи Муромца, опредѣляются по пѣснямъ слѣдующія *ступени* его жизни дѣятельности: воспитаніе силъ въ дому родительскомъ и первый выѣздъ изъ него; первая поѣздка и битва на Сафатъ-рѣкѣ; встрѣча на дорогѣ въ Кіевъ съ разбойниками и спасеніе Чернигова; борьба Ильи съ Соловьемъ и пріѣздъ ко Владиміру; подвиги на службѣ Владиміру, и т. п. — Сообразно этимъ ступенямъ, пѣсни дѣ лятся на *разряды*; каждый разрядъ однородныхъ пѣсень беретъ своимъ главнымъ содержаніемъ ту или другую минуту, тотъ или другой подвигъ, иногда и нѣсколько, но непремѣнно съ одним или двумя главными, наиболѣе развитыми. Это дѣленіе *первое*, въ немъ все количество пѣсень *распадается* по извѣстнымъ точкамъ дѣленія; но здѣсь нѣтъ еще порядка *послѣдовательнаго*.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи, можно подмѣтить, что ступени по двиговъ и явленій въ жизни лица дѣйствующаго слѣдуютъ *одна за*

другою; предъ взоромъ опредѣляется та, которая идетъ прежде и которая послѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣльные разряды пѣсень естественно становятся уже въ порядокъ *послѣдовательный*, размѣщаются одинъ за другимъ, — и вотъ дѣленіе *второе*, распредѣленіе самихъ уже разрядовъ. Такъ, на примѣръ, пѣсни о подвигахъ Ильи на службѣ князю странно уже было бы ставить прежде его борьбы съ Соловьемъ, совершившейся на дорогѣ ко Владиміру, и т. п.

Такимъ образомъ, послѣдовательное размѣщеніе отдѣльныхъ разрядовъ устанавливается на слѣдующихъ *общихъ основаніяхъ*:

а., Сначала тѣ пѣсни, которыя начинаютъ раньше, съ явленій или подвиговъ самыхъ раннихъ и первыхъ въ жизни лица дѣйствующаго, но за то и раньше кончаются.

б., Далѣе тѣ, которыя, воспѣвая или нѣтъ начало дѣятельности, — все равно, — останавливаются съ преимущественною полнотою на подвигахъ среднихъ, выставляя ихъ всего болѣе на видъ многочисленными подробностями.

в., Потомъ тѣ, которыя, обозрѣвая или нѣтъ всю жизнедѣятельность, хватаютъ въ ней всего далѣе, къ заключенію или концу подвиговъ.

г., Вообще, чѣмъ полнѣе пѣсня *извѣстнаго разряда*, тѣмъ ближе она *къ его концу*, какъ общій обзоръ разбитыхъ частностей; но, разумѣется, если найдется пѣсня самая полная, обнимающая *всю жизнь лица*, съ начала до конца, то ея мѣсто въ разрядѣ конечномъ, въ заключеніи, гдѣ собирала бы она въ одинъ строй всѣ предшествующіе отрывки.

д., Наконецъ, какъ прибавка, слѣдуютъ пѣсни, гдѣ уже не очерчивается жизнь лица по извѣстнымъ, опредѣленнымъ ея ступенямъ, гдѣ нѣтъ изображенія, а выражается одно воспоминаніе, хранится одно имя, готовое легко уступить мѣсто любому имени другому, и даже лице, полное самостоятельной жизни, превратить въ безъимяннаго удальца или мо́лодца.

Такое размѣщеніе Былевыхъ пѣсень при изданіи имѣетъ, кажется, ту выгоду, что не вдается въ область отвлеченную, не становится на точкѣ личнаго вкуса, не ввѣряется эстетической теоріи, но держится крѣпко почвы жизненной, держится *были*, какъ существеннаго содержанія пѣсни. Конечно, здѣсь могутъ быть, и даже неизбѣжны, нѣкоторыя передержки, нѣкоторыя исключительныя пѣсни,

колеблющіяся между наброшенными рамами: но это недостатки, свойственные каждому распредѣленію. и наше размѣщеніе, избѣгая рѣзкой строгости, имѣетъ въ замѣнъ того неоспоримую выгоду, — сообщаетъ пить, при которой художественный взглядъ можетъ возсоздать жизнь богатыря изи мо́лодца одною цѣльной и послѣдовательной эпопеею.

Прилагая эти основанія *въ частности* къ предлежащему выпуску, получаемъ:

Разрядъ I-й. Пѣсни, занимающая въ немъ первое мѣсто, есть самая первая быль въ жизни Муромца. Она застаетъ его еще *сиднемъ, въ отцовскомъ домѣ.* Но, поступая далѣе, вмѣстѣ съ 5-ю другими, она представляетъ сущностью всего разряда — *первый выѣздъ Ильи и битву на Сафатъ рѣкѣ.* Битва происходитъ съ *Татарченкомъ-бусурманченкомъ*; онъ же здѣсь *Борисъ Козловъ* и *Борисъ Збутъ королевичъ.* Какъ событіе другой поры дѣятельности, относящееся собственно къ подвигамъ Добрыни и отчасти Алеши Поповича, вторгается въ этотъ разрядъ посторонній разсказъ о встрѣчѣ съ *Разъѣздно́ю – Походно́ю дѣвицей* и съ *бабой Горынинкой* (*Бабища* эта появляется и послѣ, см. 1-ю пѣсню V-го разряда). Но Збутъ стоитъ явно въ сторонѣ еще отъ Кіева, вдали отъ подвиговъ Ильи на службѣ Владиміру: онъ замыкаетъ какіе-то намеки на *личныя* отношенія Ильи Муромца. Пѣсня 5-я смѣшиваетъ подвигъ со службою Владиміру, и потому ея начало, до борьбы со Збутомъ, именно *примѣшано* сюда, а на своемъ мѣстѣ было бы въ разрядѣ IV-мъ (см. ниже).

Разрядъ II-й, своею сущностью, очерчиваетъ путь *Ильи изъ отцовскаго дому въ Кіевъ* и первыя событія на этомъ пути — *выборъ дороги,* главную битву — *съ разбойниками,* и *спасеніе Чернигова.*

Въ *Разрядѣ III-мъ* продолжается *путь Ильи.* Пѣсни, сюда вошедшія, начинаютъ очень рано, съ выѣзда Ильи изъ отцовскаго дому, но путь его ведутъ всѣхъ далѣе: онъ уже *борется здѣсь съ Соловьемъ разбойникомъ* и вслѣдъ за тѣмъ *пріѣзжаетъ ко Владиміру.* Борьба съ Соловьемъ и пріѣздъ въ Кіевъ, — вотъ сущность разряда, наиболѣе въ немъ развитая.

Разрядъ IV-й — это *подвиги Ильи на службѣ Владиміру.*

или, собственно, одинъ главный подвигъ, очерченный 1-ю пѣснію сего разряда, превосходною пѣснею изъ Сборника П. В. К., какъ борьба съ *Жидовиномъ* *). Черты этаго страшнаго богатыря, противъ котораго не устоялъ никто кромѣ Муромца, тамъ и сямъ разбросаны по пѣснямъ; въ 3-й пѣсни того же разряда онѣ переведены на *Тугарина*, хотя здѣсь битва жены за мужа есть отзывъ сторонній, изъ жизни другихъ богатырей. Но, какъ 5-я пѣсня I-го разряда, помянутая выше, передъ борьбою со Збутомъ вставила начало, идущее собственно къ разряду IV-му, къ описанію службы Владиміру, такъ 2-я пѣсня IV-го разряда, совершенно на оборотъ, передавши всю первую половину правильно, какъ битву богатырей на заставѣ съ страшнымъ похвальщикомъ, примѣшала сюда, во второй половинѣ, *Збута*, и, вслѣдствіе того, разыгравшись по пути увлеченія, внѣ очертаній, извѣстныхъ изъ жизни Муромца, заставила сына убить мать, а отца звѣрски прикончить сына. Явно, это безцѣльное убійство, несообразное съ характеромъ Ильи, есть собственно удѣлъ *не Збута*, а *страшнаго богатыря*, встрѣченнаго на богатырской заставѣ.

Разрядъ V-й имѣетъ своею сущностію, опять *на службѣ Ильи Владиміру, спасеніе Кіева* отъ нашествія одного изъ тѣхъ народцевъ, выходцевъ съ Востока, которые въ то время то и дѣло грозили государству, слагавшемуся на югѣ Руси. Пѣсни называютъ предводителей этихъ полчищъ то *Калиномъ* (Куликъ), то *Мамаемъ*, и прочими восточными именами.

Разрядъ VI-й, заключительный, представляетъ *исчезновеніе* (не говоримъ — смерть) *Ильи Муромца*. Обѣ пѣсни, сюда вошедшія, равно замѣчательны. Первая, изъ Шенкурска, есть почти единственная, какую только можно назвать полною, съ началомъ и концемъ, съ разсказомъ о всей богатырской дѣятельности Ильи Муромца. Правда, въ ней нѣтъ нѣкоторыхъ подвиговъ, извѣстныхъ по другимъ пѣснямъ, но за то есть и такіе, которыхъ нѣтъ тамъ. Уже по тому самому она заслуживала мѣсто здѣсь, какъ сосредоточивающая и собирающая отрывки другихъ пѣсень въ одну

*) Блестящія соображенія о значеніи этого богатыря высказаны были нѣкогда А. С. Хомяковымъ, нынѣшнимъ Предсѣдателемъ Общества, въ Московскомъ Сборникѣ, 1852 г., въ Предисловіи къ пѣсни, отпечатанной тогда изъ собранія П. В. К.

полноту. Но, главнымъ образомъ, она не только собираетъ, она ведетъ и къ заключенію: въ ней Илья *исчезаетъ*. По основѣ, она не уступаетъ другимъ въ древности: но по обработкѣ, хотя и чисто народной, по уряду, она явно позднѣйшая, и позднѣйшія обстоятельства русской жизни оказали на нее замѣтное вліяніе. Владиміръ здѣсь называется уже Царемъ; его и Илью водятъ слуги подъ руки, — обрядность, какою пѣсни не окружаютъ дворъ Владиміра; онъ встрѣчаетъ Илью названіемъ «сельщины и деревеньщины»; даже убѣдившись въ силѣ его богатырства, сажаетъ его только «по край стола, по край скамьи»; самъ Илья является съ непривычной гнѣвностію и раздражительностію, даже жестокостію. Онъ видитъ хорошо, какъ его приняли, и на предложеніе служить воеводою, встаетъ и объявляетъ: «не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть, не хочу я у васъ воеводой жить; на пріѣздѣ гости не употчивали, на поѣздинахъ не учествовали; эта ваша мнѣ чéсть не въ честь», и, съ этими словами, избиваетъ всѣхъ вокругъ до послѣдняго; только царь за печку задвинулся, собольей шубой закинулся. Илья исчезаетъ: «Ильи-то тутъ и былъ и нѣтъ, нѣтъ ни вѣсти ни повѣсти, ныиѣ и до́ вѣку». Чувствуется живо, какъ сходитъ онъ съ поприща внѣшнихъ дѣйствій и уходитъ внутрь народнаго сознанія, гдѣ теряется съ своимъ именемъ, но продолжаетъ творить какъ сила внутренняя. И конечно въ самомъ Ильѣ, по преимуществу образѣ народа, народъ начерталъ свою собственную исторію, въ ту пору, когда уходилъ съ поля внѣшней дѣятельности во внутреннюю область глубокаго сознанія. — Вторая пѣсня почти такая же, но съ новымъ еще оттѣнкомъ. Она также значительно полна, но съ половины круто поворачиваетъ къ заключенію и даетъ Ильѣ огромныя богатства, чтобы заставить его строить «церкву Пещерскую». Онъ сдвигаетъ громадный камень, сходитъ *въ глубь*—и здѣсь каменѣетъ, строя церкву въ пещерѣ. Онъ исчезаетъ изъ внѣшняго міра также точно, какъ въ пѣсни первой; но исчезаетъ съ тою особенностью народнаго воззрѣнія, которая дала ему мѣсто въ пещерахъ Кіевскихъ и чтитъ его мощи. Изъ государства переходъ къ церкви; изъ богатырства выходъ къ святости; изъ Былевой пѣсни къ Стиху. И пѣсня кончается многознаменательнымъ выраженіемъ, употребительнымъ лишь въ Стихахъ: «да къ тому-то стиху и славы поютъ.»

Разрядъ VII-й есть собственно *добавочный* къ предыдущимъ. Здѣсь прекращаются живыя черты дѣятельности Ильи Муромца, и

является уже не *образъ* его, столь знакомый по извѣстнымъ подвигамъ, а простое *воспоминаніе* о немъ. Пѣсня 1-я воспоминаетъ, что Илья *умеръ*; 2-я разсказываетъ, что *о немъ поютъ*; 3-я и 4-я вставляетъ *имя Ильи* тамъ, гдѣ можно бы вставить и всякое другое, и даже просто обойтись безъ имени, хотя въ послѣдней и есть нѣкоторое кажущееся сходство съ 3-й пѣснею I-го разряда; наконецъ 5-я, употребляя выраженія, близкія къ 1-й пѣсни II-го разряда и къ другимъ того же рода, выставляетъ безцвѣтный подвигъ, равно свойственный всякому богатырю и ничего не прибавляющій къ самому Муромцу. Здѣсь-то переходъ къ пѣснямъ, которыя назвали мы *Безименными*.

Таково примѣненіе общихъ основаній къ размѣщенію пѣсень настоящаго выпуска. Но при этомъ встрѣтилась еще *третья* особенность, нѣсколько видоизмѣнившая послѣдовательный порядокъ пѣсень. *Съ одной стороны*, естественно, пѣсни, собранныя П. В. К., помѣщены въ каждомъ разрядѣ *непремѣнно сначала*, а за тѣмъ уже изъ другихъ печатныхъ изданій; исключеніе за однимъ II-мъ разрядомъ, въ которомъ, о борьбѣ съ разбойниками, сперва идутъ пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, съ выдержками изъ другихъ изданій, а потомъ, подъ № 7-мъ, снова взята (сводная) пѣсня у г. Кирѣевскаго, ибо она переноситъ дѣйствіе съ путь-дороги на море и корабль; для разряда же V-го и VI-го, къ сожалѣнію, вовсе не найдено у Собирателя никакой подходящей пѣсни *). *Съ другой стороны*, пѣсни изъ сборника Кирши Данилова, до сихъ поръ столь замѣтно отличныя отъ прочихъ, издававшихся и издающихся, принято печатать, какъ полагалъ и П. В. К., *не иначе, какъ въ концѣ* каждаго разряда. На сколько, при этихъ новыхъ двухъ условіяхъ, выдержана правильность въ размѣщеніи пѣсень, покажутъ послѣдствія и успѣхи столь труднаго дѣла.

На конецъ, говоря о распредѣленіи пѣсень перваго выпуска сообразно содержанію самой были, нельзя не замѣтить, что Сказки, по-

*) Вообще настоящій выпускъ изобилуетъ пополненіями изъ другихъ печатныхъ изданій: отчасти къ сожалѣнію, ибо это почти подавляетъ долю самого Сборника, чего не будетъ впослѣдствіи; отчасти къ лучшему, ибо это обстоятельство доказываетъ, какъ успѣшно, послѣ самоотверженнаго и нѣкогда уединеннаго подвига П. В. Кирѣевскаго, двинулась наша наука на пути изученія народности и собранія народныхъ пѣсень.

мѣщенныя въ нашихъ Приложеніяхъ, дополняютъ дѣятельность Ил Муромца еще новою особою чертою: это *борьба Ильи съ поганы Идолищемъ*, о которомъ молчатъ пѣсни, вѣроятно разбрасывая черт его по другимъ врагамъ Муромца.

—

II.

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

К. С. Аксакова.

Въ дѣтствѣ я не разъ слыхалъ разсказы объ Ильѣ Муромцѣ, изъ того, что сохранила моя память, есть нѣкоторыя подробнос и особенности, которыя, сколько мнѣ извѣстно, не находятся, вовс или по крайней мѣрѣ не въ томъ видѣ, въ пѣсняхъ и сказкахъ, которыя передать во всеобщее свѣдѣніе, кажется мнѣ, будетъ лишнимъ.

Разсказъ начинается, какъ обыкновенно, съ того, что Ил Муромецъ сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ. — Однажды, когда отец и вся семья его были на работѣ, приходятъ къ нему двое старцев и говорятъ: «Илья Муромецъ, принеси намъ напиться.» — Ил отвѣчаетъ, что онъ встать на ноги не можетъ, и вотъ тридца лѣтъ сидитъ сидномъ. «Встань и принеси,» говорятъ ему старцы.- Илья Муромецъ всталъ и принесъ ведро воды старцамъ.— «Вып самъ,»говорятъ они ему.—Илья выпилъ.—«Что ты въ себѣ слышишь спрашиваютъ его. — Слышу большую силу, отвѣчаетъ Илья * «Поди принеси еще ведро,» говорятъ старцы.— Илья приноситъ.- «Выпей!» — Илья выпиваетъ. —«Что ты теперь слышишь въ себѣ спрашиваютъ старцы. — «Еслибъ повернуть кольцо въ землю, отв чаетъ Илья: то я бы всю землю перевернулъ **).» —«Это много, т

---

*) Мнѣ помнится, онъ опредѣлилъ эту силу тѣмъ, что онъ могъ сдѣлать,—но чѣмъ, я наверное не помню: какъ будто тѣмъ, что онъ выра дерево съ корнемъ.

**) Помнится и такой отвѣтъ: «еслибъ утвердить столбъ отъ земли неба, то я бы этотъ столбъ повернулъ.»

ворятъ старцы, поди принеси еще ведро.»— Илья принесъ. — «Выпей.»— Илья выпилъ, и силы въ немъ поубавилось *). — «Довольно тебѣ этой силы,» сказали старцы, и ушли.— Илья всталъ и пошелъ къ своимъ на работу. Какъ только увидали его, такъ закричали, въ изумленіи: «смотрите-ка: Илья идетъ **)!» —

Когда Илья, взявъ благословеніе у отца и матери, пустился въ путь, по направленію къ Кіеву, то, слѣдуя берегамъ Оки, встрѣтилъ онъ въ узкомъ мѣстѣ богатыря (помнится, Зюзю, по имени), который одинъ тащилъ разшиву. «Съ дороги!» кричалъ богатырь. Обидно показалось Ильѣ; онъ не далъ дороги, схватилъ богатыря въ руки и кинулъ вверхъ, и потомъ опять подхватилъ его на руки и поставилъ на землю. Богатырь, пока летѣлъ вверхъ и падалъ внизъ, успѣлъ сказать сто разъ: «виноватъ, Илья Муромецъ, впередъ не буду.» Здѣсь нельзя не замѣтить пріема Ильи, къ которому онъ не разъ прибѣгаетъ въ схваткахъ богатырскихъ: пріемъ этотъ—схватить на руки и кинуть вверхъ, а потомъ подхватить и безвредно опустить на землю. Илья бьетъ не охотно, только въ крайнихъ случаяхъ; а гдѣ нѣтъ этой, непріятной для него, необходимости, онъ только показываетъ, безвредно, свою богатырскую силу, чтобы заставить уступить себѣ, чтобъ заставить смириться своего врага: такъ, мечетъ онъ вверхъ своихъ противниковъ; такъ, когда нападаетъ на него толпа разбойниковъ, онъ стрѣляетъ не въ нихъ, а въ дубъ, который разлетается въ дребезги,—и разбойники падаютъ на землю.

Я слышалъ еще слѣдующій разсказъ. Илья Муромецъ, послѣ многихъ, совершенныхъ имъ, богатырскихъ подвиговъ, не найдя себѣ равнаго силою, заслышалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на всей землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать, гору, и лежитъ на ней.— Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ онъ искать

---

*) Не помню, на сколько: въ половину ли, или до той силы, какая послышалась послѣ перваго ведра.

**) Я не помню ясно, на какой работѣ была семья Ильи, но помню, что онъ принялъ въ этой работѣ участіе и изумилъ необычайною силою. Чуть ли это не была рубка лѣсу, и Илья, принявшись помогать, сталъ съ корнемъ рвать деревья.

этого богатыря и нашелъ гору, а на ней лежитъ огромный богатырь самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ я зацѣпился з сучокъ,» говоритъ богатырь.— Илья, напрягши всю свою силу, по вторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ», говоритъ богатырь оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца и сказалъ ему: «А, эт ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ни силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой уродъ; меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору и лез на ней.»—

Образъ этого громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣл собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ—весьма замѣ чателенъ. Очевидно, что онъ *выходитъ вонъ разряда богатырей* къ которымъ принадлежитъ Илья Муромецъ. Это *богатырь-стихія*. Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующе эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получа очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гд являются богатыри-стихіи. Вочеловѣченіе этихъ силъ имѣетъ сво степени; не всѣ богатыри этой первозданной эпохи одинаково носят на себѣ стихійный характеръ; но одинъ болѣе, другой менѣе, один дальше, другой ближе къ людямъ. Къ такимъ богатырямъ принад лежатъ, кажется, тѣ, которыхъ вдругъ одного за другимъ, по име намъ только и при случаѣ, изчисляетъ пѣсня Владиміровой эпохи, ко торые—Богъ знаетъ откуда—появляются толпою и о которыхъ в ней ничего не повѣствуется. Таковы Полканъ, Святогоръ, и др.; с теченіемъ времени, при повтореніи пѣсенномъ, значеніе ихъ могл забыться и образъ утратить свой отпечатокъ.—Не ихъ ли должн разумѣть подъ «старшими богатырями (см. первую пѣсню заключител наго, VI-го разряда)», которые, неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его по ѣздку. Недавно найденная однимъ просвѣщеннымъ любителемъ старины превосходная древняя пѣсня о Святогорѣ говоритъ въ пользу нашег мнѣнія. Пѣсня разсказываетъ именно, какъ Святогоръ хотѣлъ найт вѣсъ или тяготу земли,—то есть такую тяжесть, которая бы рав нялась тяжести земли,—хотѣлъ найти и поднять эту тяжесть дѣло чисто титаническое.—Такая же, выступившая за обыкновен ные предѣлы, титаническая міровая сила обняла Илью, когда онъ послѣ втораго ведра, сказалъ: «поверну всю землю.» — Но старц умѣрили эту силу и возвратили ее въ предѣлы силы человѣческой.—

Илья Муромецъ не принадлежитъ къ титанической, но къ богатырской эпохѣ; онъ есть величайшая, первая *человѣческая* сила. —

—

III.

ОТМѢТКИ ИЗЪ СКАЗОКЪ

И ПРЕДАНІЙ ВЪ НАРОДѢ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ,

В. И. Даля.

Отецъ Ильи, Иванъ Тимоѳеевъ; мать, Ефросинья Яковлева. Онъ сиднемъ сидѣлъ за какой-то грѣхъ дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ. Когда странники его отпоили *), то онъ сказалъ: «Кабы мнѣ столбъ съ кольцомъ въ небо утвердить, я бы землю съ мѣста своротилъ», и этой-то силы ему поубавили.

Илья на печи, подъ собою, яму протеръ, такъ, что видна была только борода съ головою, да и та все ныряла; онъ день и ночь молился, поклоны клалъ. Сидя на печи, онъ слышалъ не разъ вѣсти про Соловья разбойника, который промежъ Кіева и Чернигова дорогу залегъ; Илья задумывался, вздыхалъ и распрашивалъ объ этомъ дѣлѣ странниковъ. «Что тебѣ до него, дитятко?», говаривалъ отецъ—и Илья замолкалъ, но во снѣ и на яву все въ очью видитъ Соловья разбойника: и молиться не даетъ, окаянный.—Есть одно преданіе, которое говоритъ, что Илья всталъ, когда возгласили въ церкви *Христосъ Воскресъ*, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе.

Коня богатырскаго Илья купилъ у Корачаровскаго дьячка, шелудивымъ жеребенкомъ, за три деньги, вывалялъ его въ росѣ на тридевяти утренникахъ, и вывалялся жеребенокъ конемъ богатырскимъ: ѣстъ онъ одну бѣлоярову пшеницу (пшеничку кукурузу), пьетъ одну росу утреннюю.

Пытая мечи булатные, Илья сокрушалъ рукояти ихъ, сжимая въ кулакѣ; кинулъ онъ мечи эти бабамъ лучину щепать, а самъ выковалъ себѣ, изъ трехъ полосъ булатныхъ, три стрѣлы, закаливъ ихъ во утробѣ матери сырой земли.

Когда Илья сталъ просить благословенія родительскаго въ Кіевъ, на богатырскіе подвиги, а Иванъ Тимоѳеевъ недовѣрчиво усомнился, то

*) См 1-ю пѣсню 1-го разряда, Сказки въ Приложеніяхъ и Воспоминаніи К. С. Аксакова.

онъ, созвавъ понятыхъ людей, вышелъ на Оку, уперся плечемъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ Оку; подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильею. Тогда родители его благословили, наложивъ однако заклятіе ѣхать не на Черниговъ-градъ, гдѣ залегъ Соловей, а объѣхать на Кіевъ околицею; и, второе, не проливать напрасно христіанской крови, людей не обижать.

Илья, на прощанье, пустилъ корочку хлѣба по Окѣ рѣкѣ, за то, что поила и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли.

Пустившись въ путь, Илья далъ первый ускокъ въ полпути до Мурома (версты полторы): тутъ исподъ копытъ богатырскаго коня живой ключь ударилъ, бьющій и понынѣ; надъ нимъ поставлена часовенка, во имя Пророка Иліи.—На родникъ этотъ и понынѣ медвѣдь ходитъ, испить водицы, понабраться богатырской силы.

За другимъ ускокомъ, Илья, на перелетѣ черезъ Муромъ, снялъ шапку и перекрестился, супротивъ Троицкаго монастыря: а за третьимъ ускокомъ, очутился уже подъ лѣсами Брынскими.

Разогнавъ шайку разбойничью тѣмъ, что расщепилъ сырой дубъ стрѣлою въ черенья ножевые, Илья наѣхалъ оставъ, костякъ богатырскій, предалъ его честно землѣ и засыпалъ великимъ курганомъ, который—гдѣ-то—и теперь стоитъ.

Затѣмъ, онъ освободилъ Кипешму отъ Литвы, за что князь Кипешемскій и всѣ жители, кумиряки, обратились въ Христіанство. Также освободилъ онъ Черниговъ, бывшій въ осадѣ, и, полонивъ Соловья-разбойника на перепутьи, явился въ Кіевъ, на широкій княжій дворъ, къ вечернѣ того же дня, въ который отстоялъ утреню въ Корачаровѣ.

У Владиміра, ласкова князя Солнышка, было столованье, почестной пиръ, и рѣчь шла о Соловьѣ разбойникѣ, который много народу перегубилъ; въ это время докладываютъ, что чужой дѣтина пріѣхалъ, Соловья въ торокахъ привезъ. «Пріѣзжій дѣтина крѣпко запирается, коли Соловьемъ въ торокахъ похваляется», рѣшили всѣ застольные богатыри, и пошли всѣ, съ великимъ княземъ и со княгинней Апраксѣевной, на княжье широкое крыльцо. Тамъ увидали Соловья, въ сыромятныхъ путлищахъ, въ торокахъ; онъ однимъ глазомъ на Кіевъ, другимъ, по старой привычкѣ, на Черниговъ глядѣлъ; виситъ травянымъ мѣшкомъ, согнутъ корчагою. Илья сказываетъ князю похожденія свои; девять сыновъ или зятьевъ Соловья спасаясь отъ Ильи, обратились въ воронов, съ желѣзнымъ кля

вомъ, и живутъ понынѣ. Тутъ прискакалъ гонецъ изподъ Чернигова, съ вѣстію объ освобожденіи его Ильею, котораго повели почетно за княжій пиръ, и проч. Илья побратался съ Добрынею, съ Алешею Поповичемъ дружно жилъ; съѣзжался съ Калѣчищемъ перехожимъ, съ которымъ у дьячка Корачаровскаго вмѣстѣ грамотѣ учился; онъ-то надоумилъ Илью, что чудище Полканище, Полканъ Полкановичъ, въ Кіевѣ людей поѣдаетъ, по турпиному, жвачку жуетъ. Илья обмѣнялся одежей съ Калѣкой и самъ, побирался, прошелъ въ Кіевъ, былъ принятъ, какъ нищій, въ княжьихъ палатахъ, гдѣ засталъ Полкана у полдника: ему подавали цѣлаго быка за разъ, а брагу пилъ онъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки. Стоя скромно у печи, Илья сказалъ ему пословицу: «У моего у сударя, у батюшки, была обжорлива кобыла, да не много нажила: разорвало ее, волчью сыть.» Полканъ обругался, прибавивъ:—Каковъ-то у васъ былъ Илья Муромецъ, я бъ на него поглядѣлъ, и того бы погтемъ прикрылъ, такъ бы только мокренько стало. — «А вотъ онъ каковъ», отозвался Илья, ударивъ Полкана шляпою Калѣки перехожаго по головѣ: и вогналъ ему голову промежъ плечъ, раскололъ на двое пса-богатыря.

Илья, на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ на Окіанъ-море, о которомъ до того и слыхомъ не слыхать было; Соколъ-корабль насилу ушелъ отъ Сизаго-орла,—но вѣстей объ Ильѣ болѣе никакихъ. Куда онъ дѣвался, не говорится ни въ сказкахъ объ немъ, ни въ пѣсняхъ *).

КОНЕЦЪ 1-го ВЫПУСКА.

*) Я слышалъ слѣдующій разсказъ о кончинѣ Ильи. Ѣздилъ онъ съ Добрыней и Алёшей, наѣзжалъ на диво — Невеличку, поборолся, Невеличка помялъ ему бока, такъ что Муромецъ крикнулъ: «невелика, говоритъ, птичка, а носокъ востёръ!» Покончивши съ нимъ, только что двинулись дальше: стоитъ каменный гробъ, безъ крышки. «Полѣзай», говоритъ Алёшѣ; Алеша влѣзъ: гробъ ему великъ. Попыталъ Добрыня: гробъ ему узокъ. «Видно гробъ по мнѣ», сказалъ Муромецъ и влѣзъ, снявши доспѣхи: откуда ни возьмись каменная крышка, захлопнула его накрѣпко. Кричитъ оттуда Илья, крышку силится своротить, крышка не подается. «Берите мой мечь-кладенецъ, рубите имъ!» Мечемъ ударили, — а на гробу появились два обруча и еще крѣпче его сжали. «Рубите обручи!»— Рубятъ,— а ихъ стало четыре, потомъ шесть. «Пришелъ мнѣ конецъ», послышался голосъ Муромца: «прощайте, товарищи!» Раздѣлилъ онъ богатырямъ доспѣхи, разрядилъ все по завѣщанію, гробъ назначилъ гдѣ поставить, велѣлъ приходить на него молиться, и замолкъ.—*П. Безсоновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ 1-ГО ВЫПУСКА.

	Стран.
Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл.	I — II.
Предувѣдомленіе отъ Коммиссіи для печатанія пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.	I — IV.
Вступленіе къ Былевымъ пѣснямъ, П. В Кирѣевскаго.	IV — VI.
Пѣсни Былевыя. Время Владимірово.—Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ. .	1 — 94.
Приложенія.—Сказки 1, 2, 3. .	I — XXII.
Свѣдѣніе о мѣстѣ погребенія Ильи Муромца, о памяти ему и службѣ.	XXII
I. Замѣтка о порядкѣ въ размѣщеніи пѣсенъ Былевыхъ, въ томъ числѣ пѣсень объ Ильѣ Муромцѣ, по содержанію самой были.	XXIII—XXIX.
II. Личныя воспоминанія К. С. Аксакова.	XXIX—XXXII.
III. Отмѣтки изъ сказокъ и преданій въ народѣ объ Ильѣ Муромцѣ. В. И. Даля.	XXXII—XXXIV.

*

Погрѣшности.

Пѣсни, страница 2, строка 1 снизу:	Слѣдуетъ исправить:
на двѣнадсять дёнъ. — —	на двѣнадсять дёнъ.—*О*.
— стран. 22, строка 4 и 5 въ разнорѣчіяхъ:	
по морю синему. — — —	по морю по синему.
— — строка 11, тамже:	
И на якорихъ. — — —	И на якорѣ.
— стран. 23, строка 7:	
залочоныя — — — —	золочоныя
— стран. 28, строка 1 снизу:	
съ повелительнымъ. — —	съ повелительнымъ.—*О*.
— стран. 22 и 23, во всей пѣсни подъ № 7-мъ и въ разнорѣчіяхъ къ ней, по особому обстоятельству допущенную ошибку— — — — —	Слѣдуетъ исправить вездѣ:
Соколь— — — — —	Соколъ

—